

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПЕРВОЕ

Этот журнал выходит четыре раза въ мѣсяцъ. Подписная цѣна, серебромъ, за годъ 14 руб. 30 коп., за полгода — 8 руб. На почтовую пересылку за годъ 1 рубль 30 копѣекъ, за полгода 75 копѣекъ. За доставку въ С. Петербургъ на домъ, въ теченіе года или полу-года, 70 копѣекъ.

Подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ К. А. Полеваго: 1) въ С. Петербургѣ, на Невскомъ-Проспектѣ, въ домѣ Рогова, противъ Думы; 2) въ Москвѣ, на Тверской, въ домѣ Мятлевой. Иногородные адресуются въ Газетную Экспедицію Санктпетербургскаго Почтамта.

ВЪ СТОЛБЦАХЪ ПЕРВЫХЪ
— О ПОВЕДЕНІИ ПЕТРА ПЕРВАГО
— О ПОВЕДЕНІИ ПЕТРА ВТОРОГО
— О ПОВЕДЕНІИ ПЕТРА ТРЕТЬЯГО
— О ПОВЕДЕНІИ ПЕТРА ЧЕТВЕРТОГО
— О ПОВЕДЕНІИ ПЕТРА ПЯТОГО
— О ПОВЕДЕНІИ ПЕТРА ШЕСТОГО
— О ПОВЕДЕНІИ ПЕТРА СЕДЬМИГО
— О ПОВЕДЕНІИ ПЕТРА ВОСЬМИГО
— О ПОВЕДЕНІИ ПЕТРА ДЕВЯТИГО
— О ПОВЕДЕНІИ ПЕТРА ДЕСЯТИГО

№ 10. МАЙ 1844.

A

139
36

~~438~~

СЫНЪ

ОТЕЧЕСТВА

СОДЕРЖАНІЕ.

Современная Исторія и Политика. Внутреннія и заграничныя извѣстія. — Иностранная Словесность. Ярль Хаконъ, скандинавская драма, въ пяти актахъ, Эленшлегера. Перев. В. Деригера, (окончаніе). — Науки и Художество. Экспедиція полпоручика Пахтусова для описи восточнаго берега Новой-Земли, въ 1832 и 1833 годахъ. — Смѣсь. Отзывъ заграничнаго критика, о новой медицинской газетѣ издаваемой въ Санктпетербургѣ. — Двухдневное пребываніе англійскаго посланника, лорда Витмора, въ знаменитѣйшемъ городѣ китайской имперіи, Сань-чу-фу. — Окаменялыя пальмы. — Новозобретенная машина для утушенія пожаровъ. — Размѣщеніе органическихъ существъ въ различныхъ глубинахъ моря. — Успѣхи просвѣщенія на Сандвичевыхъ островахъ. — Охота за львами въ Текели. — Вліяніе температуры на образованіе коралловыхъ медей. — Историческія и статистическія замѣчанія о колоколахъ. — Ежедневный Итогъ журналовъ, печатаемыхъ въ Парижѣ. — Воздушный кофейный домъ. — Разработка бирюзовыхъ рудниковъ въ Хорасанѣ. — Наводненіе, происшедшее отъ прорыва подземной воды. — Церемонная встрѣча Донголосовъ.

При этомъ номерѣ приложенъ портретъ Королевы Викторіи.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ-ВТОРОЙ.

MEMO
BY
JAMES M. SMITH

MEMOIR OF
THE
LIFE AND REIGN OF
THE
QUEEN MARY II
BY
JAMES M. SMITH

А 189
36

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

Выходитъ четыре раза въ мѣсяцъ. Подписная цѣна, серебромъ, за годъ 14 руб. 50 коп., за полгода—8 руб. На почтовую пересылку за годъ 1 рубль 50 копѣекъ, за полгода 75 копѣекъ. За доставку въ С. Петербургъ на домъ, въ теченіе года или по полгода, 70 копѣекъ.

Журналъ

Подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ К. А. Полеваго: 1) въ С. Петербургъ на Невскомъ-Проспектѣ, въ домъ Рогова, противъ Думы; 2) въ Москвѣ, на Тверской, въ домъ Мятлевой. Иногородные адресуются въ Газетную Экспедицію С. П. бургскаго Почтамта.

ПОЛИТИКИ, ИСТОРИИ, СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ И ХУДОЖЕСТВЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ-ВТОРОЙ.

№ 10. МАЙ 1844.

Современная Исторія

Политика.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ВЫСОЧАЙШІЙ РЕСКРИПТЪ,

данный на имя княгини С. П. Голицыной.

Княгиня Софья Петровна. Донесенія супруга вашего, Военнаго Губернатора города Тулы и Тульского Гражданскаго Губернатора, о послѣдовавшемъ освященіи сооруженной при Тульскомъ Домѣ Призрѣнія Престарѣлыхъ Убогихъ и Увѣчныхъ церкви, принесла Миѣ истинное удовольствіе. Усматривая же, что желаніе Мое доставить призрѣваемымъ въ семь заведеніи немощнымъ утѣщеніе Божественнаго служенія и молитвы приведено въ исполненіе дѣятельнымъ стараніемъ и неуспѣшнымъ попеченіемъ вашимъ, — Я вмѣняю Себѣ въ пріятную обязанность изъяснить вамъ искреннюю Мою признательность за примѣрное усердіе, оказанное вами въ семь случаевъ и при основаніи Тульского Дѣтскаго

№ 10

Пріюта — усердіе, коему заведенія сіи обязаны существованіемъ своимъ и, сверхъ того, значительными пожертвованіями, упорчивающими будущее ихъ благосостояніе. Собственное сознаніе сдѣланнаго вами добра будетъ вамъ навсегда лучшею наградою; но Я не могу не изъяснить вамъ полнаго Моего удовольствія, а равно Преосвященному Епископу Дамаскину и прочимъ лицамъ, принявшимъ дѣятельное и ревностное участіе въ Христіанскомъ вашемъ подвигѣ, — пребывая вамъ доброжелательною.

На подлинномъ Собственною Ея Императорскаго Величества рукою написано:

АЛЕКСАНДРА.

С. Петербургъ, 19 Февраля 1844 года.

— Государственный Совѣтъ, въ Департаментѣ Закононовъ и въ Общемъ Собраніи, рассмотрѣвъ всеподданнѣйшій докладъ Общаго Собранія первыхъ трехъ Департаментовъ Правительствующаго Сената, относительно вырубки въ казенныхъ лѣсахъ деревь толще дозволенной мѣры, и соглашаясь съ заключеніемъ Сената, *мнѣніемъ положилъ*: постановить, что сила заключающагося въ статьѣ 716 Уст. Лѣсн. (Св. Зак. т. VIII, изд. 1842 г.) правила, касательно вырубки въ казенныхъ дачахъ, Вологодской и Архангельской губерній, деревь толще дозволенныхъ размѣровъ, распространяется на всѣхъ вообще покупателей и заготовщиковъ въ казенныхъ дачахъ лѣсу и по другимъ губерніямъ, но съ тѣмъ именно, что лица сіи не полвергаются взыскаію тогда только, когда вырубленъ

50

ныя бревна будутъ толще дозволенной мѣры, менѣе нежели на полвершка. — Мнѣніе сіе Высочайше утверждено 27 Марта и опубликовано при Указѣ Пр. Сената 28 Апрѣля.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Въ засѣданіи Палаты Перовъ продолжались совѣщанія о проектѣ закона о второстепенныхъ школахъ. Измѣненіе, предложенное Графомъ Бѣньо, на основаніи котораго всякому иностранцу, имѣющему королевское дозволеніе поселиться во Франціи, слѣдуетъ также предоставить право заводить частныя школы для второстепеннаго обученія и на тѣхъ же условіяхъ, какія существуютъ для природныхъ Французовъ, — было, какъ уже извѣстно, передано на разсмотрѣніе Комиссіи. Герцогъ де Броли, докладчикъ Комиссіи, объявилъ Палатѣ, что Комиссія не находитъ возможнымъ одобрить измѣненіе Графа Бѣньо и предлагаетъ предоставить иностранцамъ только право открывать съ дозволенія Министра Народнаго Просвѣщенія частныя учебныя курсы. Это предложеніе Комиссіи было Палатою принято, а добавочная статья Графа Бѣньо отвергнута. Въ это же засѣданіе Палата постановила правиломъ, чтобы содержатели учебныхъ заведеній имѣли никакъ не менѣе тридцати лѣтъ отъ роду; вопросъ же о возрастѣ учителей былъ снова переданъ на разсмотрѣніе Комиссіи. — Въ слѣдующемъ засѣданіи Палаты Перовъ былъ утвержденъ первый параграфъ четвертой статьи проекта закона о второстепенныхъ школахъ въ слѣдующемъ видѣ: «Каждый Французъ, имѣющій тридцать лѣтъ отъ роду, можетъ открыть частную школу для второстепеннаго обученія, но не иначе, какъ вручивъ ректору ближайшей академіи документы, означенные въ послѣдующихъ параграфахъ.» Во второмъ параграфѣ говорится о свидѣтельствѣ, удостоверяющемъ, что проситель, по своей нравственности и характеру

своему, достоинъ управлять училищемъ второстепеннаго обученія. Въ третьемъ параграфѣ говорится о дипломѣ на ученую степень или свидѣтельствѣ, доказывающемъ способность прѣсителя, а также и о письменномъ объявленіи, что онъ не принадлежитъ ни къ какому духовному сообществу, запрещенному во Франціи. — Герцогъ Гаркуръ предложилъ исключить это послѣднее условіе, потому-что, по его мнѣнію, оно внушено единственно однимъ только страхомъ Іезуитовъ и противорѣчитъ той независимости, которую вообще имѣетъ въ виду проектъ закона. Страхъ къ Іезуитамъ не составляетъ достаточной причины, чтобы ограничивать свободу, предполагаемую проектомъ. И почему именно учителя должны объявлять, къ какому они принадлежатъ исповѣданію, когда подобнаго объявленія не требуютъ ни отъ судей, ни отъ депутатовъ, ни отъ перовъ? — Герцогу Гаркуру возражалъ Г. Бурдо, доказывая необходимость отбирать отъ учредителей школъ изъясненныя выше показанія и при этомъ случаѣ распространялся объ исторіи Іезуитовъ, извѣстной уже изъ рѣчей Гг. Кузена и Дюпеля. Графъ Монталамберъ произнесъ рѣчь въ похвалу разныхъ духовныхъ Орденовъ и въ ней старался выставить заслуги, оказанныя ими религіи и обществу. Не менѣе пятидесяти городовъ Франціи обязаны имъ своимъ существованіемъ; бѣдность начала болѣе и болѣе распространялась, именно съ-тѣхъ-поръ, когда разные духовные Ордена были удалены изъ государства. Ораторъ въ особенности защищалъ Орденъ Іезуитовъ. При этомъ случаѣ Графъ Монталамберъ опровергалъ сказанное Г-мъ Пасси въ засѣданіи 27-го апрѣля, будто бы, въ эпоху возстановленія Бурбоновъ, Іезуитами издана учебная историческая книга, въ которой Наполеонъ названъ «Маркизомъ Бонапарте и Генералъ-Намѣстникомъ Людовика XVIII.» Ораторъ утверждалъ, что подобной книги вовсе не существуетъ. Въ заключеніе, онъ энергически протестовалъ противъ устраненія нѣкоторыхъ духовныхъ Орденовъ и требовалъ полной свободы обученія для всѣхъ. — Баронъ Дюпелъ и Г. Пасси возражали Графу Монталамберу. Пренія эти не имѣли, однакожъ, никакого результата и рѣшенія вопроса о письменномъ объявленіи со стороны учредителей частныхъ школъ, что они не принадлежатъ ни къ какому духовному сообществу, запрещенному во Франціи. — Палата принуждена была, за недостаткомъ времени, отложить разсмотрѣніе этой статьи до слѣдующаго засѣданія.

Въ Палатѣ Депутатовъ, пренія о тюрьмахъ оста-

повились на тринадцатой статьѣ проекта закона, которымъ предписывается, чтобы, для преступниковъ, приговоренныхъ къ каторжной работѣ, устроены были тюрьмы, подъ названіемъ каторжно-рабочихъ домовъ, въ которыхъ заключенные будутъ заниматься самыми тяжкими работами. Г. Бешаръ предложилъ, въ видѣ измѣненія, чтобы Палата отложила основаніе этихъ новыхъ тюремъ для осужденныхъ, до того времени, когда смягченной системой одиночнаго заключенія для обвиняемыхъ, убѣдится въ возможности ввести эту систему въ строгихъ формахъ для женщинъ-преступницъ. — Г. Ламартинъ опровергалъ это измѣненіе, явившись ревностнымъ защитникомъ системы одиночнаго заключенія и ссылки послѣ десятилѣтняго заточенія.

— Въ Нижней Палатѣ назначенъ былъ для выслушанія планъ правительства о привилегіяхъ Англійскаго Банка. Сиръ Р. Пиль, вскорѣ по открытіи засѣданія, всталъ съ своего мѣста, чтобы произнести рѣчь свою, продолжавшуюся три часа, въ которой онъ изложилъ давно ожидаемыя мѣры правительства къ измѣненію банковской системы въ Англии и Валлисѣ, и особенно Англійскаго Банка. Первая часть его рѣчи посвящена была исчисленію и объясненію тѣхъ элементарныхъ началъ, на которыхъ основывается вся важная банковая система и которыхъ повтореніе, сказалъ Министръ, полезно въ великихъ случаяхъ, потому-что оно знакомитъ съ сущностію системы, служащей основаніемъ каждой финансовой операціи. Хартія Англійскаго Банка возобновлена была въ 1833 году, и дѣйствіе ея продолжено до 1855 г., но въ ней, между прочимъ, постановлено, что, по прошествіи первыхъ десяти лѣтъ, Парламентъ можетъ произвести въ ней перемѣны, какія заблагоразсудитъ. Такъ-какъ срокъ этотъ истечетъ въ августъ мѣсяцъ, то правительство, чтобы исполнить одну великую обязанность свою, предлагаетъ мнѣніе свое о перемѣнахъ, какія находятъ нужнымъ произвести въ банковской системѣ. Сиръ Р. Пиль не требовалъ рѣшенія Палаты въ тотъ же вечеръ, но хотѣлъ только предварительно изложить свои мнѣнія, чтобы дать время Палатѣ и государству зрѣло ихъ обсудить, въ полномъ убѣжденіи, что этотъ великій вопросъ будетъ рѣшенъ съ устраненіемъ всѣхъ предубѣждений партій и съ надлежащею основательностію. Мнѣнія эти содержатъ въ себѣ слѣдующее:

«Полезно, чтобы Англійскій Банкъ на опредѣленное время пользовался извѣстными, дарованными ему чинѣмъ закономъ привилегіями; но чтобы въ то же

время онъ подчиненъ былъ такимъ условіямъ, которыя будутъ ближе опредѣлены въ особомъ актѣ. Полезно, чтобы на будущее время Англійскій Банкъ раздѣленъ былъ на два департамента — одинъ исключительно для выпуска въ обращеніе билетовъ, другой для завѣдыванія собственно банковыми операціями.

«Полезно ограничить количество золота, на основаніи котораго Англійскій Банкъ будетъ впродъ выдавать въ платежъ предъявителю билетовъ долговыя ноты, и возвышеніе этого фонда въ извѣстныхъ случаяхъ поставить въ зависимость отъ опредѣленныхъ законовъ.

«Еженедѣльно должно быть приводимо въ извѣстность положеніе Англійскаго Банка въ обоихъ департаментахъ.

«Надежитъ отмѣнить законъ, разрѣшающій пріемъ билетовъ Англійскаго Банка при платежѣ денегъ за штемпель.

«За согласіе на продолженіе привилегій Банка должна быть опредѣлена постоянная сумма въ 180,000 ф. ст., которую Англійскій Банкъ обязанъ платить ежегодно государству, исключая ее изъ суммъ, предназначенныхъ на покрытіе государственнаго долга.

«Англійскій Банкъ, при возвышеніи фонда для выпуска вышеупомянутыхъ долговыхъ нотъ, обязывается, сверхъ опредѣленной ежегодной суммы 180,000 ф. ст. платить государству подать, равняющуюся чистой прибылью съ возвышеннаго фонда.

«Выпускъ такихъ долговыхъ нотъ, по которымъ предъявителю ихъ долженъ быть во всякое время производимъ платежъ, воспрещается каждому Банку, не пользующемуся еще этимъ правомъ, и каждому, который въ будущее время будетъ учрежденъ въ какой-либо части соединеннаго королевства.

«Тѣ Банки въ Англии и Валлисѣ, которые пользуются уже этимъ правомъ, сохраняютъ его на условіяхъ, имѣющихъ быть законно постановленными.

«Количество выпущенныхъ такимъ образомъ долговыхъ нотъ должно быть еженедѣльно приводимо въ извѣстность.»

Министръ окончилъ свою рѣчь, при громкихъ изъявленіяхъ одобренія со всѣхъ сторонъ; послѣ чего

Палата приступила къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ статей фабричнаго билля, изъ которыхъ многія были приняты безъ преній.

— Въ Верхней Палатѣ не произошло ничего достопримѣчательнаго.

— Сообщенное, нѣсколько времени тому назадъ, извѣстіе о выборѣ новаго генералъ-губернатора Индіи, совершенно подтвердилось. Директоры Компаніи дѣйствительно избрали единогласно на мѣсто лорда *Элленборо* генералъ-губернаторомъ *Остъ-Индіи* бывшаго статсъ-секретаря Военнаго Департамента, генералъ-лейтенанта сира *Генри Гардинджа*, и правительство не преминуло утвердить выборъ, потому что онъ палъ на преданное ему лицо. Такимъ образомъ обѣ стороны примирились и остались удовлетворенными. Правительство видитъ, что выборомъ сира *Генри Гардинджа* исправляется безразсудная ошибка, какъ назвалъ герцогъ *Веллингтонъ* отозваніе лорда *Элленборо*, а директоры достигли своей цѣли, удаливъ генералъ-губернатора отъ его поста. Въ одномъ журналѣ замѣчаютъ, что справедливость въ отношеніи къ лорду *Элленборо* требовала бы отъмены перваго рѣшенія директоровъ, но Мистерство приняло въ уваженіе другія важныя политическія причины, заставляющія жертвовать справедливостію въ отношеніи къ одному человѣку, пользѣ и благоденствію цѣлаго общества. Лордъ *Элленборо*, какъ человѣкъ съ честію, простилъ бы директорамъ ихъ поступокъ, но никогда не забылъ бы его; онъ, конечно, подалъ бы самъ въ отставку, не смотря на отъмену повелѣнія объ его отозваніи, и опасное междуцарствіе въ управленіи Индіею было бы неизбѣжнымъ слѣдствіемъ. Почему правительство не настаивало объ отъменіи повелѣнія, не увлекался никакими личностями, но одобрило выборъ новаго генералъ-губернатора, противъ способностей и образа мыслей котораго оно ничего не можетъ сказать. Впрочемъ, этотъ выборъ заслужилъ, повидимому, общее одобреніе въ государствѣ. Сира *Генри Гардинджа* признаютъ хотя не за гениальнаго человѣка, подкрѣпленнаго обширными свѣдѣніями, но по крайней мѣрѣ за такого, который въ ограниченномъ кругу, по опредѣленнымъ инструкціямъ, умѣетъ дѣйствовать быстро и рѣшительно, и потому почитаютъ его удобнымъ орудіемъ для управленія Индійскимъ царствомъ. — «Онъ понимаетъ то, что предпринимаетъ, сказано въ одной газетѣ, и не предпринимаетъ того, чего не понимаетъ». Индія ничего не потеряетъ отъ новаго выбора. Если сиръ

Генри Гардинджъ не выполнитъ такихъ обширныхъ плановъ, какіе созрѣвали въ умѣ лорда *Элленборо*, то по крайней мѣрѣ нельзя опасаться, чтобы онъ слѣдился страннымъ, передразнивая восточный бытъ. Также онъ видитъ въ военныхъ экзерциціяхъ не одно пустое удовольствіе, подобно лорду *Элленборо*, но, подлѣ руководствомъ своего великаго учителя, герцога *Веллингтона*, онъ узналъ всю важность военныхъ дѣйствій и приготовилъ себя къ нимъ. Сиръ *Генри Гардинджъ*, которому теперь пятьдесятъ-восемь лѣтъ, вступилъ въ военную службу въ 1791 году, служилъ съ отличіемъ въ походахъ герцога *Веллингтона* въ Португалію и Испанію; онъ былъ генералъ-квартирмейстеромъ португальской арміи съ 1809 года по 1813; онъ сражался при Ватерлоо, гдѣ лишился руки и за это получаетъ пенсію въ 300 ф. ст. Многіе почитаютъ выборъ новаго генералъ-губернатора такимъ дѣломъ, которое заглаживаетъ безразсудство первоначально принятаго Дирекціею рѣшенія, тѣмъ болѣе, что родственныя отношенія, въ которыхъ новый губернаторъ находится къ прежнему, показываютъ, что послѣдняго желали падать по возможности. Сиръ *Генри Гардинджъ* отправится къ своему посту очень скоро.

— Изъ Китая пишутъ, что въ концѣ января мѣсяца отъ *Вампу* отправился къ *Калькуттѣ* фрегатъ «*Дидона*», съ 3-мя милліонами долларовъ, полученными отъ Китайцевъ въ счетъ военной контрибуціи. По новѣйшимъ извѣстіямъ, корабль этотъ прибылъ уже въ *Калькутту*. — Въ одной изъ прокламацій къ англійскимъ подданнымъ, сиръ *Генри Поттинджеръ* весьма рѣзко отзывается о нарушеніи дополнительнаго мирнаго договора, какое дозволили себѣ въ *Амоѣ* нѣкоторые британскіе офицеры, преступивъ границы, предписанныя иностранцамъ на случай поѣздокъ ихъ во внутреннія земли Китая. — Генералъ лордъ *Салтоунъ*, начальствовавшій британскими войсками въ Китаѣ, возвратился, на пароходѣ, въ Европу.

Иностранная Словесность.

ЯРЛЪ ЗАКОНЪ.

СКАНДИНАВСКАЯ ДРАМА, ВЪ ПЯТИ АКТАХЪ,

ЭЛЕНШМЕГЕРА.

(ОКОНЧАНІЕ.)

АКТЪ ТРЕТІЙ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Островъ *Мостеръ*.

ВЫХОДЪ ПЕРВЫЙ.

КАРЛОВУТЬ, ЮСТЕЙНЪ и ГРИБЪ.

Грибъ. Да, я вамъ говорю, господа, *Хаконъ* уже здѣсь; флотъ его стоитъ по ту сторону, за лѣсомъ, въ заливѣ.

Карловутъ. Олафъ не встрѣтилъ его? Странно! Но надобно полагать, что король скоро будетъ здѣсь.

Грибъ. Ночь была темная, но *Хаконъ* хорошо знаетъ это море.

Юстейнъ. Такъ, вмѣстѣ съ утрепнимъ солнцемъ здѣсь предстанетъ нашъ великій ярлъ, чтобы встрѣтить Олафа тяжкимъ привѣтомъ, если онъ захочетъ вражески вступить на нашу землю.

Грибъ. Привѣтъ утренняго солнца всегда любовенъ. Если оно увидитъ тотъ привѣтъ, что готовится Олафу, оно покраснѣетъ отъ стыда и гнѣву. Намъ не нужно солнце: намъ, для нашего привѣту, нуженъ мрачный, дикій лѣсъ, и этого у насъ довольно по обѣ стороны.

Карловутъ. Что ты говоришь? что ты этимъ хочешь сказать?

№ 10

Грибъ. Волею боговъ, вся ложь моего господина превратилась въ истину. Отъ этой перемѣны многое перевинилось.

Юстейнъ. Дерзкій рабъ! ты говоришь такъ смѣло....

Грибъ. Какъ неприлично рабу? Согласенъ. Такъ говорить лучше бы пристало вольному витязю.

Карловутъ. Говори коротко и ясно, что у тебя на умѣ?

Грибъ. Такъ слушайте же. Два часа тому назадъ, на пути сюда, насъ догнала лодка и мы узнали, что вчера вечеромъ въ *Дронтеймѣ* вспыхнулъ мятежъ, за то, что *Хаконъ* опять хотѣлъ похитить дѣвушку. Дѣло опасное. Если *Хаконъ* не воротится тотчасъ же, худо будетъ. Стало-быть, здѣсь надобно скоро дѣло покончить, нето прійдетъ конецъ и царству *Хакона*. А это легко можетъ случиться. Мы, кромѣ того, узнали, что войско Олафа гораздо больше нежели какъ намъ говорили въ *Дронтеймѣ*.

Карловутъ. Ну, плохо!

Грибъ. *Хаконъ* не отчаивается. Одно не удасться, такъ онъ другое пытается. Мой господинъ ему посоветовалъ и онъ принялъ совѣтъ. «Необходимость велика, говорить; дѣло идетъ о славѣ боговъ! и о твоей славѣ тоже, ярлъ! Если народъ узнаетъ, что *Тригвасонъ* вступилъ въ *Норвегію*, мигомъ любовь къ древнему роду соединится съ ненавистію къ тебѣ и опасность удвоится!»

Юстейнъ. На что же онъ рѣшился?

Грибъ. Сколько ночей, стоя на колѣняхъ и рыдая, спрашивалъ я боговъ, за что я долженъ губить молодую жизнь свою и изнывать въ постыдномъ рабствѣ? Слава великимъ богамъ! Не будь я рабъ, никогда бы не открылся этотъ подлый замыселъ.

Юстейнъ. Какой замыселъ? Не подстрекай напрасно любопытства.

Грибъ. Я, какъ рабъ, былъ при нихъ и слышалъ все. Чего же скрывать отъ раба? На него смотреть какъ и на всякую другую домашнюю утварь. Коротко сказать: *Тореръ* взялся заманить Олафа въ этотъ лѣсъ и, по-дружески, убить его. Здѣсь, по близости, у рыбацкой хижины *Торера* будетъ ждать *Хаконъ*; потомъ они переѣдутъ на твердую землю. *Рогаландъ*

51

вѣренъ ярлу. Тамъ онъ соберетъ свое войско и станетъ ждать Ирландцевъ, если они захотятъ отомстить за смерть короля.

Юстейнъ. И ты слышалъ это?

Грибъ. Да, клянусь миролюбивымъ Бальдеромъ! это такъ истинно, какъ чисто и невинно мое сердце.

Карлговутъ. И въ такомъ подломъ дѣлѣ отъ насъ жадутъ помощи?

Юстейнъ. Я стыжусь... я краснѣю передъ тобою, Грибъ!

Грибъ. Ничего. Кто хотъ до того дошелъ, что постыдится дурнаго дѣла, тому скоро можно дойти и до того, что нечего будетъ стыдиться. У Хакона орлиный глазъ. Онъ приказалъ — и ты повиновался. Быть другомъ знаменитаго и великаго человека дѣло хорошее, а еще пріятнѣе носить въ себѣ сознаніе, что и мы кое-въ-чемъ помогли ему. Это васъ и побуждало, не правда ли?

Юстейнъ. Мы поможемъ, да! мы поможемъ сокрушить его могущество!

Карлговутъ. Это такъ истинно, какъ то, что Олафъ добръ и благороденъ, а Хакоу — отъявленный злодѣй.

Грибъ. Душа-то въ васъ добрая, это я вижу. Но... чу! Корабль подходитъ къ берегу; это король. Видите ли вы его судно? Слово лебедь плыветъ и разсѣкаетъ волны своею блестящею, бѣлою грудью. Смотрите же, тотчасъ скажите ему все, когда онъ выйдетъ на берегъ. Мой господинъ тамъ, въ лѣсу, съ ярломъ. Если Олафъ поспѣшитъ, онъ можетъ накрыть обоихъ, какъ въ западнѣ. Онъ имѣетъ на то право и, что рѣдко бываетъ на этомъ свѣтѣ, — силу тоже. Можетъ-быть, и до него что-нибудь уже будетъ сдѣлано... Чу! слышите, какое прекрасное пѣніе? Это ловые жрецы поютъ на кораблѣ. Какъ чудесно, торжественно разносятся эти звуки по тихому, серебряному морю! Прощайте, я сиѣшу къ Тореру. Не забудьте уговоръ!

Юстейнъ. Не забудемъ.

Карлговутъ. Вотъ король выходитъ на берегъ. У него въ рукахъ красное знамя, съ бѣлымъ крестомъ по серединѣ. Они приближаются, отойдемъ къ сторонѣ.

ВЫХОДЪ ВТОРОЙ.

ОЛАФЪ, со знаменемъ, окруженный войскомъ, которое хоромъ оканчиваетъ христіанскую хвалебную пѣснь.

Олафъ (поткнувъ древно знаменн въ землю). Здѣсь я водружаю хоругвь Христову въ каменные нѣдра Норвежскаго царства! Да пуститъ оно корни глубоко, какъ могучее дерево, и да принесетъ плоды. Да освѣжатся ливніи его рососою слезъ покаянія; да укрѣпится оно дыханіемъ теплой молитвы; да освѣтитъ оно все царство благодатною тѣнью своею и да поселится подъ нимъ на-вѣки вѣра, надежда и любовь.

Хоръ. Аминь!

Олафъ. Земля освящена! Ступайте, братья: въ лѣсу раскидываются шатры. Освѣжитесь послѣ дороги. Пойдите съ Богомъ!

Войско уходитъ.

ВЫХОДЪ ТРЕТІЙ.

ОЛАФЪ, КАРЛГОВУТЪ и ЮСТЕЙНЪ.

Олафъ. Ну, что, друзья, и вы пойдете съ Олафомъ противъ его врага?

Юстейнъ. Ахъ, Олафъ!...

Карлговутъ. Государь!...

Олафъ. Что съ вами?

Юстейнъ (преклонивъ колѣно). Возьми повинныя наши головы!

Карлговутъ (также). Возьми ихъ, государь!

Олафъ. Что это значить?

Юстейнъ и Карлговутъ. Мы обманули тебя!

Олафъ. Обманули? Какъ! Невозможно! Меня обманули? Стало-быть, все это выдумка и я попалъ въ сѣти Хакона?

Юстейнъ. Не бойся, не бойся, государь!

Олафъ. Я не боюсь и ада, не только ярла Хакона! Вставайте! Къ чему это униженіе? Преклоните колѣна передъ Богомъ; если вы обманули меня, трепещите Его кары.

Карлговутъ. Государь, Тореръ-Клакъ солгалъ, но все, что онъ сказалъ тебѣ, оправдалось.

Юстейнъ. Притѣсненія Хаконовы превратили его вымыселъ въ истину.

Олафъ. Въ Норвегін мятежъ?

Юстейнъ. Да, государь.

Олафъ. А Хакоу?

Карлговутъ. Здѣсь.

Олафъ. Здѣсь?..

Карлговутъ. Съ ничтожнымъ флотомъ. Ты во всемъ его сильнѣе, государь.

Олафъ. Какъ понять мнѣ эту путаницу и чѣмъ вы докажете, что на этотъ разъ говорите правду, когда только-что сознались во лжи и измѣнѣ?

Юстейнъ (съ петерънѣемъ). Что я и онъ не измѣнники, это доказываетъ наше признаніе! Хакоу искалъ битвы съ тобою и просилъ насъ итти съ Тореромъ, чтобы задержать тебя до его приходу. Борьба и битвы вѣдъ составляютъ честь и утѣху витязя. Хакоу здѣсь властелинъ; онъ успѣлъ коварно увлечь неопытныхъ. Ты, правда, намъ родственникъ, но мы знали тебя только какъ Хаконова врага. Теперь же положеніе дѣла вдругъ перемѣнилось, а съ нимъ и намѣреніе Хакона; въ то же время перемѣнилось и наше мнѣніе объ немъ. Недавно еще мы уважали въ немъ героя; теперь мы презираемъ его, какъ тайнаго убійцу. Какъ мы узнали, такъ сказали и тебѣ. Ты былъ бы преданъ, еслибъ мы умолчали. За первую же ложь и за безразсудство, что повѣрили честности негодея, мы заслужили наказаніе. Я предложилъ тебѣ свою голову, Олафъ, возьми ее, но презирать меня ты не долженъ.

Олафъ (смѣясь). На что мнѣ твоя бурливая голова? Оставь ее себѣ: самому лучше пригодится.

Юстейнъ. Такъ повѣрь же мнѣ на слово и пойдемъ со мной. Ты здѣсь гораздо сильнѣе Хакона. Смотри, не его ли это люди крадутся тамъ, между деревьями?

Олафъ (къ своимъ воинамъ). Обнажите мечи, пойдемте ловить старую лису.

Уходитъ.

ВЫХОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ТОРЕРЪ, съ кинжаломъ и корзиной, и ГРИБЪ входятъ съ противоположной стороны.

Тореръ. Вотъ онъ идетъ, видишь, съ отрядомъ-то? Онъ, вѣрно, ищетъ мѣстечка въ травѣ, отдохнуть хочеть. Погоди, не торопись! найдешь покой, на долго!.. прежде нежели полагаешь... Хорошо ли ты меня позналъ, Грибъ?

Грибъ. Совершенно позналъ, сударь.

Тореръ. Когда мы будемъ сидѣть рядомъ, одни, ты подожди и ударь его въ грудь этимъ кинжаломъ; потомъ отруби голову, положи въ эту корзину и неси

къ ярлу. Онъ тотчасъ же дастъ тебѣ свободу и подаритъ мечъ.

Грибъ. Я только этого и жду.

Тореръ. Понимаешь ли ты, какая тебѣ будетъ честь? ты будешь истребителемъ Олафа! ты убьешь того, кто дерзко угрожалъ не только Хакоу, но и Одну и всѣмъ богамъ Вагаллы. Пройдетъ много вѣковъ, а твое имя все будетъ повторяться въ сагахъ: этотъ-де подвигъ Грибъ совершилъ!

Грибъ. Я давно уже жажду случая совершить какой-нибудь подвигъ, который бы освободилъ меня отъ рабства.

Тореръ. Ну, вотъ видишь, случай представился. Посмотри на этотъ кинжалъ: какой блестящій, словно звѣзда въ темной водѣ. Видишь какой онъ острый?

Грибъ. Да, хорошій ножъ.

Тореръ. Мало того! ты только вполнину знаешь его доброту. Видишь ли ты этотъ желобокъ на клинкѣ, что доходитъ до самаго острѣя?

Грибъ. Ну, вижу.

Тореръ. Какъ онъ ни малъ, а это дорога въ адъ, Грибъ! (Оглядывается.) Вѣдъ тутъ никого нѣтъ?

Грибъ. Никого. Только голодный воронъ каркнулъ тамъ, на утѣсѣ.

Тореръ. Онъ добычи просить, Грибъ... этотъ желобокъ идетъ отъ самой рукоятки и до конца... Рукоятка, видишь ли, пуста... а эта пружина... Ты понимаешь меня?

Грибъ. Нѣтъ, не понимаю.

Тореръ. Да, правда; такихъ замысловатыхъ вещей не знаютъ здѣсь, на глупомъ сѣверѣ. Во время путешествія, я купилъ этотъ кинжалъ въ Италіи. Я думалъ, — и не ошибся, — что, можетъ-статься, пригодится.

Грибъ. Предопредѣленъ.

Тореръ. Нѣтъ, скажи предусмотрительность, Грибъ. Вѣдъ ты видывалъ, я думаю, довольно часто, что раненные, и тяжело раненные, опять выздоравливали?

Грибъ. Конечно, видывалъ.

Тореръ. Такъ вотъ, видишь ли, что нельзя положить на одну твердость руки, когда нужно, чтобы ударъ непременно былъ смертельнымъ.

Грибъ. Отчего жъ нельзя, когда рука сильна?

Тореръ. Что сильна! сила ничего не значить. Но этотъ кинжалъ потаенно, здѣсь въ рукояткѣ, налить

рѣдкимъ сокомъ, который, при малѣйшей ранѣ, мгновенно разливается въ кровь и портитъ ее.

Грибъ. А! теперь я понимаю: ядъ!

Тореръ. Не кричи такъ громко! Вотъ кинжалъ. Будь же умнѣе и остороженъ. Ты, кажется, не привыкъ обращаться съ оружіемъ?

Грибъ (взвѣсившая кинжалъ въ рукѣ). Ахъ, какъ мнѣ хочется... знаешь ли, чего?

Тореръ. Нѣтъ, не знаю. Твои глаза сверкаютъ... Чего жъ тебѣ хочется?

Грибъ. Воткнуть этотъ ножъ въ твою грудь.

Тореръ. Ты съ ума сошелъ, Грибъ!

Грибъ. Постой, постой! Вѣдь ты можешь себя представить, что это только шутка!

Тореръ. Но такая шутка...

Грибъ. Слишкомъ груба, ты думаешь?

Тореръ. Да, конечно, черезъ-чуръ груба. Притомъ здѣсь и не мѣсто для шутокъ.

Грибъ. Ну, такъ мы лучше скорѣй на правду поверотимъ. (Поражаетъ его кинжаломъ.) Опять каркаешь, воронъ? Возьми, вотъ твоя добыча!

Тореръ (падаетъ). Вѣроломный рабъ! ты поразишь въ сердца своего господина!

Грибъ. Ты лжешь, злодѣй! Что ты называешь своимъ сердцемъ? Холодный кусокъ мяса въ лѣвомъ боку своемъ ты честишь этимъ именемъ? Этотъ комъ всегда былъ безчувственъ. Какъ же ему сегодня чувствовать? Нѣтъ, невозможно, Тореръ, невозможно!

Тореръ. Измѣнникъ!

Грибъ. Ты себя называешь по имени.

Тореръ. О!... горе мнѣ! это правда!...

Умираетъ.

Грибъ. Объ этомъ тебѣ слѣдовало бы раньше подумать: теперь ужъ поздно. Вотъ онъ плаваетъ въ своей крови! Гдѣ жъ твоя смѣтливость, гдѣ твоя хитрость, Тореръ? Неужто ты уже не можешь придумать никакой замысловатой затѣи, чтобы хоть ею остановить кровь? Лежитъ себѣ глупо, носомъ къверху, и все плутовство цѣлой жизни не въ состояніи выручить его изъ ада!

ВЫХОДЪ ПЯТЫЙ.

Тѣ же, ОЛАФЪ, ЮСТЕЙЦЪ, КАРЛГОВУТЬ и стража.

Олафъ (съ обнаженнымъ мечемъ подходитъ къ Грибу.) Негодный рабъ, гдѣ Тореръ? говори!

Грибъ (спокойно указывая на мертваго.) Вотъ онъ.

Олафъ. Какъ! Тореръ плаваетъ въ крови?

Грибъ. Онъ по красной рѣкѣ плыветъ въ адъ.

Олафъ. Кто его убилъ?

Грибъ. Собственная подлость.

Олафъ. Говори яснѣе.

Грибъ. Видишь кинжалъ въ его груди? Кинжалъ этотъ отравленъ. Тореръ далъ его мнѣ, съ тѣмъ, чтобы я поразилъ имъ Олафа; но я ошибся и поразилъ самого Торера. Вотъ онъ и лежитъ теперь упрямо на землѣ, ни слова не говоритъ. Коварный языкъ его утратилъ прежнюю свою гибкость; маленькіе, красные глаза, бывало, хитро выглядывая, все бѣгали изъ угла въ уголь и не могли сносить чужаго взгляду, а теперь стоятъ, правда, спокойно и прямо смотрятъ, да только глупо и мутно, словно изъ коровьяго рогу выточенные. Странно, какъ онъ такъ вдругъ измѣнился!

Олафъ. Честный слуга!

Грибъ. Если бы Тореръ могъ говорить, онъ, вѣрно, подтвердилъ бы мои слова. Онъ клялся, что меня примутъ въ службу ко двору Хакона, дадутъ мнѣ шлемъ, латы и мечъ, и буду я пить медъ съ прочими витязями въ царскихъ палатахъ, если счастливо покончу подвигъ. Но мнѣ этотъ торгъ казался невыгоднымъ: слишкомъ дорого — купить Хаконъ медъ кровью Олафа.

Олафъ. Добрый человекъ! Скажи же, что жъ, ты хочешь у меня служить, хочешь за Олафа преподаваться мечомъ и сидѣть между его лучшими витязями?

Грибъ. Вотъ ты и засыпалъ мою гордость своею милостью, государь? Какъ! мнѣ такое предлагаютъ? Такъ пришелъ же часъ, когда оковы мои разрушатся? Ахъ! мнѣ плакать хочется, какъ ребенку.... прости мнѣ, государь!

Олафъ. И это язычникъ!.... Дай мнѣ руку. Какъ тебя зовутъ?

Грибъ. У Торера звали Грибомъ.

Олафъ. Такъ назовись Грифомъ и вели разноцветными красками написать на своемъ щитѣ грифа, убивающаго ядовитую змѣю.

Грибъ. А! я понимаю! Эта ядовитая змѣя — Тореръ-Клакъ. Одинъ и Торъ! да это чудо! Ну, Олафъ, ты истинно по-царски награждаешь!

Олафъ. Не призывай мрачныхъ идоловъ заблуж-

деня: въ ихъ поклонникахъ ты видишь ихъ духъ. Гдѣ я найду Хакона?

Грибъ. Здѣсь, въ лѣсу, государь, у рыбацкой хижины. Тамъ онъ ожидаетъ Торера или меня, съ твоею головой. А вотъ, я сейчасъ отрублю голову Торера и пусть ее отнесутъ къ Хакону.

Олафъ. Нѣтъ, нѣтъ! мертвыхъ не тревожь! Эй! ребята, похороните убитаго.

Грибъ. Туда его, туда, въ болото, или туда, подъ крапиву!

Олафъ. Положите его тамъ, подъ черемуху: пусть она печально сыплетъ свои бѣлые цветы на могилу язычника. Не будь жестокъ, Грифъ, не преслѣдуй ненавистью мертваго.

Грибъ. Да мнѣ только укажите, что должно, что не должно дѣлать: увидите, какъ охотно я пойду по правому пути.

Олафъ. Ну, теперь ты намъ укажи дорогу къ ярлу.

Грибъ. Это вотъ сюда, влѣво, надо свернуть.

Уходитъ.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Другая часть острова. Лѣсъ. На берегу хижины.

ВЫХОДЪ ПЕРВЫЙ.

Хаконъ (одинъ, сидитъ на камнѣ, склонивъ голову на руку). Не мое было намѣреніе.... Тореръ такъ хотѣлъ; онъ пусть и отвѣчаетъ за это дѣло у Одина. Но Одинъ не прогнѣвается. Развѣ можно, чтобы безумное возстаніе на боговъ осталось ненаказаннымъ? Олафъ не противъ меня идетъ, а противъ Одина! Да погибнетъ онъ!... Это дѣло надобно кончить скоро, чтобы кончить хорошо.... эту бурю надобно укротить въ самомъ началѣ. Да, пора, пора! Голова моя съдѣт.... Но погодите, съдѣя кудри, вы еще будете блистать! Шалуни-дѣвушки все трунили надъ моими черными волосами.... погодите, дѣтки, пожелтѣютъ, пожелтѣютъ какъ золото: вънець ихъ вызолотить.... Но кто тамъ идетъ! Вѣрно, Тореръ.... съ головой Олафа.... я не могу смотрѣть....

ВЫХОДЪ ВТОРОЙ.

ХАКОНЪ и ОЛАФЪ, закутанный въ плащъ.

Хаконъ (не оборачиваясь и не перемѣняя положенія.) Ты ужъ воротился, Тореръ? Хорошо ли кончилось? Принесъ, что обѣщалъ?... отвѣчай, Тореръ.

Олафъ. Кончилось, какъ должно. Но Торера извини: онъ не могъ самъ принести Олафовой головы и потому послалъ меня.

Хаконъ. Хорошо. Поди, зарой ее въ землю.... поглубже.... Я не хочу видѣть.... она и такъ мнѣ грезится. Пойди, зарой скорѣе, да скажи Тореру, чтобы сейчасъ пришелъ.

Олафъ. Тореръ спитъ.

Хаконъ. Спитъ?

Олафъ. Да; онъ углегея въ тѣни черемхи.

Хаконъ. Такъ разбуди его. (Про себя.) После такого дѣла легъ спать! Га! Тореръ, я удивлюсь твоей твердости (Громко). Разбуди его!

Олафъ (про себя.) Это можетъ только трубный гласъ на страшномъ судѣ. (Громко.) Не хочешь ли взглянуть на Олафову голову?

Хаконъ. Нѣтъ, говорятъ тебѣ.

Олафъ. Да ты думаешь, что увидишь окровавленную, мертвую голову? Напротивъ, ярлъ, Олафова голова здорова, не хуже твоей.

Хаконъ. Пошелъ прочь, рабъ!

Олафъ. Странно! мнѣ говорили, ярлъ Хаконъ такой витязъ, что ему нѣтъ равнаго; а я вижу, что ярлъ Хаконъ боится отрубленной головы! Какъ же бы ты тогда затренилъ, ярлъ, когда бы увидѣлъ эту голову живую, на плечахъ?

Хаконъ (съ гнѣвомъ.) Рабъ! ты смѣешь?... (Оборачиваясь.) гдѣ она?

Олафъ (сбросивъ плащъ). На моихъ плечахъ, ярлъ! Прости, что я такъ принесъ свою голову: мнѣ такъ показалось удобнѣе.

Хаконъ. Измѣна! (Обнажаетъ мечъ.)

Олафъ. Старикъ, укроти свою отважность. Вспомни, что моя голова цѣла, и что твоя храбрая совѣсть сражается лишь съ обезглавленными привидѣніями.

Хаконъ. Адъ и смерть! (Начинаетъ на Олафа.)

Олафъ (отбивъ его мечъ). Смирно, говорятъ тебѣ! Вложи свой мечъ въ ножны. Лѣсъ окруженъ моими людьми; моей силы здѣсь больше чѣмъ твоей. Я хочу взять Норвегію войной и побѣдой. Ты самъ на это сманилъ меня и самъ запутался въ собственныхъ сѣтяхъ. Твой Тореръ уже стоитъ предъ вѣчнымъ Судіей. Ты видишь, какъ легко я тотчасъ могъ бы схватить тебя; низложить тебя въ поединкѣ было бы еще легче: я молодой, силенъ; ты дряхль. Но я презираю такую выгоду. Затѣмъ предлагаю тебѣ избрать одно изъ двухъ:

рѣдкимъ сокомъ, который, при малѣйшей ранѣ, мгновенно разливается въ кровь и портитъ ее.

Грибъ. А! теперь я понимаю: яд!

Тореръ. Не кричи такъ громко! Вотъ кинжалъ. Будь же умнѣе и осторожнѣе. Ты, кажется, не привыкъ обращаться съ оружіемъ?

Грибъ (взвѣсивая кинжалъ въ рукѣ). Ахъ, какъ мнѣ хочется... знаешь ли, чего?

Тореръ. Нѣтъ, не знаю. Твои глаза сверкаютъ... Чего жъ тебѣ хочется?

Грибъ. Воткнуть этотъ ножъ въ твою грудь.

Тореръ. Ты съ ума сошелъ, Грибъ!

Грибъ. Постой, постой! Вѣдь ты можешь себя представить, что это только шутка!

Тореръ. Но такая шутка...

Грибъ. Слишкомъ груба, ты думаешь?

Тореръ. Да, конечно, черезъ-чуръ груба. Притомъ здѣсь и не мѣсто для шутокъ.

Грибъ. Ну, такъ мы лучше скорѣй на правду поверотимъ. (Поражаетъ его кинжаломъ.) Опять каркаешь, воронъ? Возьми, вотъ твоя добыча!

Тореръ (падаетъ). Вѣроломный рабъ! ты поразилъ въ сердцѣ своего господина!

Грибъ. Ты лжешь, злодѣй! Что ты называешь своимъ сердцемъ? Холодный кусокъ мяса въ лѣвомъ боку своемъ ты честишь этимъ именемъ? Этотъ комъ всегда былъ безчувственъ. Какъ же ему сегодня чувствовать? Нѣтъ, невозможно, Тореръ, невозможно!

Тореръ. Измѣнникъ!

Грибъ. Ты себя называешь по имени.

Тореръ. О!... горе мнѣ! это правда!...

Умираетъ.

Грибъ. Объ этомъ тебѣ слѣдовало бы раньше подумать: теперь ужъ поздно. Вотъ онъ плаваетъ въ своей крови! Гдѣ жъ твоя смѣтливость, гдѣ твоя хитрость, Тореръ? Неужто ты уже не можешь придумать никакой замысловатой затѣи, чтобы хоть ею остановить кровь? Лежитъ себѣ глупо, носомъ кверху, и все плутовство цѣлой жизни не въ состояніи выручить его изъ ада!

ВЫХОДЪ ПЯТЫЙ.

Тѣ же, ОЛАФЪ, ЮСТЕЙЦЪ, КАРЛГОВУТЪ и стража.

Олафъ (съ обнаженнымъ мечемъ подходитъ къ Грибу.) Не годный рабъ, гдѣ Тореръ? говори!

Грибъ (спокойно указывая на мертвого.) Вотъ онъ.

Олафъ. Какъ! Тореръ плаваетъ въ крови?

Грибъ. Онъ по красной рѣкѣ плыветъ въ адъ.

Олафъ. Кто его убилъ?

Грибъ. Собственная подлость.

Олафъ. Говори яснѣе.

Грибъ. Видишь кинжалъ въ его груди? Кинжалъ этотъ отравленъ. Тореръ далъ его мнѣ, съ тѣмъ, чтобы я поразилъ имъ Олафа; но я ошибся и поразилъ самого Торера. Вотъ онъ и лежитъ теперь упрямо на землѣ, ни слова не говоритъ. Коварный языкъ его утратилъ прежнюю свою гибкость; маленькіе, красные глаза, бывало, хитро выглядывая, все бѣгали изъ угла въ уголь и не могли сносить чужаго взгляду, а теперь стоятъ, правда, спокойно и прямо смотрятъ, да только глупо и мутно, словно изъ коровьяго рогу выточенные. Странно, какъ онъ такъ вдругъ измѣнился!

Олафъ. Честный слуга!

Грибъ. Если бы Тореръ могъ говорить, онъ, вѣрно, подтвердилъ бы мои слова. Онъ клялся, что меня примутъ въ службу ко двору Хакона, дадутъ мнѣ шлемъ, латы и мечъ, и буду я пить медъ съ прочими витязями въ царскихъ палатахъ, если счастливо покончу подвигъ. Но мнѣ этотъ торгъ казался невыгоднымъ: слишкомъ дорого — купить Хаконю медъ кровью Олафа.

Олафъ. Добрый человекъ! Скажи же, что жъ, ты хочешь у меня служить, хочешь за Олафа препоясаться мечомъ и сидѣть между его лучшими витязями?

Грибъ. Вотъ ты и засыпалъ мою гордость своею милостью, государь? Какъ! мнѣ такое предлагаютъ? Такъ пришелъ же часъ, когда оковы мои разрушатся? Ахъ! мнѣ плакать хочется, какъ ребенку.... прости мнѣ, государь!

Олафъ. И это язычникъ!.... Дай мнѣ руку. Какъ тебя зовутъ?

Грибъ. У Торера звали Грибомъ.

Олафъ. Такъ назовись Грифомъ и вели разноцвѣтными красками написать на своемъ щитѣ грифа, убивающаго ядовитую змѣю.

Грибъ. А! я понимаю! Эта ядовитая змѣя — Тореръ-Клакъ. Одинъ и Торъ! да это чудо! Ну, Олафъ, ты истинно по-царски награждаешь!

Олафъ. Не призывай мрачныхъ идоловъ заблуж-

деня: въ ихъ поклонникахъ ты видишь ихъ духъ. Гдѣ я найду Хакона?

Грибъ. Здѣсь, въ лѣсу, государь, у рыбацкѣй хижины. Тамъ онъ ожидаетъ Торера или меня, съ твоею головой. А вотъ, я сейчасъ отрублю голову Торера и пусть ее отнесутъ къ Хакону.

Олафъ. Нѣтъ, нѣтъ! мертвыхъ не тревожь! Эй! ребята, похороните убитаго.

Грибъ. Туда его, туда, въ болото, или туда, подъ крапивицу!

Олафъ. Положите его тамъ, подъ черемуху: пусть она печально сыплетъ свои бѣлые цвѣты на могилу язычника. Не будь жестокъ, Грибъ, не преслѣдуй ненавистью мертваго.

Грибъ. Да мнѣ только укажите, что должно, что не должно дѣлать: увидите, какъ охотно я пойду по правому пути.

Олафъ. Ну, теперь ты намъ укажи дорогу къ ярлу.

Грибъ. Это вотъ сюда, влѣво, надо свернуть.

Уходитъ.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Другая часть острова. Лѣсъ. На берегу хижины.

ВЫХОДЪ ПЕРВЫЙ.

Хаконъ (одинъ, сидитъ на камнѣ, сложивъ голову на руку). Не мое было намѣреніе.... Тореръ такъ хотѣлъ; онъ пусть и отвѣчаетъ за это дѣло у Одина. Но Одинъ не прогнѣвается. Развѣ можно, чтобы безумное возстаніе на боговъ осталось ненаказаннымъ? Олафъ не противъ меня идетъ, а противъ Одина! Да погибнетъ онъ!... Это дѣло надобно кончить скоро, чтобы кончить хорошо.... эту бурю надобно укротить въ самомъ началѣ. Да, пора, пора! Голова моя съдѣветъ.... Но погодите, сѣдыя кудри, вы еще будете блистать! Шалуньи-дѣвушки все трунили надъ моими черными волосами.... погодите, дѣтки, пожелтѣютъ, пожелтѣютъ какъ золото: вѣнецъ ихъ вызолотить.... Но кто тамъ идетъ! Вѣрно, Тореръ.... съ головой Олафа.... я не могу смотрѣть.....

ВЫХОДЪ ВТОРОЙ.

ХАКОНЪ и ОЛАФЪ, закутанный въ плащъ.

Хаконъ (не оборачиваясь и не перемѣняя положенія.) Ты ужъ воротился, Тореръ? Хорошо ли кончилось? Принесъ, что обѣщалъ?... отвѣчай, Тореръ.

Олафъ. Кончилось, какъ должно. Но Торера извини: онъ не могъ самъ принести Олафовой головы и потому послалъ меня.

Хаконъ. Хорошо. Поди, зарой ее въ землю.... поглубже.... Я не хочу видѣть.... она и такъ мнѣ грезится. Пойди, зарой скорѣе, да скажи Тореру, чтобы сейчасъ пришелъ.

Олафъ. Тореръ спитъ.

Хаконъ. Спать?

Олафъ. Да; онъ углеся въ тѣни черемхи.

Хаконъ. Такъ разбуди его. (Про себя.) Послѣ такого дѣла легъ спать! Га! Тореръ, я удивлюсь твоей твердости (Громко). Разбуди его!

Олафъ (про себя.) Это можетъ только трубный гласъ на страшномъ судѣ. (Громко.) Не хочешь ли взглянуть на Олафову голову?

Хаконъ. Нѣтъ, говорятъ тебѣ.

Олафъ. Да ты думаешь, что увидишь окровавленную, мертвую голову? Напротивъ, ярлъ, Олафова голова здорова, не хуже твоей.

Хаконъ. Пошелъ прочь, рабъ!

Олафъ. Странно! мнѣ говорили, ярлъ Хаконъ такой витязъ, что ему нѣтъ равнаго; а я вижу, что ярлъ Хаконъ боится отрубленной головы! Какъ же бы ты тогда затрепеталъ, ярлъ, когда бы увидѣлъ эту голову живую, на плечахъ?

Хаконъ (съ гнѣвомъ.) Рабъ! ты смѣешь?... (Оборачиваясь.) гдѣ она?

Олафъ (сбросивъ плащъ). На моихъ плечахъ, ярлъ! Прости, что я такъ принесъ свою голову: мнѣ такъ показалось удобнѣе.

Хаконъ. Памѣна! (Обнажаетъ мечъ.)

Олафъ. Старикъ, укроти свою отважность. Вспомни, что моя голова цѣла, и что твоя храбрая совѣсть сражается лишь съ обезглавленными привидѣніями.

Хаконъ. Адъ и смерть! (Нападаетъ на Олафа.)

Олафъ (отбивъ его мечъ). Смирно, говорятъ тебѣ! Вложи свой мечъ въ ножны. Лѣсъ окруженъ моими людьми; моей силы здѣсь больше чѣмъ твоей. Я хочу взять Норвегію войной и побѣдой. Ты самъ на это сманилъ меня и самъ запутался въ собственныхъ сѣтяхъ. Твой Тореръ уже стоитъ предъ вѣчнымъ Судіей. Ты видишь, какъ легко я тотчасъ могъ бы схватить тебя; низложить тебя въ поединкѣ было бы еще легче: я молодъ, силенъ; ты дряхлъ. Но я презираю такую выгоду. Затѣмъ предлагаю тебѣ избрать одно изъ двухъ:

или останься ярломъ въ Дронтегемъ, какъ былъ, и присягни мнѣ въ вѣрности, или бѣги. Если мы въ другой разъ встрѣтимся врагами, пощады не будетъ, будетъ бой на жизнь и смерть.

Хаконъ, (гордо и спокойно). Я избираю последнее, Олафъ, последнее. Ты смотришь на меня какъ на слабого раба? Это мнѣ смѣшно! Слышно, Олафъ, слышно, что ты юноша. Хвастовство и самонадѣянность всегдашніе спутники и товарищи твоего возраста. Взгляни мнѣ въ глаза, взгляни на этотъ лобъ: видывалъ ли ты такое у рабовъ? Я тебя сманилъ? Да. Почему жъ не сманить? я зналъ тебя; я зналъ очень хорошо, что ты свой родъ ставишь гораздо выше Хаконовыхъ славныхъ дѣлъ. Я зналъ, что ты ищешь случая нарушить покой старика Хакона. Что жъ удивительнаго, если я желалъ скорѣй покончить это дѣло? Что жъ удивительнаго, если я обманулъ мечтателя, который возстаеъ противъ самихъ боговъ? и что жъ удивительнаго, если я послушался совета друга, когда враждебная судьба угрожала паденіемъ не только мнѣ, но и богамъ Валгаллы?

Олафъ. Бѣдный слѣпой старикъ! мнѣ жаль тебя и твоихъ сѣдыхъ волосъ.

Хаконъ. Побереги свою жалость. Во мнѣ, какъ ты теперь меня видишь, послѣдній остатокъ, послѣдняя искра древней норманской силы и геройства, и этой искры не погасить тебѣ, нѣжный юноша, своимъ плаксивымъ лихорадочнымъ бредомъ. Я знаю вашъ христіанскій обычай: вы всѣхъ изъ состраданья хотите исправлять; но я презираю ваше исправленіе. Смерть и гибель вамъ, враги боговъ и мужественной силы! Вотъ цѣль Хакона и вотъ его преступленіе! Клянусь Однимъ и Торомъ! ты не помрачишь сѣвернаго геройскаго солнца своими мутными дождевыми облаками ханжества.

Олафъ. Увидимъ. Прощай. Горе тебѣ, если мы встрѣтимся опять!

Хаконъ. Да, горе мнѣ, если я тогда не уничтожу тебя!

Олафъ. Ты затрепещешь передъ крестомъ Христовымъ!

Хаконъ. Тора страшный молотъ раздробитъ твой хрупкій крестъ!

Уходить въ разныя стороны.

АКТЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Дронтегемъ.

ВЫХОДЪ ПЕРВЫЙ.

ХАКОНЪ и ВѢСТНИКЪ.

Хаконъ. Говори все: гдѣ деревенская рать?

Вѣстникъ. Въ Оркской Долинѣ, государь. Ее ведетъ Ормъ, что изъ Лиргин, и Альфъ и Скяльмъ, Римольскіе. Одинъ за невѣсту, а другіе за сестру собираются мстить.

Хаконъ. Я надѣюсь на свою дружину: она скоро разгонитъ это глупое стадо.

Вѣстникъ. Но, государь... мужики хорошо вооружены... негодованьемъ.

Хаконъ. Это не на долго. Стоить только появиться ярлу Хакону — и храбрость ихъ исчезнетъ. Олафовъ флотъ уже подошелъ къ берегамъ?

Вѣстникъ. Онъ вошелъ въ дронтегемскій заливъ.

Хаконъ. Какъ! и мой сынъ его не встрѣтилъ, не остановилъ?... Ты молчишь?... Ты смутился?... Говори, что случилось?

Вѣстникъ. Сегодня, рано утромъ, государь, пришелъ король Олафъ съ пятью судами. У Эрланда было ихъ три, притомъ гораздо поменьше. Окрестность была обложена густымъ туманомъ, ничего не видать. Онъ думалъ, что это твой флотъ идетъ. Ужъ когда Олафъ подошелъ совсемъ близко, тутъ только примѣтили ошибку. Олафъ достигъ Эрландова судно: оно набѣжало на мель. Эрландъ и его люди тотчасъ побросались черезъ бортъ: они не могли сражаться на обломкахъ и впасть искали спасенія. Олафъ не терялъ Эрланда изъ виду: его отличали блестящій панцирь и прекрасный шитъ. Олафъ воображалъ, что преслѣдуетъ тебя и все кричалъ: «Нѣтъ, Хаконъ! на этотъ разъ ты не уйдешь отъ смерти! При послѣднемъ свиданьи я поклялся отомстить тебѣ!» Съ этимъ словомъ онъ схватилъ конь... Ахъ, государь, уволь меня отъ дальнѣйшаго разказа и пощади себя.

Хаконъ. Говори, кончай! Онъ взялъ конь... ну?...
Вѣстникъ. И ударилъ бѣднаго такъ, что черепъ разлетѣлся и мозгъ вывалился въ море.

Хаконъ (скрмвъ свою скорбь). Что еще есть, говори?

Вѣстникъ. Олафу досадно было, что не тебя поразилъ. Нѣкоторые плѣнные сказали ему, гдѣ стоитъ деревенское войско и какой въ немъ духъ.

Хаконъ. Еще чего нѣтъ ли?

Вѣстникъ. Нѣтъ.

Хаконъ. Такъ ступай.

Вѣстникъ уходитъ.

ВЫХОДЪ ВТОРОЙ.

Хаконъ (одинъ). Олафу досадно было, что не меня поразилъ! Га, врагъ! ты не могъ лучше поразить меня! Нѣтъ, ты не его поразилъ, не Эрланда: его богиня моря любовно прижала къ своей бѣлой груди, завернула въ темныя пелены и отнесла въ Одinou Валгаллу. Но Хакона ты поразилъ, Хакону ты нанеся глубокую рану. О Эрландъ! о мой сынъ!... Я такъ любилъ его.... онъ былъ надеждою моей старости; я съ восхищеніемъ видѣлъ въ немъ наследника моего царства и моей славы! (Задумывается.) Счастіе начинается отворачиваться отъ меня. Какъ! развѣ туманы уже облекаютъ Валгаллу? Блескъ ея уже меркнетъ; вѣчныя боги погибаютъ? Одинъ пламенникъ уже не свѣтитъ? Торъ обезсилъ? Развѣ все уже было поглощено мракомъ и уже начинается новый развѣтъ и гиганты уже торжествуютъ? Стой, ярлъ Хаконъ! мужайся, старый норманскій витязъ! Они называютъ тебя лзычникомъ? Почетное имя!... На битву! на побѣду!... Простите Хакону, великіе боги! что онъ ради самого себя забылъ Валгаллу. Съ этого часу вся жизнь его посвящается вамъ! Я мечталъ, что солнце до заката еще озлатитъ этотъ старый черепъ... прекрасный сонъ разлетѣлся. Поднялась буря, съ проливнымъ дождемъ; солнце уже не свѣтитъ. Когда на небѣ опять прояснѣтъ, блѣдная звѣзда будетъ мерцать надъ Хаконовой могилой.... Море поглотило моего сына! Малолѣтній Эрлингъ, правда, еще остался, но какъ берегу я это нѣжное растеніе въ такую непогоду?... Такъ клянусь же вѣнцомъ Одина, вами, почвья звѣзды, твоею колесницей, бородастый Торъ! теперь я жи-

ву только для боговъ Валгаллы! Прости мнѣ, благородная Сага, если гордость увлекла меня! Ты очаровала меня!... А ты, о великій Одинъ! если прогнѣванъ моими поступками, потребуй жертвы: я всѣмъ пожертвую тебѣ.

ВЫХОДЪ ТРЕТІЙ.

ХАКОНЪ и ЛЕЙФЪ, съ большимъ золотымъ рогомъ.

Хаконъ. Что ты несешь?

Лейфъ. Добычу, государь, отъ твоихъ враговъ. Олафовы люди построили на берегу домъ, который называютъ церковью. Мы, разумѣется, пошли потомъ и сломали. Когда враги рыли землю, чтобъ класть фундаментъ, то нашли вотъ этотъ рогъ и взяли себѣ. Мы отняли: онъ твой.

Хаконъ. Хорошо, Лейфъ! Пойди въ мои погреба, вели себѣ наполнить такой же рогъ стараго меду, и всѣмъ твоимъ товарищамъ по такому же.

Лейфъ. Осушимъ, государь, за твое здоровье.

Уходить.

ВЫХОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Хаконъ (одинъ, разсматривая рогъ). Прекрасный, древній, золотой жертвенный рогъ! Тамъ, вѣроятно, нѣкогда стояло капище, и тамъ ты хочешь построить свой храмъ? Дѣло, ребята, что вы разогнали новыхъ строителей и выручили это священное сокровище. Весь край рога исписанъ рунами. Посмотримъ, что такое. (Читаетъ.) «Человѣкъ! если своею виной ты погубишь свое счастіе, ступай, принеси богамъ въ жертву лучшее свое сокровище....» Принеси богамъ въ жертву лучшее свое сокровище!... Такъ этого требуете вы, святые Асы? Вы требуете жертвы примиренья? Га! судьба! я понимаю твое мановеніе! Я вижу тебя, облеченную черными покровами, сидящую подъ деревомъ Идразиломъ; я вижу, какъ ты погружаешь взоръ въ источникъ вѣчности. Что, вода его уже окрасилась? волны его уже требуютъ крови? Лучшее?... что же лучшее мое сокровище? Эрландъ мой убитъ; вы уже взяли лучшее, боги. Но этого не Хаконъ принесъ вамъ въ жертву. Вы хотите, чтобы онъ самъ принесъ вамъ лучшее, что имѣетъ, чтобы уловить исчезающее счастіе, которое измѣнило ему за преступленіе, за то, что онъ забылъ Валгаллу! (Задумывается.) У меня есть еще мальчикъ, свѣтло-кудрый, съ глазами, ясными

какъ небо; невинный какъ утрення звѣздочка; живой, проворный, какъ дикая-коза въ горахъ... это послѣдняя капля моей крови... Неужто вы его требуете? Благодѣтельная Фрея, неужто ты требуешь, чтобы я возвратилъ собственный даръ твой? (Мрачно.) Боги требуютъ двоякихъ жертвъ. Однѣ выражаютъ почтеніе къ ихъ величію и могуществу. Тогда имъ закаляютъ телятъ и пльншихъ, и весело клубится къ небесамъ жертвенное пламя, и Одинъ веселится на своемъ престолѣ. Другія жертвы — очистительныя. Огонь ихъ укрощаетъ гнѣвъ боговъ. Тогда сердце должно такъ же обливаться кровью, какъ самая жертва. Онъ приносятся въ безмолвіи и тишинѣ: это кара. Она примирляетъ боговъ, оставившихъ насъ въ нуждѣ. (Разсказываетъ рогъ.) Вотъ оно, здѣсь, ясно начертано глубокими рунами: «принеси лучшее сокровище!» Зачѣмъ этотъ рогъ поданъ мнѣ въ тотъ самый часъ, когда я клялся Одину пожертвовать ему всею, жить только для него?... Это испытаніе? Нѣтъ, Хаконъ не ослабнѣетъ! Торгикура! кровавая богиня войны! ты, что сопровождаешь ратника въ бояхъ! я вижу тебя, на высокомъ бѣломъ конѣ, въ смоченномъ кровью плащѣ на широкихъ плечахъ, и съ смертоноснымъ копьемъ въ мощной рукѣ. Мрачный взоръ твой пылаетъ; ты жаждешь добычи? судорожно заносишь острый, сверкающій ножъ? Хорошо! Хаконъ идетъ за тобой; Хаконъ не затрепещетъ.

Уходить.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Лѣсъ.

ВЫХОДЪ ПЕРВЫЙ.

ТАНГБРАНДЪ и ГРИФЪ.

Тангбрандъ. Гдѣ остался король, со старикомъ? Откуда этотъ старикъ? кто онъ?

Грифъ. Богъ его знаетъ. Мы всѣ сидѣли за столомъ, справляли Троицу... и король былъ очень веселъ. Вдругъ входитъ старикъ... кривой... и садится у дверей. Король велѣлъ ему подойти ближе и даль мѣсто подлѣ себя. Начали говорить о томъ, о семъ... старикъ много рассказывалъ: онъ знаетъ все, что случилось съ незапамятныхъ временъ въ землѣ Норвежской и въ другихъ. Онъ и шутилъ подчасъ, но шутки его не понравились королю: Наконецъ ему жарко стало

въ палатахъ. Онъ захотѣлъ выйти въ лѣсъ. И Олафъ вышелъ. Я пошелъ за ними слѣдомъ, поодаль. Старикъ повелъ его на гору, все говорилъ и что-то указывалъ рукой. Мѣсяцъ свѣтилъ ясно; я все могъ видѣть издалика. Старикъ, съ черной бородой, въ черномъ плащѣ и въ шапкѣ... при блѣдномъ свѣтѣ мѣсяца, на краю утеса... ну, двѣ капли, походилъ на колдуна... пора бы государю на покой. Холодно и сыро становится.

Тангбрандъ. Пойдемъ, Грифъ, поищемъ его.

Уходятъ.

ВЫХОДЪ ВТОРОЙ.

ОЛАФЪ и АВДЕНЪ входятъ съ противоположной стороны.

Авденъ. Да, я понимаю тебя, юный витязь! Приятное пѣніе, подъ сводами великолѣпнаго храма, разстрогало твое сердце, и взоръ твой прельстился писанными картинами. Ты увлекся и вообразилъ, что это должна быть истина. Теперь ты хочешь, чтобы весь Сѣверъ почувствовалъ то же, что чувствовалъ ты, а нѣтъ, такъ испыталъ бы остріе твоего меча. Не такъ ли?

Олафъ. Ты съдой старикъ, и потому такъ упорно держишься своей вѣры: тебѣ, конечно, мое намѣреніе должно казаться несправедливымъ.

Авденъ. Ты говоришь, я упорно держусь своей вѣры... это выраженіе хорошо, вѣрно. Не то ли же можно сказать обо всемъ и обо всѣхъ? Всякой упорно держится своей вѣры. И что такое вѣра? отъ чего она происходитъ, если не отъ желанія вѣчной нашей души постигнуть причину всѣхъ вещей, чтобы въ глубинѣ своей созерцать величайшаго духа духовъ. Кто постигнетъ, тотъ и вѣруетъ. А всякой постигаетъ по-своему; всякой по-своему созерцаетъ, по-своему создаетъ себѣ образъ великаго духа, оттого и образы его различны по свойству существа, которое его воображаетъ, по времени и мѣсту, когда и гдѣ онъ воображается, словомъ, такъ же различны, какъ виды созданий въ природѣ. Взгляни, Олафъ, на эти могучія сосны, на эти высокіе крутые утесы... видишь, какъ гордо они возносятъ главы къ небесамъ? Это, такъ сказать, ихъ вѣра. Она у нихъ у всѣхъ одна. И всюду, куда только достигаешь взоръ твой въ этой землѣ, ты встрѣчаешь одинъ духъ, одно выраженіе. На югѣ, да! тамъ иное дѣло. Тамъ уже нѣтъ твердыхъ, иглистыхъ

сосенъ; тамъ листья мягки, вялы; стволъ дерева не стремится къ верху смѣло и прямо, а скромно вьется и изгибается въ темной тѣни, словно твои новыя жрецы.

Олафъ. Страшный старикъ!

Авденъ. Тамъ, подъ ярко-синимъ сводомъ неба, гдѣ теплый воздухъ пропитанъ нѣгой и благоуханіемъ, гдѣ роши оглашаются тысячами сладостно поющихъ птицъ, тамъ раздаются и нѣжныя пастушьи свирѣли и пѣсни любви; тамъ люди берутся за кисти и краски, чтобы схватить и удержать весь этотъ нестранный блескъ, цвѣтущіе вокругъ обольстительные образы природы, орошенной слезами сладострастія. Но гдѣ суровая, могучая природа, вмѣсто цвѣтовъ, производитъ скалы, гдѣ снѣгъ закутываетъ половину года въ свои холодные покровы, — гдѣ зато и мысли становятся все крѣпче, тверже, а тѣло больше, плотнѣе, — тамъ нѣтъ сладостныхъ картинъ, нѣтъ нѣжныхъ пѣсней: тамъ скальдъ мужественно поетъ подъ звонъ арфы; тамъ молча разверзается спокойная душа и предается раздумью въ долгія зимнія ночи. Здѣсь не цвѣтутъ розы, гвоздики и тюльпаны, зато процвѣтаютъ вѣрность, дружба, честь, правдивость. Здѣсь, въ голубыхъ и чистыхъ, какъ небо, глазахъ женщины, не горитъ пожирающій огонь сладострастія, такой, какъ въ черныхъ глазахъ южныхъ, но тихо, зато ясно свѣтится постоянное чувство. Здѣсь волосъ не вьется, не чернѣетъ, какъ у негра подъ знойнымъ солнцемъ, но какъ чистое золото мягкой волной ложится на широкія плеча. Не изъ цвѣтистой пыли на ломкихъ доскахъ и на слабомъ полотнѣ, а изъ твердаго, несокрушимаго камня, изъ скалъ создаются здѣсь подобія боговъ, величественныя и вѣчныя, какъ самые боги. Здѣсь врожденная сила подстрекаетъ врожденною наклонностью, и сила силу встрѣчаетъ съ радостью; отвага и мужество одушевляютъ все и всѣхъ, такъ же, какъ тамъ, на югѣ, и всѣ и все предается нѣгѣ и умилению...

Олафъ. Все это такъ. Но...

Авденъ (нересивая). Если юноша, который случайно, въ раннемъ дѣтствѣ, былъ заброшенъ на этотъ югъ, воротится оттуда съ корзинкою цвѣтовъ; если онъ захочетъ разсадить эти цвѣты въ щеляхъ сѣверныхъ скалъ и для того станетъ срубать и вырывать съ корнями мѣшающія ему березы и сосны, чтобы

№ 10

очистить мѣсто разомъ, то что бы ты, Олафъ, сказалъ о такомъ юношѣ?

Олафъ. Отойти отъ меня, искуситель!

Авденъ. Ты назвалъ бы его героемъ, неправда ли? поборникомъ правды? А какъ же бы ты назвалъ старика, который принужденъ былъ бы остановить его и сказать: «безумный юноша, не тронь моихъ сосенъ! твои нѣжные цвѣты пропадутъ на моихъ твердыхъ скалахъ.» Какъ бы ты назвалъ его?

Олафъ. Такъ же, какъ и тебя. Но кто же ты, скажи?

Авденъ. Кто я? Мудрый ты юноша, вѣдь ты знаешь все, стало-быть знаешь и меня. А не знаешь, такъ и не нужно. Помни только, что я тебѣ сказалъ.

Олафъ (про себя). Боже, укрѣпи меня! Въ первый разъ страхъ и сомнѣніе стѣснили грудь мою.

Между-тѣмъ какъ Олафъ отворачивается, Авденъ исчезаетъ за кустами.

ВЫХОДЪ ТРЕТІЙ.

ОЛАФЪ, ТАНГБРАНДЪ и ГРИФЪ.

Тангбрандъ. Вотъ король. Благочестивый Олафъ, что съ тобою случилось сегодня? Солнце давно уже сѣло, а вечерню еще не служили. Такого упущенія я еще не видывалъ у тебя, особенно на праздникъ!

Олафъ. Гдѣ жъ старикъ?

Тангбрандъ. Мы нашли тебя одного.

Олафъ (съ содроганіемъ). Это были собственные мои грезы!... Это было привидѣніе, которое составилось изъ лѣсной тѣни и луннаго свѣту. Холодная почная роса привела меня въ дрежъ и въ страхъ. Я въ раздумѣ заглядывалъ въ далекую будущность и взвѣшивалъ свое намѣреніе; я предвидѣлъ, сколько крови пролить, сколькими жизнями человѣческими должно будетъ пожертвовать... и содрогнулся. Вотъ какъ родилось мое сомнѣніе!

Грифъ. Но мы всѣ видѣли того старика! Развѣ ты его не знаешь?

Олафъ. А ты знаешь его?

Грифъ. Теперь нѣтъ, а прежде зналъ хорошо.

Олафъ. Какъ такъ?

Грибъ. Государь, мнѣ кажется, это былъ самъ старый Одинъ. Онъ такъ похожъ на идола, что въ священной рошѣ.

Тангбрандъ. Это былъ Одинъ жрецъ, слуга Хаконя. Онъ искушалъ тебя. Не правда ли, онъ говорилъ о томъ, что грѣшно отвращать народъ отъ вѣры его предковъ?

Олафъ. Да.

Тангбрандъ. Но онъ ничего не говорилъ о томъ, что это вѣра предковъ, эта древняя вѣра также некогда была новою, что она также принесена сюда изъ чужой страны? Объ этомъ онъ не говорилъ?

Олафъ. Ни слова.

Тангбрандъ. И, ужъ конечно, онъ не говорилъ о томъ, что разрушительный разливъ порчи, котораго источникъ — въ дряхлѣющемъ времени, поглотилъ бы весь міръ, если бы время не производило иногда и героевъ, которые бы могли построить святой ковчегъ, переплыть гибельныя хляби и открыть новую, лучшую, страну?

Олафъ (съ радостью обнимая его). Мое сомнѣніе улетѣло и пропало какъ первый голубь изъ Носва ковчега. А твоя утѣшительная рѣчь прилетѣла, какъ вторая, и принесла мнѣ масличную вѣтвь!

Тангбрандъ. Положись на Бога, Олафъ, и ковчегъ твой скоро станетъ на скалѣ Араратской.

Уходить.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

(Солнечная рошѣ.)

ВЫХОДЪ ПЕРВЫЙ.

ХАКОНЪ и ЭРЛИНГЪ.

Эрлингъ. Тятя, отчего это такъ холодно?

Хаконъ. Оттого, что еще рано. Ты зябнешь, дитя мое?

Эрлингъ. Нѣтъ, ничего. Мы увидимъ, какъ солнце восходитъ? Ахъ, это чудесно! Я еще никогда не видалъ хорошенько.

Хаконъ. Видишь ли красныя полосы и лучи тамъ, на востокъ?

Эрлингъ (всплеснувъ руками). Ахъ, какъ это хорошо! Отчего это? Тамъ огонь?... А скажи, тятя, от-

куда такое множество свѣтлыхъ камешковъ? кто ихъ разсыпалъ по травѣ?... видишь, какъ они сверкаютъ!

Хаконъ. Это не камешки; это роса, а то, что ты называешь огнемъ, солнце. Видишь, оно восходитъ.

Эрлингъ. Какой большой шаръ! какой красный!... А что, тятя, отчего мы никогда не побываемъ тамъ, у этого солнца?

Хаконъ. Къ солнцу стремится все, что живетъ. Это — Одинъ свѣтлый глазъ. Другой его глазъ, луна, свѣтитъ ночью. Теперь онъ въ закладѣ у Мимера, за воду изъ живаго источника, которою Одинъ каждое утро освѣжаетъ этотъ глазъ.

Эрлингъ. Гдѣ жъ этотъ источникъ?

Хаконъ. Тамъ, видишь, святое море, что пѣнистыми волнами хлещетъ о прибрежныя скалы? Это глубокий источникъ Мимера, у котораго Одинъ умываетъ свой глазъ. Вотъ теперь солнце только-что умылось и, освѣженное, поднимается надъ прохладными волнами.

Эрлингъ. Ахъ, теперь я не могу сотрѣть на него: глазамъ больно. (Закрываетъ глаза руками).

Хаконъ. Всеотецъ восходитъ на свой золотой престолъ. Скоро онъ обниметъ взоромъ всю вселенную. Лучезарные камни его небснаго вѣнца поражаютъ и ослѣпляютъ земные глаза. Кто дерзнетъ взглянуть въ открытое лицо великаго царя дневнаго?

Эрлингъ (робко озирается). Тятя... тятя, что это за гадкіе, страшные бородачи, тамъ, въ тѣни?

Хаконъ. Не бойся: это истуканы, подобія боговъ, избѣченные изъ камня человеческими руками. Они не сияютъ въ палящихъ солнечныхъ лучахъ; передъ ними смертные смѣло могутъ преклонять колѣни, могутъ смотрѣть имъ въ глаза. Пойдемъ, дитя мое, посмотримъ на нихъ поближе.

Эрлингъ. Нѣтъ, тятя, я боюсь! Видишь этого старика, съ бородой? Я его боюсь.

Хаконъ. Дитя! это Одинъ. Ты боишься бога?

Эрлингъ. Нѣтъ, тятя, Одна я не боюсь... того Одина, который, ты говоришь, живетъ тамъ, на синемъ небѣ,—настоящаго Одина... Онъ меня не пугаетъ: онъ хорошъ и добръ: онъ сажаетъ цвѣты на землѣ. А этотъ блѣдный, страшный колдунъ такъ смотреть, что, кажется, хочетъ убить.

Хаконъ. Га!

Эрлингъ. Тятя, я пойду, принесу вѣнокъ, который

оставилъ тамъ на кустъ, когда ты позвалъ меня смотрѣть восхожденіе солнца; а потомъ пойдешь домой. Я думаю, старый колдунъ хочетъ обмануть тебя.

Хаконъ. Пойди, возьми вѣнокъ и приходи скорѣе. (Эрлингъ уходитъ). Жертвенный ягненокъ долженъ быть украшенъ вѣнкомъ. Вѣчные боги! возрите съ престоловъ своихъ! Хаконъ съ вѣрою и надеждой приноситъ вамъ жертву.

Эрлингъ (возвращается съ вѣнкомъ изъ бѣлыхъ розъ на головѣ). Вотъ, я и пришелъ! Вотъ мой вѣнокъ!

Хаконъ. Встань передъ Однимъ на колѣна, дитя мое, прежде нежели пойдешь. Подними руки къ небу и скажи: Всеотецъ милосердый, услышь маленькаго Эрлинга и возьми его подъ отеческую защиту свою.

Эрлингъ (ставъ на колѣни и простирая руки къ солнцу). Всеотецъ милосердый, услышь молитву маленькаго Эрлинга и возьми его подъ свою отеческую защиту! (Хаконъ, стоя позади, заноситъ кинжалъ, но рука его дрожитъ и роняетъ оружіе. Эрлингъ спокойно оборачивается, поднимаетъ кинжалъ и, вставая, подаетъ отцу.) Твой кинжалъ упалъ, тятя. Ахъ, какой свѣтлый и острый! Когда я буду большой, ты мнѣ тоже дашь такое оружіе, чтобы я могъ защищать тебя отъ враговъ?

Хаконъ. Какой злой духъ внушаетъ тебѣ слова, которыя безпрестанно тревожатъ меня?

Эрлингъ. Ты сердился на меня?... Что же я сдѣлалъ?

Хаконъ. Пойдемъ туда, Эрлингъ.

Эрлингъ. Туда, къ этому гадкому старику? Нѣтъ, я боюсь!

Хаконъ (строго). Пойдемъ! Тамъ цвѣтутъ розы, алыя, огненно-красныя розы. Пойдемъ; ты увидишь, какъ весело смотрѣть на нихъ, какъ скоро они растутъ. Пойдемъ.

Эрлингъ (плачетъ). Милый батюшка! мнѣ страшно, я боюсь!

Хаконъ. Слушайся же! Слышишь Геймдалева пѣтуха? Слышишь, какъ запѣлъ? Пора, пора! пойдешь.

Уходить за истуканъ.

ВЫХОДЪ ВТОРОЙ.

Эйнаръ-Самострѣль (поспѣшно входитъ). Гдѣ же ярль? Мнѣ сказали, что онъ въ жертвенной рошѣ. Здѣсь никого нѣтъ. Гдѣ же онъ? И зачѣмъ ему здѣсь быть?

Теперь пора сражаться, а не молиться. (За сценою крикъ). Боги! это что такое? Ярль Хаконъ! Хаконъ!

ВЫХОДЪ ТРЕТІЙ.

ЭЙНАРЪ и ХАКОНЪ.

Хаконъ. Кто меня кличетъ?

Эйнаръ. Что это значитъ?

Хаконъ. Чего тебѣ?

Эйнаръ. Я пришелъ звать тебя на битву. Деревенское полчище уже присоединилось къ Олафу; они приближаются къ Дронгтейму; твоя дружина готова принять ихъ; ждутъ только тебя. Ты опять приносишь жертвы?

Хаконъ. Да.

Эйнаръ. Что же ты принесъ.

Хаконъ. Посмотри тамъ, коли хочешь.

Эйнаръ. Да, много это поможетъ!

Идетъ и заглядываетъ за истуканъ.

Хаконъ. Теперь свершено. Мужайся, Хаконъ!

Эйнаръ (возвращаясь, съ ужасомъ и негодованіемъ). Извергъ! что ты сдѣлалъ!

Хаконъ. Укротилъ гнѣвъ боговъ: принесъ собственные радости и надежды на жертву за благо Норвегии.

Эйнаръ. Такъ пусть же гиганты въ мрачной безднѣ булавами и раскаленными камнями раздавятъ мнѣ грудь, если я отнынѣ хоть разъ натяну тетиву лука своего на защиту твою, хотя я и люблю твою дочь. (Срываетъ у себя съ шеи золотую цѣпь и бросаетъ Хакону подъ ноги.) Вотъ твой подарокъ! Съ этимъ я разрываю всѣ узы, привязывавшія меня къ тебѣ, свирѣпый палачъ! Я пойду служить доброму Олафу Тригвасону. Тебѣ конецъ пришелъ. Ты научилъ меня ужасаться твоихъ боговъ. Да побѣдитъ Христосъ! Что удерживаетъ меня, что я не пошлою тебя въ адъ тотчасъ же, однимъ ударомъ этого копья? Но смерть твоя будетъ еще хуже, позорнѣе: я изловлю тебя живьемъ, и приведу къ Олафу.

Уходить.

ВЫХОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Хаконъ (одинъ). Ты мнѣ грозишь? (Вдали раздаются звуки роговъ и кличъ: «Хаконъ! Хаконъ!» Онъ обнажаетъ мечъ). Часъ насталъ. Увидимъ, кто побѣдитъ, Одинъ или Христосъ. Чу! какой шумъ! это кровавыя Валькюрии несутся надъ станомъ и наполняютъ воздухъ неистовыми кликами войны. Иду! иду! Боги! я отдалъ вамъ

Эрлинга; я увеличу свою жертву безчисленнымъ множествомъ враговъ.

Уходитъ.

АКТЪ ПЯТЫЙ.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

Ромиль.

ВЫХОДЪ ПЕРВЫЙ.

Ночь. ТОРА и ИНГЕРДА сидятъ за столомъ и работаютъ.

Тора. Тебѣ спать хочется, Ингерда, я это вижу.

Ингерда. Давно ужъ полночь... Чу! стучать. Это они!

Тора. Нѣтъ, это вѣтеръ: онъ всю ночь востъ и стучитъ, какъ-будто хочетъ домъ сломать.

Ингерда. Въ такую погоду ваши братья не придутъ, сударыня: они, ужъ вѣрно, подождутъ разсвѣта.

Тора. Ступай ты спать, Ингерда. Мнѣ не спится. Сегодня утромъ было сраженіе. Скяльмъ и Альфъ обѣщали прийти непременно и дать мнѣ знать. Ступай, усни. Я охотно пожду одна.

Ингерда. Если позволите, пойду. Но вотъ опять стучать. Не можетъ быть, чтобы это былъ вѣтеръ.

Уходитъ.

Тора. Какая тоска! какъ сердце поетъ.... Милые братья мои сражаются противъ Хакона! Кто бы ни побѣдилъ, сердце Торы все будетъ разбито.

ВЫХОДЪ ВТОРОЙ.

ТОРА и ЭЙНАРЪ.

Эйнаръ. Привѣтъ и добраго здоровья тебѣ, Тора! Съ добрымъ утромъ. Утро, кажется, ужъ близко: на дворѣ поетъ пѣтухъ. Я принесъ тебѣ вѣстей. Имъ мое — Эйнаръ-Самострѣль. Не пугайся, что видишь одного изъ бывшихъ друзей Хакона. Я злѣйшій врагъ его, съ тѣхъ-поръ какъ онъ, въ безуміи, зарѣзалъ своего сына, чтобы вымолить у боговъ побѣду въ сраженіи.

Тора. О боги!

Эйнаръ. Да, поистинѣ! Этотъ старый грѣшникъ ужасенъ; онъ заслуживаетъ общей ненависти, и твоей въ особенности. Но къ дѣлу. Я слуга короля Олафа. Я недавно познакомился съ твоими братьями, однакожъ

мы скоро подружился: въ военное время въ одинъ часъ иногда узнаешь больше, нежели въ мирное въ цѣлую жизнь. Они дрались какъ Норманы, — то есть такъ, какъ все войско, — и Олафъ одержалъ побѣду. Онъ разсѣялъ ярловы полчища какъ отруби. Жарко было подъ обрызганными кровью щитами; горячо шипѣли копыя и мечи въ свѣжихъ ранахъ. Валакрии сами вмѣшались въ бой; они искали крови и нашли довольно! Одинъ въ Валгаллѣ не разливаетъ столько меду, сколько тутъ было розлито крови. Большая часть Хаконова войска побита; однакожъ самъ онъ скрылся. Мы отыскиваемъ его.

Тора. А братья мои, братья, Эйнаръ? Ты, чужой витязь, приходишь сюда поздно ночью.... я трепещу... Что стало съ моими братьями?

Эйнаръ. Они прислали меня, потому-что сами не могутъ прийти. Радуйся, Тора: Альфъ и Скяльмъ при восходѣ солнца отправились въ Валгаллу. Тамъ они сидятъ теперь, на скамьѣ у Одина, и осушаютъ золотые рога.

Тора. О Фрея!

Эйнаръ. Радуйся, Тора! Не всякому суждено умереть такою завидною смертью. Они были въ переднихъ рядахъ, и тутъ-то мы познакомились. Ярль Хаконъ какъ звѣрь неистовствовалъ въ бою; а бой былъ грозный: много тутъ полегло храбрыхъ. Половина Норвегін сражалась за ярла Хакона, половина за короля Олафа. Братья твои, распаленные гнѣвомъ, добивались до Хакона, чтобы отомстить за тебя, и оба пали отъ его меча. Его удары страшны и вѣрны, особенно, когда онъ разъярится. Что жъ дѣлать! По крайней-мѣрѣ они бились съ достойнымъ врагомъ. Вѣдь что ни говори, а ярль Хаконъ великій витязь. Это онъ доказалъ во вчерашнемъ бою.

Тора. О мои братья!

Эйнаръ. Я завидую имъ: они блаженны; Волундъ уже сковалъ имъ прекрасные мечи. Скоро имъ насыплютъ курганы, на вѣчную память. Олафъ ужъ приказалъ поставить рушническіе камни. «Поклонись сестрѣ Торѣ!» говорили они мнѣ умирая, и вотъ я исполнилъ порученіе. Теперь поѣду дальше со своимъ отрядомъ, искать Хакона; Олафъ тоже ищетъ. Въ Гаулафъ сборное мѣсто назначено. Сегодня будетъ вѣче; гдѣ, не знаю. Ради братьевъ твоихъ я сдѣлалъ этотъ небольшой кругъ. Кажется, дождь идетъ еще.... Я и такъ уже промокъ; со шлема каплетъ. Мы надѣмся

скоро схватить ярла, и тогда уже ты порядкомъ будешь отомщена. Радуйся, Тора. Прощай. Я спѣшу.

Уходитъ.

Тора. Вѣчные боги! что я сдѣлала? что мое бѣдное сердце такъ терзаютъ?

ВЫХОДЪ ТРЕТІЙ.

ТОРА и ХАКОНЪ, неузнанный, завернутый въ плащъ.

Тора. Чего тебѣ? Кто ты? говори!

Хаконъ. Одинъ ли мы? Безопасно ли здѣсь?

Тора. Что ты говоришь о безопасности, ты, который тайно врываешься въ домъ мой ночью порой? Кто ты? говори же!

Хаконъ (откинувъ плащъ). Тора, ты не узнаешь меня?

Тора. Боги! Хаконъ!

Хаконъ. Да, онъ самъ.

Тора. Ты хочешь скрыться у меня?

Хаконъ. Клянусь вѣчными силами, ты не даромъ удивляешься, это правда. Но посмотрилъ бы я, куда не побѣжить искать спасенія вѣпръ, котораго цѣлый день преслѣдуетъ стая собакъ!

Тора. Хаконъ, ты блѣденъ, твой взоръ мутенъ и блуждаетъ!

Хаконъ. Свидѣтель одинъ, я сражался какъ волчица, которая защищаетъ своихъ щенятъ; этимъ мечомъ я многихъ отослалъ въ Валгаллу. Но теперь я утомленъ; войско мое разбито; счастье измѣнило мнѣ. Олафъ словно чарами притупилъ мечъ мой. Многіе бѣжали; другіе подло измѣнили мнѣ. Теперь ужъ нѣтъ ни одного человѣка, которому бы я могъ довериться. Кровавая богиня войны, великая Рота, меня избрала на жертву; холодная рука ея тяжело налегла на мою голову. Я съ однимъ слугою вѣхалъ лѣсами всю ночь. Жажда давно уже мучитъ меня. Это не вода ли, здѣсь, въ кубкѣ?

Тора. Ахъ, погоди, я сейчасъ принесу свѣжей.

Хаконъ. Останься; довольно этого.... Подъ Гаулафъ конь мой упалъ. Я зарѣзалъ его, снялъ свой плащъ и, омочивъ въ крови, бросилъ тамъ, чтобы обмануть враговъ, а самъ надѣлъ этотъ, простой, который нашелъ на дорогѣ.

Тора. О, Хаконъ, Хаконъ!

Хаконъ. И вотъ тутъ, проходя мимо твоего дома, я остановился у темныхъ воротъ, о которыхъ дробился градъ и дождь. Мнѣ показалось, что тутъ еще обитаетъ живая душа, которая расположена ко мнѣ и отворить мнѣ ворота. Я вспомнилъ, какъ часто ты клялась, что любишь меня отъ всего сердца. Конечно, я знаю, что любовь можетъ превратиться въ ненависть, но все-таки хотѣлъ сперва испытать. И вотъ я здѣсь, Тора. Хочешь ты скрыть меня отъ Олафа и враговъ моихъ? Тогда спасибо за твою любовь, которой прежде я не умѣлъ оцѣнить. Если же не хочешь... ну... милостыни вымалывать я не могу... я опять пойду въ лѣсъ; взберусь на самый высокій утесъ, еще разъ окину взоромъ страну, которая повиновалась и служила мнѣ, потомъ съ честію паду отъ собственнаго меча, — и душа Хакона на крылахъ завывающей бури понесется къ престолу Одина, а солнце найдетъ мое тѣло на скалѣ и скажетъ: великъ въ смерти, какъ былъ великъ въ жизни.

Тора. О Хаконъ, не говори о смерти! Я не ненавижу тебя; я скрою, я спасу тебя отъ твоихъ враговъ! (Беретъ его за руку.)

Хаконъ. Но знаешь ли ты, что я этою рукою убилъ ребенка Эрлинга, котораго ты такъ любила?

Тора. Да, я знаю, ты принесъ его въ жертву богамъ. Это доказываетъ, какъ велика была напасть на тебя.

Хаконъ. Знаешь ли ты, Тора, что этою рукой, которую ты такъ ласково жмешь... о! мнѣ прискорбно, я не могу тебѣ сказать!

Тора. Я знаю, ты въ битвѣ убилъ моихъ братьевъ.

Хаконъ. И все-таки...

Тора. Тора останется Торой. Хаконъ, ты жестоко оскорбилъ меня: ты съ презрѣніемъ отвергъ мою любовь, убилъ моихъ братьевъ... Но на войнѣ вѣдь жизнь покупается жизнью. Эйнаръ говоритъ, что Скяльмъ и Альфъ теперь блаженствуютъ у Одина, въ Валгаллѣ. (Закрываетъ лицо и плачетъ; потомъ опять поднимаетъ голову и смотритъ на Хакона.) Скажи, Хаконъ, точно ли это ты стоишь у Торы, въ маленькомъ домѣ, въ лѣсу, ночью, въ бурную погоду, вдали отъ блеска и роскоши твоего дронгтеймскаго жилища? Скажи мнѣ блѣдный, угрюмый витязь, ты, что безъ шлема, въ бѣдномъ простомъ плащѣ, безмолвно опираешься на

большой мечь свой, скажи мнѣ, — точно ли ты ярлѣ Хаконовъ?

Хаконовъ. Да, этотъ блѣдный призракъ нѣкогда былъ властелиномъ Норвегій. Витязи норманскіе уважали его и повиновались ему. Онъ погибъ... въ битвѣ, подъ Дронтеггеймомъ. Это было давно: я уже почти забылъ. Теперь уже только блѣдный духъ его бродитъ о полуночи. Его когда-то звали ярломъ Хакономъ.

Тора. Судьба страшно отомстила за меня!... Прочь, гнѣвъ и ненависть! Возвратись, старая любовь! Я была бы волчица, а не женщина, еслибъ, при такомъ зрѣлищѣ въ груди моей не замеръ послѣдній остатокъ негодованія. Хаконовъ, отдохни опять на этой груди! Дай, я оботру лобъ твой... Смотри, я опять люблю тебя! (Обнимаетъ его).

Хаконовъ (дикко). Какъ тебя зовутъ, Норманка?

Тора. Дѣвушки, въ деревнѣ, называютъ меня Фіалкой. Я была маленькимъ цвѣткомъ, что выросъ на твоихъ дубовыхъ корняхъ, и ими только жилъ, а потому завялъ, когда ему не дали больше укрываться въ тѣни роднаго дерева.

Хаконовъ. Фіалка? Фіалка?... милое имя!

Тора. О небо! что это? тебя бьетъ дрожь! Это новый случай у тебя... я боюсь... ты плачешь!.. я никогда еще не видывала слезъ на щекахъ Хакона.

Хаконовъ (съ безумною радостью). А! Фіалка, блѣдный маленькій могильный цвѣтокъ, тебя удивляютъ мои слезы? Развѣ ты не видывала, какъ плачутъ твердые камни, когда ихъ съ холоду приносятъ въ тепло? Это — предсмертный потъ. Не удивляйся, мой могильный цвѣточекъ.

Тора. Хаконовъ! Хаконовъ! О вѣчная Фрея!

Хаконовъ. Горный снѣгъ уже таетъ... скоро онъ исчезнетъ. Холодная зима разрѣшается слезами и уступаетъ мѣсто цвѣтущей веснѣ. Ярла Хакона уже нѣтъ; только призракъ его бродитъ. Приблизьтесь смѣло къ этому призраку, приткните его коломъ къ землѣ, — и онъ перестанетъ беспокоить васъ, будетъ лежать тихо, смиренно.

Тора. Хаконовъ! образумься, оставь этотъ бредъ. Ахъ! подъ бременемъ несчастья самая великая, самая сильная душа человѣческая наконецъ должна упасть. Ты много пострадалъ; со всѣхъ сторонъ окруженъ врагами. Теперь твое горе выльется отрадными слезами въ объятія друга. Пойдемъ со мною. У меня подъ домомъ есть старый подвалъ, изсѣченный въ ска-

лѣ. Объ немъ никто не знаетъ, кромѣ меня. Тамъ я скрою тебя, пока минетъ опасность; а потомъ, можетъ-быть, счастье опять улыбнется намъ.

Хаконовъ. Скажи мнѣ откровенно: ты думаешь, что за стѣнами того подвала будетъ еще разсвѣтъ новаго дня?

Тора. Я не сомнѣваюсь, другъ мой.

Хаконовъ. И ты хочешь отвезти меня въ этотъ мрачный подвалъ, гдѣ предѣлъ всякой вражды?

Тора. Да, мой другъ.

Хаконовъ (подавалъ ей руку). Пойдемъ же, Гела! пойдемъ, моя богиня смерти! я не боюсь тебя.

Тора. О боги! онъ помѣшанъ!

Хаконовъ. Ты думаешь, что твое лицо пугаетъ меня? Ты, правда, блѣдна; губы твои сини; ты убиваешь не такъ скоро, какъ сестры твои, Валькюрии, быстро, смертоноснымъ копьемъ войны: ты медленно, оледеняющимъ страхомъ удашаешь сперва мужество и твердость, потомъ самого мужа. Но все равно! Пойдемъ. Покуда ты еще не погасила ни одной искры моей гордости, я смѣло и бодро пойду за тобою въ гробъ.

Тора. О боги, спасите и храните его!

Уходить.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Лѣсу.

ВЫХОДЪ ПЕРВЫЙ.

ОЛАФЪ, КАРЛГОВУТЬ, ЮСТЕЙНЪ, ГРИФЪ и войско.

Грифъ. Свѣтаетъ, государь, и кажется, что день будетъ хорошей. Ночь была страшная. Не хочешь ли отдохнуть здѣсь, подъ деревомъ, покуда мы накормимъ лошадей?

Олафъ. Я не могу успокоиться, покуда не найду Хакона. Его войско разбито, но не уничтожено. Молодой Эйнаръ уже торжествуетъ, но онъ не столько благодаренъ, сколько храбръ. Если Хакону дать время, онъ у меня уйдетъ, — и тогда потоки опять соберутся въ рѣку. Я не хочу опустошать родную землю продолжительною войною; я хочу дать ей миръ. Хаконовъ долженъ пасть. Покуда живъ этотъ язычникъ, христіанству не цвѣсти въ Норвегій.

ВЫХОДЪ ВТОРОЙ.

Тѣ же и ЭЙНАРЪ, съ окровавленнымъ плащемъ Хакона.

Эйнаръ. Конечно, государь, полно искать! Тамъ, у ручья, лежитъ убитый конь Хаконовъ, а вотъ его плащъ, весь въ крови. Твои люди, вѣрно, настигли его и тотчасъ убили.

Олафъ. Такъ ли это? Точно ли это Хаконовъ плащъ? Кто знаетъ?

Грифъ. Плащъ-то тутъ, а гдѣ ярл? Тамъ же лежить?

Эйнаръ. Я видѣлъ только плащъ и коня.

Грифъ. Такъ поди же отыщи ярла; тогда можешь успокоиться, а до того нѣтъ. Неужто ты не знаешь Хакона? Я ручаюсь, что онъ теперь подъ другимъ плащемъ. Хаконовъ хитеръ, государь. Не вѣрь этому: это продѣлка, которою онъ думаетъ обмануть тебя.

Олафъ. Вѣроятно. Пойдемте же, друзья. Отсюда недалеко до Римоль. Тамъ народъ собирается на вѣче; тамъ мы, можетъ-быть, узнаемъ что-нибудь.

Грифъ. Да, тамъ живетъ и Тора, его прежняя любовница.

Эйнаръ. Правда; но ее Хаконовъ жестоко оскорбилъ и сверхъ-того убилъ ея братьевъ.

Грифъ. Ну, говорятъ, старая любовь не ржавѣетъ. Увидимъ.

Олафъ. Въ дорогу, въ дорогу! въ Римоль. На коней! День ужъ занялся.

Всѣ уходить.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Подвалъ.

ОДИНЪ ВЫХОДЪ.

ХАКОНЪ, съ мечемъ; КАРКЕРЪ, съ лампою и съ бѣлодомъ.

Каркеръ. Такъ въ этой ямѣ намъ жить? Тутъ не очень то удобно! куда я поставлю лампу?

Хаконовъ. Вотъ, повѣсь на этотъ крюкъ.

Каркеръ. Правда. А вотъ, на этихъ камняхъ, подѣланы мѣста; тутъ можно присѣсть. Что, ярл, не хочешь ли поѣсть? Ты цѣлый день ничего въ ротъ не бралъ.

Хаконовъ. Я не голоденъ, Каркеръ. Ышь ты.

Каркеръ. Коли позволишь, такъ я тотчасъ же пріймусь.

Каркеръ встаетъ; Хаконовъ прохаживается взадъ и впередъ.

Каркеръ. Ахъ, ярл, какая это страшная пещера! Черный гробъ у входа, ты видѣлъ?

Хаконовъ. Молчи, Ышь. (Про-себя.) Подъ этими мрачными сводами Тора не одну ночь провела въ слезахъ. Тотъ черный гробъ она заказала для себя. Здѣсь назначено истлѣть ея прекрасному тѣлу. (Смотритъ на Каркера.) Что жъ ты не Ышь? Вѣдь ты прежде былъ такъ прожорливъ. Что съ тобой?

Каркеръ. Ахъ, ярл, мнѣ что-то не хочется ѣсть; не могу.

Хаконовъ. Отчего же? Ободришь; положишься на своего господина.

Каркеръ. Да ты ярл, вѣдь и самъ робокъ и унылъ!

Хаконовъ. Я робокъ и унылъ? Какъ ты смѣешь говорить мнѣ это? Развеселись. Если не можешь ѣсть, такъ спой мнѣ пѣсню.

Каркеръ. Какую же пѣсню я спою?

Хаконовъ. Пой, что хочешь, что знаешь. Всего лучше какую-нибудь печальную и страшную, чтобы звучала какъ ливень и градъ въ непогоду. Кольбельную пѣсню, Каркеръ, кольбельную пѣсню.

Каркеръ. Кольбельную?

Хаконовъ. Да, чтобы старое дитя могло спокойно уснуть.

Каркеръ. Я знаю хорошую витязскую пѣсню, ярл.

Хаконовъ. А какой ея конецъ? Печальный? Сначала кажется, какъ будто все пойдетъ счастливо, а потомъ вдругъ оборачивается на смерть и гибель?

Каркеръ. Нѣтъ, ярл, эта пѣсня съ самаго начала печальная.

Хаконовъ. Ну, вотъ, люблю! Мнѣ надоѣла уловка нашихъ скальдовъ, которые сначала все рассказываютъ веселое и пріятное, только для того, чтобы потомъ тѣмъ ужаснѣе кончить. Если утро сѣро, то по-крайней-мѣрѣ впередъ знаешь, чего надо ждать. Спой же свою пѣсню.

Каркеръ (поетъ).

Король Гаральдъ и Эрлингъ плыли ночью.

Въ лѣсу уныло зябликъ пѣлъ.

Вотъ, ярлова двора они достигли;

Тутъ ярлу смертный часъ приспѣлъ.

Хаконъ. Рабъ! съ ума ты сошелъ? Ты поешь мнѣ отцову погребальную пѣсню!

Каркеръ. Такъ Сигурдъ-ярль твой отецъ былъ? Э! я этого не зналъ. Да! нечего сказать, худой ему конецъ достался!

Хаконъ. Молчи!

Каркеръ (помолчавъ). Нѣтъ ли тутъ соломы хоть немножко, на чемъ бы отдохнуть.

Хаконъ. Ты усталъ, такъ ложись на землю. Я не разъ такъ отдыхалъ.

Каркеръ. И мнѣ случилось; да на солому все какъ-то лучше. (Ложится и засыпаетъ.)

Хаконъ (помолчавъ). Жалкое созданіе! ты уже спишь? Маленькая искра, которая показывала, что въ тебѣ тоже есть немножко бѣдной жизни, уже погасла въ этой грудѣ золь? Счастливъ, счастливъ ты!... Здѣсь горитъ другой огонь: онъ пылаетъ неукротимѣ... Га! глупый рабъ, какой злой духъ внушилъ тебѣ погребальную пѣсню моего отца? Или это намекъ судьбы? Конецъ ярла Хакона будетъ такой же, какъ и конецъ ярла Сигурда?... Онъ былъ такой же, окровавленный жрецъ Одина. (Безпокойно.) Какъ! неужто Одинъ и боги Валгаллы дѣйствительно побѣждены?... Въ этомъ сыромъ подземельѣ такъ холодно.... кровь дрожить въ моихъ жилахъ. (Смотря на Каркера.) Ему что-то снится. Какъ гадко онъ корчитъ лицо! (Толкая его.) Проснись, рабъ! проснись, Каркеръ! что это значить, что ты корчишь такую гадкую рожу?

Каркеръ. Ахъ, я видѣлъ сонъ!

Хаконъ. Что жъ ты видѣлъ?

Каркеръ. Я видѣлъ...

Хаконъ. Чу! молчи! слышишь, какъ шумятъ надъ нами?

Каркеръ. Тамъ много народу, кажется... я слышу явственно, какъ звенятъ латы. Это, вѣрно, Олафовы воины. Они ищутъ насъ.

Хаконъ. Объ этомъ старомъ погребѣ никто не знаетъ. Двери крѣпкія, желѣзныя; ключъ Тора отдала мнѣ: мы здѣсь въ безопасности.

Каркеръ. Слышишь, ярль, что герольдъ возвращается?

Хаконъ. Что онъ говорить?

Каркеръ. Олафъ обѣщаетъ много золота и почестей тому, кто принесетъ ему твою голову.

Хаконъ (престально смотря ему въ глаза.) Конечно, ты не думаешь заслужить эту награду? Отчего ты такъ дрожишь? отчего твои губы такъ блѣдны?

Каркеръ. Сонъ напугалъ меня. Ты, ярль, вѣдь умѣешь толковать сны?

Хаконъ. Рассказывай, что ты видѣлъ?

Каркеръ. Мнѣ снилось, будто мы съ тобой вдвоемъ были на морѣ, въ ладѣ, и я сидѣлъ на рулѣ.

Хаконъ. Га! это значить, что моя жизнь у тебя въ рукахъ! Будь мнѣ вѣренъ, служи мнѣ въ нуждѣ, такъ я тебя награжу лучше Олафа.

Каркеръ. Сонъ еще не конченъ.

Хаконъ. Рассказывай, рассказывай!

Каркеръ. Къ намъ сошелъ на берегъ съ высокой скалы рослый человѣкъ, весь въ черномъ, и закричалъ: «все пристани заперты!»

Хаконъ. Каркеръ, ты видишь дурные сны. Это значить, что намъ обонимъ остается короткая, бѣдная жизнь. Будь вѣренъ! Ты самъ говоришь, что мы родились въ одну ночь. Намъ и умереть суждено въ одинъ же день.

Каркеръ. Потомъ мнѣ еще снилось, будто я въ Дронгтеймѣ и будто король собственноручно надѣлъ мнѣ на шею золотую цѣпь.

Хаконъ. Га! это значить, что онъ тотчасъ же велитъ удушить тебя пеньковой веревкой, какъ только ты предательски измѣнишь своему господину. Поди, сядь въ тотъ уголь; я сяду здѣсь. Успемъ.

Каркеръ. Какъ хочешь.

Хаконъ. Что ты тамъ дѣлаешь?

Каркеръ. Да хочу поправить свѣтильникъ.

Хаконъ. Оставь; пусть горитъ такъ. Пожалуй, еще погасишь, тогда мы останемся здѣсь въ потьмахъ. Я не понимаю, какъ люди, ложась спать, могутъ такъ спокойно гасить свѣчу. Это картина смерти; она еще гораздо страшнѣе самаго сна. Ничто не изображаетъ жизни такъ вѣрно и сильно какъ горящая свѣча. А куда же дѣвается эта жизнь когда свѣча гасится? Оставь мой свѣтильникъ. Онъ горитъ тускло, но все-таки горитъ. Гдѣ есть жизнь, тамъ есть и надежда. Ложись спать.

Они садятся по разнымъ угламъ и нѣсколько времени молчатъ.)

Хаконъ (тихо). Каркеръ, ты спишь?

Каркеръ. Сплю, сударь.

Хаконъ. встань. Глупый рабъ!... Хаконъ! Хаконъ! вотъ остатокъ отъ всего того, чѣмъ ты нѣкогда похвалялся, — одно бессмысленное животное. Я не мо-

гу довѣриться ему. Можетъ ли такой мозгъ понимать, что такое долгъ и честь? Онъ, какъ цѣпная собака, ползая и вилая хвостомъ, тотчасъ пойдетъ къ тому, кто подастъ ему лучшую кость.... Каркеръ, подай кипжалъ. Рабу не слѣдуетъ носить оружіе.

Каркеръ. Вѣдь ты самъ подарилъ его мнѣ. Вотъ онъ.

Хаконъ. Хорошо; теперь спи.

Каркеръ. Слушаю.

Хаконъ (про себя). Лихорадочный огонь горитъ у меня въ головѣ и во всей крови. Я усталъ, утомился въ бою, отъ бессонницы, отъ ночнаго побѣга.... не спать не смѣю.... Этотъ рабъ.... Нѣтъ, не стану спать; такъ, отдохну немного. (Садится и засыпаетъ.)

Каркеръ, (тихо). Уснулъ-таки наконецъ. Онъ не довѣряетъ мнѣ; онъ боится, что я продамъ его Олафу. Тотъ предлагаетъ золото и почести за его жизнь; а отъ него чего мнѣ ждать?... Онъ шевелится.... Боги! онъ ходитъ во снѣ!

Хаконъ (въ припадкѣ лунатизма, невѣрными шагами выходя изъ своего угла, наклоняясь впередъ и отводя назадъ руки, какъ-будто убываетъ чего). Гаральдъ краснокудрый! Овчина! чего вамъ нужно отъ меня? Оставьте меня въ покоѣ. Зачѣмъ вы такъ грозно просовываете свои мертвые головы сквозь стѣну? Вы лжете! я не былъ вашимъ предателемъ!... А вы, дѣвушки, вамъ что нужно? Ступайте домой. Теперь не пора для любви. А ваши женихи.... А! Одинъ истуканъ!... онъ упалъ.... а Фрея стоитъ, увѣчанная цвѣтами.... Олафъ, ты кипнулъ въ западню Хакона, а теперь Хаконъ самъ попалъ въ западню къ смерти. (Прислушивается.) Кто тамъ плачетъ, въ травѣ?... А! это самое ужасное мое дѣло! Эрлингъ! бѣдное дитя! Ты исходишь кровью? Я слишкомъ глубоко поразилъ тебя? злая кровь струится изъ груди твоей на бѣлыя розы. (Кличетъ.) Каркеръ! Каркеръ!

Каркеръ. Я здѣсь, сударь!... Онъ все еще спитъ!

Хаконъ. Возьми этотъ мечъ, коли!... вотъ грудь моя.

Каркеръ. Ярль! какъ можешь ты требовать этого?

Хаконъ. Повинуйся, рабъ! Или я или ты долженъ умереть!

Каркеръ. Такъ умри же лучше ты!

Поражаетъ его въ грудь.

Хаконъ (падая). Свершилась! свершилась твоя угроза, Олафъ!

Умираетъ.

Каркеръ (равнодушно). Да, свершилось, и теперь ужъ не передѣлаешь. Что жъ мнѣ, я не стану плакать и сътовать: отъ этого ярль не оживетъ. Пойду, снесу это тѣло королю Олафу и получу награду. Конечно! Онъ самъ хотѣлъ смерти. Я сдѣлалъ только то, чего онъ самъ хотѣлъ.

Поднимаетъ тѣло и уноситъ.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Римольская площадь.

ВЫХОДЪ ПЕРВЫЙ.

ОЛАФЪ, окруженный народомъ, въ полномъ вооруженіи стоитъ на вѣсломъ кампѣ.

Тангбрандъ. Вотъ и дронгтеймскіе пришли, государь. Теперь все вѣче въ порядкѣ, всѣ собрались.

Бергторъ-Кузнецъ (въ сопровожденіи толпы крестьянъ). Вотъ онъ, братцы, вотъ Олафъ! видите ли вы его на королевскомъ кампѣ? Точъ въ-точъ какъ Гаральдъ или Ательстейнъ! (Снимаетъ шапку.) Ты ли сынъ короля Тригваса, изъ Вигена?

Олафъ. Да, я Олафъ, родной сынъ Тригваса.

Бергторъ. Молодецъ! Тотчасъ видно породу: и носъ такой, и кудри... Ты призвалъ насъ на вѣче, Олафъ? Я крестьянскій староста въ Дронгтеймѣ. Мы вчера за тебя сражались, но сегодня только видимъ тебя, потому-что вчера нѣкогда было смотрѣть. Мы съ потеряннѣемъ ждали этого дня и съ радостью изберемъ тебя въ короли. Смотри, Олафъ, вотъ вѣнецъ! Хаконъ заказалъ его для своей головы, а я сковалъ на старомъ желѣзномъ кольцѣ, по мѣркѣ Гальфадана Чернаго. Хакону оказался онъ не впору: загородилъ ему глаза. Теперь посмотримъ, будетъ ли впору тебѣ.

Олафъ надѣваетъ вѣнецъ.

Бергторъ. Какъ вылиты по твоей головѣ! Ударьте въ щиты, Норвежцы, изберите короля!

(Стукъ оружія. Кличъ народа.)

Слава Олафу Тригвасону! Мы избираемъ тебя и присягаемъ на вѣрность! Клянемся Однимъ, Торомъ, Фрейемъ и всѣми богами Валгаллы!

Олафъ. Одного Бога довольно, храбрые Норвежцы.

Клянись единымъ, истиннымъ Богомъ, Царемъ небеснымъ, вездѣшущимъ и всевѣдущимъ.

Народъ. Олафовымъ Богомъ клянемся! Олафовымъ Богомъ клянемся!

(Стукъ оружія и радостные клики).

ВЫХОДЪ ВТОРОЙ.

Тъ же и ГРИФЪ.

Грифъ. Радуйся, государь! царственное солнце твое совѣтъ пробило мрачную тучу: она уже не гремитъ и не мечетъ молній. Вотъ несуть на щитахъ тѣло ярла Хакона. Онъ убитъ собственнымъ рабомъ, въ подвалѣ, гдѣ Тора, прелюбля его любовница, скрывала его.

Олафъ. Точно ли это Хаконъ?

Грифъ. Да, это онъ самъ. Это ужъ не одинъ плащъ его: онъ самъ лежитъ, блѣдный и неподвижный, на щитахъ, и темная кровь тихо струится изъ раны.

Олафъ. Миръ его бѣдной душѣ! Отдайте вѣрной жевѣ любимый прахъ; а раба, который предательски убилъ его, повѣсить.

Грифъ. Будетъ исполнено. (Уходитъ).

Олафъ. Теперь въ Дронгтеймъ! Кто со мной?

Берторъ. Вся Норвегія, государь!

Олафъ. Прекрасно! Я всѣхъ васъ приглашаю въ гости. Мы весело осушимъ завѣтные роги, въ привѣтъ и за общее здравіе и благоденствіе. Пойдемте.

Уходить.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Подвалъ.

ОДИНЪ ВЫХОДЪ.

Лампа еще горитъ. СЛУГИ приносятъ черный гробъ, ставятъ его по серединѣ и уходятъ. ТОРА входитъ медленно, съ обнаженнымъ мечомъ и соновымъ вѣнкомъ, останавливается у гроба и нѣсколько времени смотритъ на него молча.

Тора. Такъ ты, ярлъ Хаконъ, легъ въ гробъ, приготовленный для Торы? Кто бы это могъ подумать? Покойся въ мирѣ, бѣдный прахъ! Ты заблуждался и зато наказанъ. Теперь да никто не скажетъ дурнаго слова по тебѣ, никто да не опозоритъ лежащаго въ гробу! Я любила тебя въ жизни, люблю и въ смерти. Недавно еще ты сіялъ словно солнце. Теперь толпа уже забыла тебя и уже поклоняется другому свѣтилу. Только одно слабое женское сердце горюетъ по тебѣ

въ уединеніи. Пусть же эта женщина отдастъ тебѣ почесть, о которой забыли пирующіе витязи. Прійми изъ рукъ Торы этотъ вѣнокъ изъ вѣтвей гордой сѣверной сосны; пусть онъ обовѣется около твоего побѣдоноснаго меча; пусть означаетъ, что ты былъ храбрый норманскій витязь. Ты погибъ подобно дереву, побитому морозомъ. Великая сила и мощный духъ погублены безславно дикимъ и невѣжественнымъ временемъ. Спи же спокойно, великій ярлъ Хаконъ! Да возрадуется душа твоя въ палатахъ Одина! Теперь я пойду, и оставлю тебя одного. Когда же эта дверь снова отперется, тогда слуги Торы принесутъ еще тѣло и поставятъ подлѣ тѣла ся милаго.

Науки и Художества.

ЭКСПЕДИЦІЯ

ПОДПОРУЧИКА ПАХТУСОВА

ДЛЯ ОПИСИ ВОСТОЧНАГО БЕРЕГА

НОВОЙ-ЗЕМЛИ,

въ 1832 и 1833 годахъ.

(Окончаніе).

Осьмага апрѣля, 1833, Пахтусовъ съ четырьмя рабочими, запасшись теплыми платьями* и провизіею на недѣлю,

* Теплую одежду, употребляемую Самоѣдами и Русскими крестьянами Мезенскаго уѣзда, составляютъ: *малица, савикъ, пимы, люты и пѣжиковая шапка*; все это изъ оленьихъ шкуръ. Малица шьется изъ шкуръ молодыхъ оленей, которыхъ, спустя 3 или 4 мѣсяца послѣ рожденія, въ половинѣ августа, нарочно для того убиваютъ; она шьется какъ женское платье или рубаха, и надвѣвается черезъ голову шерстью къ тѣлу; для прикрасы, по подолу обшиваются ее пандой, т. е. оборкою, черными и бѣлыми полосами вдоль, изъ той же шкуры, шерстью внизъ. Во время вѣтра, холодной или ненастной погоды, на малицу надвѣвается савикъ, сшитый изъ шкуръ большихъ оленей, такого же покроя, какъ малица, только шерстью вверхъ; онъ имѣетъ куколь или капюшонъ, для прикрытія головы. Пимы — не что иное какъ длинныя теплыя сапоги, сшитыя изъ шкуръ оленьихъ ногъ, которыя сшиваются какъ ремни, вдоль голе-

отправился по льду на опись Никольскаго Шара и соседнихъ острововъ, которые дотоѣ были извѣстны только по именамъ. Пятнадцатаго онъ предпринялъ еще дальнѣйшій походъ, такъ же по льду, вдоль берега на западъ. Кондукторъ Крапивинъ оба раза оставался на зимовьѣ съ четырьмя остальными рабочими, которые не могли никуда идти по болѣзни. Въ эту экспедицію Пахтусовъ и его сподвижники перенесли много отъ голоду, стужи, ужасныхъ вьюгъ и мятелей такихъ, что люди не могли устоять на ногахъ, валились на землю и ихъ заносило снѣгомъ.

Ночи они проводили въ ямахъ, вырытыхъ въ снѣгу, а часто и демъ, принужденные прекратить работы, укрывались между камнями и подъ навѣсами скалъ, съ которыхъ ихъ обливало водой и промачивало до костей, такъ, что они наконецъ покидали и эти убѣжища и подвергались всей жестокости вѣтра подлѣ открытымъ небомъ, чтобы не замерзнуть въ неподвижности. Второго мая Пахтусовъ велъ опись по проливу Пѣтуховскому и, не успѣвъ пройти двухъ верстъ, долженъ былъ укрыться отъ мятеля на небольшомъ мысу. Но послушаемъ его самого.

«Вскорѣ по прибытіи нашемъ на этотъ мысъ, вѣтеръ превратился въ самый крѣпкій, такъ-что мы не имѣли возможности стоять на ногахъ, и должны были лечь головою на вѣтеръ, потому-что лежа бокомъ къ вѣтру, насъ совершенно бы занесло снѣгомъ. О пищѣ и питъи мы и не думали. Савики наши набились снѣгомъ, и мы боялись, что снѣгъ въ нихъ растаетъ и промоченное платье промерзнетъ; однако же ночью, къ счастью нашему, было очень тепло. Пимы и люты также про-

пища. Шкура оленьихъ ногъ собственно называется комасомъ; подошвы пимовъ шиваются изъ мелкихъ лоскутовъ, составляющихъ щетки у оленьихъ копытъ. Люты или чулки шьются изъ шкуръ оленьихъ телятъ, и надвѣваются на босую ногу, шерстью къ тѣлу, а поверхъ ихъ надвѣваются пимы. Пижичья шапка шьется изъ шкуръ маленькихъ телятъ, умирающихъ отъ ненастныхъ погодъ или другой причины, ранѣе мѣсяца. Для шитья этой одежды употребляютъ нитки изъ оленьихъ же жилъ или верхней перепонки кишекъ. Одѣвшись такимъ образомъ, Самоѣды и Русскіе проводятъ ночи въ снѣгу, не чувствуя стужи; если это платье не выношено и не пропотѣло, то морозъ даже въ 40° не пройметъ его. Савикъ и пимы предохраняютъ малицу и люты отъ мокроты, и сами остаются сухи, отъ того, что шерсть на нихъ очень густа. Теплая же погода, и особенно дождь, вредны для этого платья; будучи промочено одинъ разъ, хотя и просохнетъ хорошо, оно въ другой разъ уже гораздо скорѣе принимаетъ въ себя сырость.

мокли отъ снѣга, и сухая одежда была на насъ только около груди, потому-что съ головы ее защищала воротъ малицы и шапка савика, а снизу кушакъ.

«На другой день вѣтеръ продолжалъ дуть съ тою же силою и перешелъ къ В. а около полудня къ СВ. Это усугубило наше опасеніе, что при такомъ вѣтрѣ непременно наступитъ морозъ, и мы неминуемо погибнемъ. По пути Вышняго неисповѣдимы! Вечеру, хотя мы и чувствовали увеличившуюся стужу, но могли еще перенести ее. Холодъ, избавляя платье отъ мокроты, облегчалъ еще наше страданіе; воздухъ сдѣлался суше и снѣгъ не мочилъ насъ болѣе, а между-тѣмъ пимы и савики нѣсколько просыхали. Мы чувствовали голодъ, но одни сухари, безъ воды, возбуждали жажду, которую утолить мы не могли, не имѣя возможности достать огня и растаять снѣгъ. Мы имѣли нужду въ ходибѣ, потому-что всѣ члены, отъ сырости и холода, цѣпенѣли, но при малѣйшемъ движеніи, подлѣ малицу и савикъ набивалось тотчасъ много снѣгу, который, вскорѣ превращаясь въ воду, снова мочилъ насъ до пояса, и не пройдя пяти сажень, мы опять падали. Вечеру вѣтеръ перешелъ къ С. и дулъ съ неимовѣрною силою.

«И на третій день вѣтеръ дулъ отъ С. самый крѣпкій, съ жестокими порывами, при температурѣ — 5 и 6° съ мятелью. Мы потеряли всю надежду на спасеніе; положеніе наше сдѣлалось еще бѣдственнѣе отъ невозможности утолить томительную жажду. Тщетно мы держали по свинцовой трубѣ во рту; сначала, казалось, жажда нѣсколько утихала, но чрезъ нѣсколько минутъ возраждалась она еще съ большею силою. Наконецъ мнѣ пришла мысль, что снѣгъ можно растаять въ кружкѣ, за пазухою, и не болѣе какъ черезъ полчаса времени, досталъ я такимъ образомъ чарки полторы воды, которая въ то время была для меня столь драгоценна, что, казалось, не отдалъ бы ее ни за какіе миллионы. Находившіеся при мнѣ люди немедленно послѣдовали моему примѣру, и весьма были рады, хотя на нѣкоторое время утолить жажду. Въ этотъ день я часто смотрѣлъ на часы, и мнѣ казалось, что они шли очень медленно. Наконецъ, въ 5 часовъ вечера, вѣтеръ измѣнился отъ ССЗ., и мы могли, хотя съ трудомъ, нѣсколько пройти по мысу, и привести въ чувство оцѣпенѣвшіе наши члены. Вскорѣ снѣгъ пересталъ; только по низу была еще мятель. Намъ блеснула лучъ надежды. Въ десятомъ часу мы пошли

къ лежашей отъ насъ въ $1\frac{1}{2}$ верстѣ къ В. кошкѣ, на которой замѣтили небольшой кусокъ дерева. Съ большимъ трудомъ дошли мы до того мѣста, и разведя огонь, согрѣли чайникъ воды и сварили въ ней оставшіеся у насъ ржаные сухари, чтобы тѣмъ хоть нѣсколько подкрѣпить изнеможенные силы. Приготовленная такимъ образомъ похлебка утолила нашу жажду и голодь. Сномъ мы не смѣли подкрѣпить себя, потому-что не имѣли при себѣ ни крошки провизии, а вѣтеръ постепенно уменьшался въ силѣ и давалъ намъ надежду на скорое достиженіе зимовья. И такъ, въ исходѣ 12 часа, при посредственномъ вѣтрѣ, отправились мы ближайшимъ путемъ къ избѣ, находящейся при западномъ устьѣ Никольскаго Шара. Сюда прибыли, въ совершенномъ изнеможеніи, на другой день въ 5 часовъ утра, пройдя всего около 20 верстѣ въ 6 часовъ.

«Около Пѣтуховскаго Шара намъ надлежало бы заняться описью еще въ теченіе сутокъ или болѣе, чтобы описать южный берегъ большаго Оленьяго острова, и островъ, прилегающіе къ этой части берега, и въ заливѣ Рейнеке; но, будучи изнурены и не имѣя провизии, мы не могли продолжать работы, и должны были оставить ее до другаго времени.

«По прибытіи нашѣмъ къ оставленной бывшими здѣсь промышленниками ветхой, заваленной снѣгомъ избѣ, въ Никольскомъ Шарѣ, мы подкрѣпили себя пищею, изъ сохраненной здѣсь части провизии, и спокойнымъ сномъ, котораго въ продолженіе бури были совершенно лишены.

«Въ десятомъ часу утра отправились мы ближайшимъ путемъ къ нашему зимовью, но какъ путь этотъ во время бури былъ совершенно испорченъ образовавшимися большими сугробами, а савики наши, отъ сырости и снѣгу, сдѣлались чрезвычайно тяжелы, то мы достигли до мѣста не ранѣе какъ въ 5 часовъ вечера, пройдя около 20 верстѣ въ 7 часовъ. Лишь только спустились мы въ губу Каменку, какъ увидѣвшіе насъ съ горы, кондукторъ Крапивинъ и одинъ изъ рабочихъ людей, бросились къ намъ на встрѣчу. Крапивинъ говорилъ, что весь этотъ день по-важнѣе ожидали они насъ на горѣ, и что если бы мы не возвратились сегодня, то они почли бы насъ погибшими, потому-что во время бури замѣтили, что такой мятели не было во все продолженіе зимы. Отъ порывовъ вѣтра изба приходила въ сотрясеніе, и каждый день, раза по четыре, вырывается былъ снѣгъ изъ сѣ-

ней; избу же занесло такъ, что крыши ея вовсе не было видно.

«Послѣ первыхъ радостныхъ привѣтствій, я узналъ отъ Крапивина, что отставной матросъ Василій Федотовъ, 3-го числа ввечеру умеръ, и похороненъ въ забобѣ снѣга. Въ другое время этотъ случай произвелъ бы на меня гораздо сильнѣйшее впечатлѣніе, но теперь я принялъ это почти равнодушно.

«Можно себѣ представить въ какомъ затруднительномъ положеніи находился Крапивинъ, полагая, что мы все пятеро пропали безъ вѣсти, и видя одного изъ рабочихъ умершимъ, а другаго, Никифора Подгорскаго, въ крайнемъ изнеможеніи отъ цынготной болѣзни, и также готоваго последовать за своимъ товарищемъ, Федотовымъ.

«Послѣ претерпѣнныхъ нами бѣдствій, мы успокоились въ нашей укронной хижинѣ; но на другой день чувствовали во всемъ тѣлѣ сильную боль, переходившую изъ одного мѣста въ другое. Я страдалъ болью въ животѣ и въ бокахъ, такъ-что едва могъ лежать. У насъ обнаружился все признаки сильной простудной лихорадки, которая хотя и усиливалась со дня на день, но намъ нельзя было принять противъ нея надлежащихъ мѣръ и оставить занятія наши внѣ избы, потому-что тяжелый и спершійся въ ней воздухъ не только не позволялъ намъ надѣяться на скорое облегченіе, но, напротивъ, угрожалъ усиленіемъ болѣзни и присоединеніемъ еще другой, отъ которой умеръ Федотовъ. Мы должны были, хотя съ великимъ трудомъ, упражняться работами на чистомъ воздухѣ, не забывая притомъ употреблять мѣры къ пресѣченію нашей болѣзни. Двое изъ насъ, по прошествіи недѣли, выздоровѣли совершенно, а я съ двумя людьми все еще оставался въ опасномъ положеніи, отъ изнеможенія силъ. До сихъ поръ пища наша, по большой части, состояла изъ солошины; но какъ ее теперь желудокъ нашъ не могъ переварить, то мы и должны были замѣнить ее жидкою гречневою кашею, а для питья варили себѣ декоктъ изъ грудныхъ травъ, съ овсяною или ячменною крупною. Вода же, которую мы употребляли въ пищу и питье, съ самаго дна озера, приняла отвратительный запахъ, подобный испорченной корабельной водѣ, и я приказалъ употреблять воду изъ снѣга.»

Черезъ нѣсколько дней умеръ и другой больной.

Пятнадцатаго мая, ходившіе за дровами въ первый разъ увидѣли четырехъ гусей. Это обрадовало ихъ

какъ вѣсть о приближеніи полярнаго лѣта. Въ полдень термометръ въ тѣни показывалъ тепла 3°. Поправившись отъ болѣзни послѣ путешествія на Пѣтуховской Шарѣ, Пахтусовъ, 29 мая, съ утра опять пустился на опись пѣшкомъ, и опять принужденъ былъ бороться съ непогодами и весеннею распутицей. Тутъ на нихъ напала новая болѣзнь — опухоль въ лицѣ и сильное воспаленіе глазъ, такъ-что нѣкоторые должны были возвратиться съ завязанными глазами. Въ началѣ іюня, когда появилось больше гусей и другихъ птицъ, которыхъ охотники могли настрѣлять, свѣжая пища скоро поправила здоровье команды.

Тринадцатаго іюня настала, наконецъ, первый ясный день при $4\frac{1}{2}^{\circ}$ тепла. Дувшими съ 19 числа южными вѣтрами ледъ въ морѣ отодвинуло за предѣлы видимаго горизонта; и даже съ горъ, возвышающихся отъ поверхности моря до 75 футовъ, видны были только небольшіе плавающіе куски. Но побережье и губы по восточную оконечность острововъ Логиновыхъ и до мыса Меньшикова были еще покрыты неподвижными зимнимъ льдомъ, котораго толщина на губѣ Каменкѣ, за островами, была въ 14 футовъ.

Двадцать-четвертаго іюня Карскія Ворота были открыты и часть восточнаго берега освободилась отъ льда, но судно было еще замерзши, и потому Пахтусовъ предпринялъ обзоръ этого берега на лодкѣ, объѣхавъ восточную оконечность Новой-Земли, которую назвалъ Мысомъ Меньшикова. Іюля 4, при устьѣ небольшой рѣки, Савиной, они нашли повалившійся крестъ, на которомъ разобрали надпись, — годъ 17250 (т. е. 1742) и полустертое имя Саввы Осоанова. По соображеніямъ Пахтусова, этотъ крестъ долженъ быть поставленъ Саввою Осоановымъ Лошкинымъ, о которомъ преданіе говоритъ, что онъ первый объѣхалъ весь восточный берегъ Новой-Земли. Прежде это плаваніе Лошкина относили къ 1760 году. Открытіе же представляетъ первый креста достовѣрный документъ объ этомъ достопримѣчательномъ плаваніи.

Іюля 7, лодка опять воротилась къ Избиному мысу, а 11 вся экспедиція наконецъ отправилась въ путь на большомъ суднѣ, проведя на зимовьѣ 299 дней. На островѣ Стадольскомъ, у мыса Меньшикова, опять нашли слѣды пребыванія людей, — хижину и въ ней груды человѣческихъ костей. Одинъ изъ людей Пахтусова припомнилъ, что въ 1822, какой-то Самоѣдъ, по имени Мавей, съ женою и дѣтми отправился на Новую-

Землю и не воротился. Изъ костей путешественникамъ удалось сложить три скелета, одинъ женскій и два дѣтскихъ. Мужа не нашли. Онъ, вѣроятно, погибъ на охотѣ, а жена и дѣти между-тѣмъ умерли съ голоду.

Іюля 19 опять достигли рѣки Савиной; 20 — мыса Гесенскаго; 21 — залива Литке, гдѣ видѣли стадо бѣлыхъ дельфиновъ (*Delphinus Leucas*) и мысановъ. Въ заливѣ Литке Пахтусовъ былъ задержанъ осьмнадцать дней. Августа 12 онъ отправился далѣе и встрѣтилъ нѣсколько пловучихъ ледяныхъ глыбъ, которыя останавливались на мели на одиннадцати саженьяхъ глубины. Тридцатаго и тридцать-перваго они опять пользовались ясною погодою и эти два дня заключили полярное лѣто, которое продолжалось 48 дней. Во все это время «термометръ Реомюра въ тѣни возвышался до $+6^{\circ}$, и даже $6\frac{3}{4}^{\circ}$. «Это самая высокая температура воздуха въ продолженіе лучшаго лѣтняго мѣсяца, говорить Пахтусовъ: обыкновенно же бывало до $+2^{\circ}$, а къ полудни перѣдко опускалась ртуть на точку замерзанія. Наши наблюденія подтверждаютъ слова Г. Розмыслова, зимовавшаго въ Маточкиномъ Шарѣ, на восточномъ берегу Новой-Земли. Онъ замѣчаетъ, что лѣто здѣсь продолжается только до августа мѣсяца. Но я прибавлю, что, не взирая на раннее тепло, лѣто начитается въ Іюль, потому-что только въ этомъ мѣсяцѣ показались у нашего зимовья трава и первые цвѣты, а въ половинѣ іюня, у мыса Меньшикова, видны были на льду полыньи; и потому для плаванія у Новой-Земли удобнѣйшимъ временемъ полагаю съ половины іюня до исхода августа. По исходѣ августа въ прошломъ году для плаванія былъ уже не удобенъ: ненастные погоды составляли главное затрудненіе какъ для описи береговъ, такъ и для плаванія между льдами. Въ іюль же и іюль, хотя и часто случаются туманы, но они бывають непродолжительны, и обыкновенно постоянно господствуютъ отъ восхожденія солнца до 6 или 8 часовъ утра; когда же солнце исчезаетъ, и является опять уже къ вечеру. Также перѣдко замѣчено, что передъ вѣтромъ съ морской стороны, съ востока, бываетъ почти всегда туманъ, а потомъ уже начинается и вѣтеръ, съ болѣею или меньшею силою; когда же вѣтеръ установится, воздухъ дѣлается холоднѣе. Впрочемъ, почти всегда, пере-

мѣнѣ вѣтра предшествуетъ туманъ, и если воздухъ теплый, то надобно ожидать вѣтра съ берега.

«Августа 1, непостоянный вѣтеръ отъ СВ. удерживалъ льды въ устьѣ залива, а слѣдовательно и насть въ-заперти. Въ этотъ день, ровно годъ назадъ, я простился со своими родными друзьями въ Архангельскѣ, и это воспоминаніе усиливало неприятность нашего положенія: быть запертымъ льдами въ небольшой губѣ, находиться въ бездѣйствіи, и, признаюсь, въ страхѣ азимовать на мѣстѣ — не утѣшительно. Зная, однако, что отчаяніе первый поводъ къ неудачамъ и всегда ведетъ за собою самыя бѣдственныя послѣдствія, я старался скрывать мои опасенія отъ товарищей и даже самого себя.

«Около полуночи задулъ тихій вѣтеръ отъ З., и мы уже ждали, что онъ засвѣжѣетъ и отодвинетъ льды отъ берега. Живя здѣсь одиннадцатый день въ бездѣйствіи, кромѣ мелочныхъ занятій небольшою описи, промѣра и наблюденій надъ приливомъ, мы не могли приискать себѣ никакого дѣла или даже развлечения; самыя горы, насть окружающія, намъ наконецъ наскучили. Въ первые дни нашего пребыванія здѣсь, мы уже обѣгали ихъ. Единственнымъ занятіемъ служителей была охота за лениными (облинявшими) гусями, турпанами и пернами.»

Осьмаго августа они снялись съ якоря и, пробираясь между подвигавшимися льдами, 13 числа, достигли Маточкина Шара, гдѣ Пахтусову, по инструкціи, положено было сойтись съ лейтенантомъ Кротовымъ, который отправился обозрѣвать устье Енисея и по возвращеніи отсюда долженъ былъ продолжать плаваніе съ товарищемъ. Пахтусовъ съ Крапивиннымъ вышелъ на берегъ для наблюденій, а двухъ служителей послалъ къ избѣ на Дровяной Носѣ, чтобы они осмотрѣли, не зимовалъ ли около этого мѣста лейтенантъ Кротовъ и не оставилъ ли здѣсь, по условію, извѣстіе о своемъ плаваніи и дальнѣйшихъ предпріятіяхъ. Посланные возвратились не найдя ни малѣйшихъ признаков недавняго пребыванія тамъ людей. «И такъ, говоритъ Пахтусовъ, намъ первымъ послѣ Лошкина, удалось обойти южный островъ Новой-Земли. Это радовало насть. Но съ того дня не переставала преслѣдовать меня грустная дума объ участи моихъ енисейскихъ товарищей: я не могъ понять, почему они не исполнили условія.»

Впослѣдствіи эта загадка разрѣшилась.

Ладья, которая подъ управленіемъ крестьянина Ивана Гвоздарева старшаго, была отправлена въ началѣ Іюля 1832 года изъ Архангельска къ Новой-Землѣ, для промысла моржей и построения избы въ Маточкиномъ Шарѣ, на случай зимовки тамъ Кротова или Пахтусова, прибыла въ Костинъ Шаръ въ половинѣ іюля. Тутъ, до наступленія августа, Гвоздаревъ промыслилъ 60 моржей; и когда льды отъ берега отнесло, а вмѣстѣ съ тѣмъ и моржей, ладья отправилась далѣе къ сѣверу. Въ началѣ августа, на параллели становища Кармакуль (въ заливѣ Моллера), встрѣтила она сильный противный вѣтеръ, отъ котораго потеряла гротъ-мачту, и принуждена была спуститься въ становище Кармакулы. Сдѣлавъ временную мачту, Гвоздаревъ думалъ продолжать путь въ Маточкинъ Шаръ; но свѣжіе вѣтры и ненадежное вооруженіе ладьи, заставили его отказаться отъ этого намѣренія; онъ рѣшился, поставилъ избу въ становищѣ Кармакулы, возвратиться въ Архангельскъ, куда и прибылъ 28 августа, совершивъ путь отъ Кармакуль въ 9 дней. Гвоздаревъ встрѣтилъ на Новой-Землѣ нѣсколько людей, своихъ земляковъ, поморцевъ, но шхуны Г. Кротова не видалъ.

Г. Кротовъ, какъ видно изъ дневника Г. Пахтусова, 7 августа направилъ путь отъ Канина Носа къ Маточкину Шару; съ того времени не имѣемъ мы объ немъ извѣстія. Ни Гвоздаревъ въ 1832 году, ни Пахтусовъ въ 1833 году, не встрѣтили никакихъ признаковъ прибытія шхуны Енисей къ Новой-Землѣ. Наконецъ въ 1834 году, кормщикъ Гвоздаревъ, бывшій на Новой-Землѣ со своею ладьею, для промысла звѣрей, извѣстилъ Г. Клокова, что около губы Митюшихи, лежащей сѣвернѣе Маточкина Шара, видѣлъ онъ нѣсколько обломковъ разбитаго судна, но, за свѣжимъ вѣтромъ, не могъ онъ осмотрѣть этихъ признаковъ подробнѣе. По возвращеніи Г. Пахтусова изъ второй экспедиціи его къ Новой-Землѣ, въ 1835 году, достоверно узнали, что эти обломки, разбросанные по всему берегу губы Серебрянки и далѣе къ сѣверу, были дѣйствительно остатки шхуны Енисей: Пахтусовъ узналъ ихъ по краскѣ каютныхъ переборокъ, бимсамъ и скрѣпленію форъ-штена. Вмѣсто руля нашли потесь; вѣроятно Кротовъ, еще прежде совершенной гибели, потерялъ руль и сдѣлалъ это большое весло, для управленія шхуною.

Простоявъ три дня, Пахтусовъ снялся съ якоря и,

оставя берегъ сѣвернѣе Маточкина Шара, направилъ путь къ западу, черезъ проливъ.

«Сколько я ни желалъ продолжать опись къ сѣверу, говорить онъ, однако не вдругъ рѣшилъ трудный вопросъ: возвратиться ли мнѣ въ Архангельскъ, или приступить къ дальнѣйшей описи? Отъ моихъ подчиненныхъ, по обыкновенію прежнихъ мореходцевъ, я не требовалъ совѣтовъ ни прежде, ни въ этомъ случаѣ; мнѣ было и жаль, и совѣстно, оставить берега, никакъ не неосмотрѣнные, и еще въ такое время, когда они начинаютъ очищаться отъ льда. Мнѣ, конечно, могутъ поставить это въ вину, но, съ своей стороны, въ оправданіе я имѣю не менѣе важныя причины. Итти далѣе къ сѣверу, значило рѣшиться на вторую зимовку; а мы не имѣли ни провизіи, ни физическихъ силъ, необходимыхъ для такого предпріятія, хотя духомъ и были бодрѣе. Статься-можетъ, что мнѣ удалось бы пройти къ сѣверу миль 20 или болѣе, для обзора хотя части сѣвернаго острова Новой-Земли, но какъ удалось бы оттуда воротиться, или устроить зимовье? вотъ вопросъ. И эта зима, по всѣмъ вѣроятностямъ, была бы послѣднею, если не для всѣхъ насть, то для болѣе части моихъ товарищей. Какая же была бы тогда польза отъ нашей экспедиціи? Безвѣстность ея дѣйствій, если не навсегда, то надолго, до новаго предпріятія. Иттъ, лучше пусть обвиняютъ меня въ робости, но для исполненія своихъ, хотя и полезныхъ намѣреній, я не хотѣлъ быть виновникомъ гибели моихъ спутниковъ. Упрекъ въ ихъ бѣдствіи лежалъ бы въ такомъ случаѣ на одномъ мнѣ, и тяжесть его не могло бы снять даже удовлетвореніе честолюбія, если бы я пережилъ моихъ товарищей. Я рѣшился на обратный путь. Правъ ли я или иттъ, пусть рѣшатъ другіе. Что же касается до меня, я утѣшаюсь мыслию, что рѣшеніе мое было основано на чувствѣ своего долга. Отказавшись на этотъ разъ отъ дальнѣйшихъ покушеній къ сѣверу, я не переставалъ надѣяться, что если мнѣ уже не суждено быть на сѣверной части восточнаго берега, то будущіе послѣдователи мои въ описи Новой-Земли, конечно, достигнутъ неосмотрѣнныхъ мною мѣстъ. Опасности, которыя мы встрѣчали, и перенесенные нами труды нельзя еще назвать непреодолимыми; только хвастливое краснорѣчіе, желая сильнѣе дѣйствовать на простодушныхъ слушателей, облекаетъ покровомъ ужаса самыя ничтожныя затрудненія. Съ терпѣніемъ, дѣятельностію, съ возможными предосторож-

ностями для сохраненія здоровья людей, съ мыслию о славіи Россіи и съ помощію Божіею, можно—рѣшительно скажу — изслѣдовать и остальную часть восточнаго берега Новой-Земли.»

Августа 25 путешественники достигли западнаго устья Маточкина Шара и стали на якорь у острова Колгуева. Поднявшаяся здѣсь буря заставила ихъ искать спасенія въ устьѣ Печоры, которой достигли 28. Буря однакожь все продолжалась и, 3 сентября, судно «Новая-Земля» въ Болванской Губѣ потерпѣло крушеніе.

«Въ пяти миляхъ отъ Болванскаго Носа, пройду тоною Селезневскую, стали на мель. Вѣтеръ усиливался постепенно и развелъ большое волненіе. Судно стало бить килемъ о твердое песчаное дно съ ужасною силою. Мы всѣ собрались въ носовую служительскую каюту, чтобы облегчить сколько-нибудь корму и уменьшить сильныя удары. Вѣтеръ продолжалъ крѣпчать, вода прибывала и волненіе усиливалось; удары кормы были такъ жестоки, что столовый хронометръ, весьма надежно-уложенный, выпалъ изъ ящика, а изъ трубки барометра вылилась ртуть. Судно начало уже трещать; страшныя волны били съ носу и надвигали судно ближе и ближе къ отмелому каменистому берегу Болванскаго Носа. Пробывъ въ этомъ положеніи до 3 часовъ по полудни, мы лишились надежды на помощь съ берега: мы видѣли, что на Крестовой тонѣ сорвало лодки съ якорей и выкинуло ихъ на берегъ. Гибель судна была уже очевидна. Къ счастью нашему, якоря нѣсколько задержали ботъ, и прибылою водою его подняло. Видя невозможность поднять якорь, и не желая терять времени, я приказалъ немедленно выпустить весь канатъ, и пошелъ по мели къ тонѣ Крестовой. Не надѣясь подойти тутъ близко къ берегу, принуждены мы были продолжать плаваніе въ губу Болванскую, высматривая ближайшій путь къ низменному берегу. У насть прежде еще залило находившуюся съ 1 сентября на бакштовѣ большую лодку, а теперь ее оторвало; малая лодка, еще до этой бури была опять поднята на судно, но въ волненіи нельзя было спустить ее на воду.

«Въ исходѣ четвертаго часа, проходя тоною Носовую, увидѣли за небольшимъ низменнымъ мысомъ болѣе покойное волненіе. Я рѣшился, обойдя этотъ мысъ, итти прямо въ берегъ, чтобы спасти по-крайней-мѣрѣ людей. Сильнымъ продолжительнымъ вѣтромъ пагнало такъ много воды, что судно подошло носомъ къ само-

му берегу. Первый выскочилъ на берегъ кондукторъ Крапивинъ, потомъ соскочили еще двое, и кос-какъ удержали судно брошенными на берегъ якорями. Въ ту же минуту ботъ поставило бортомъ къ волненію. Я старался какъ можно скорѣе спасти инструменты, журналъ и карты, потому что, въ этомъ положеніи, судно могло быть мгновенно залито. Крапивинъ пошелъ къ замѣченной нами рыбачей избѣ, и прислалъ намъ на помощь трехъ промышленниковъ. Тутъ, по прошествіи 13 мѣсяцовъ, т. е. со дня разлуки нашей съ лейтенантомъ Кротовымъ, въ первый разъ увидѣли мы людей, принадлежавшихъ къ нашей экспедиціи.

«Между-тѣмъ судно заливало, и наконецъ не было уже никакой возможности сгружать наши сундуки и провизію, которая вся подмокла. Проработавъ около судна болѣе часа, и бродя по поясъ въ холодной осенней водѣ, мы крайне перезябли и отправились въ избу. Обсушившихся крестьянъ послалъ я опять къ судну, и велѣлъ имъ переносить складенныя по покатоности горы вещи на самую высокость берега. Придя на мѣсто, они увидѣли, что многихъ вещей уже нѣтъ, а другія плаваютъ за бурунами. Хотя послѣ отбытія нашего отъ судна прошло не болѣе часа, но вода уже покрыла всю низменность, по которой, за часъ предъ тѣмъ, мы ходили. Ударами валовъ въ крутой глинистый берегъ, оторвало отъ него огромную глыбу и разсыпало ее. Оставя для присмотра за судномъ Крапивина съ тремя рабочими, отправился я въ находящіяся по близости два кочевые чума*, чтобы тамъ взять оленей для перевозки спасенныхъ вещей.

«На другой день, въ 7 часовъ утра, при холодной погодѣ, отъ которой вся поверхность земли покрылась льдомъ, пришелъ я въ избу на топъ Носовой. Тутъ было все благополучно, не смотря на то, что буря все еще продолжала свирѣпствовать. Возвышеніе воды, какъ оказалось, было сверхъ обыкновеннаго прилива на 8 футовъ; такой высоты никто здѣсь не запомнитъ. Къ полудню вода примѣтно стала упадать, но тотъ же сѣверовосточный вѣтеръ все еще дулъ съ прежнею силою. Судно наше стояло подъ утесистымъ берегомъ, залитое водою; брызги валовъ, ударявшихъ въ правый бортъ бота, взлетали на берегъ высоты до 5 сажень.

* Чумъ, кочевое жилище Самоѣдовъ, составляется конусомъ изъ нѣсколькихъ шестовъ, которые закрываются въ лѣтнее время берестюю, а зимою оленьими кожами.

«На третій день поутру, мы могли уже осмотрѣть поврежденія нашего бота; онъ наполненъ былъ водою и пескомъ; пробойнѣ не было еще замѣтно. Съ помощью промышленниковъ, вылили мы почти всю воду и выкидали песокъ; потомъ подняли ботъ на вагахъ фута на два, и поставили на стелюги, чтобы по нимъ спустить судно на глубину. Тогда нашли, что въ подводной части была одна небольшая пробойна съ лѣвой стороны, а съ правой повреждены два шпангоута. Столь незначительныя поврежденія доказываютъ крепость постройки бота.

«Въ слѣдующіе два дня поврежденіе было исправлено, но ботъ спущенъ на воду не ранѣе 12 сентября. Погрузивъ въ ботъ всѣ спасенныя вещи, кромѣ подмоленной провизіи, пустились мы въ путь и, съ большими затрудненіями, при противныхъ отъ СЗ вѣтрахъ, успѣли наконецъ обойти Болванскій Носъ, а 17 числа достигли до деревни Куи, лежащей на берегу рѣки Печоры, въ 50 верстахъ отъ Пустозерска къ сѣверовостоку.

«По позднему времени, нельзя было уже и думать о продолженіи пути въ Архангельскъ моремъ, а потому разгрузили мы ботъ, и отдали его подъ присмотръ, одному изъ мезенскихъ мѣщанъ, проживающему въ деревнѣ Куи; онъ далъ пристанище и командѣ нашей, до возобновленія зимняго пути, ранѣе котораго невозможно было ѣхать большой партіи берегомъ, чрезъ тундру, въ Архангельскъ. Но не смотря на затруднительность этого пути въ настоящее осеннее время, рѣшился я ѣхать одинъ, чтобы, замедленіемъ извѣстія о возвращеніи нашемъ, не дать повода думать о нашей гибели. При помощи услужливыхъ старыхъ монхъ знакомцевъ, пустозерскихъ мѣщанъ, чрезъ двѣ недѣли приготовился я къ отъѣзду.

«Перваго октября, славъ команду Крапивину, и предписавъ ему, съ возобновленіемъ зимняго пути, отправиться также въ Архангельскъ, переѣхалъ я чрезъ Печору въ самоѣдскій чумъ, гдѣ взялъ оленей и отправился по тундрѣ далѣе, на слѣдующія самоѣдскія кочевья. Это путешествіе было чрезвычайно-медленно. Иногда по нѣсколькимъ дней принужденъ я былъ жить съ Самоѣдами, пока они прискивали своихъ оленей; часто, пріѣхавъ на мѣсто, гдѣ предполагали найти чумы, не находили ихъ и блуждали по тундрѣ, отыскивая кочующихъ Самоѣдовъ, незанявшихъ еще обычныхъ зимнихъ мѣстъ. Такимъ образомъ, не ранѣе 14

ноября прибылъ я въ Мезень, а 21 числа въ Архангельскъ».

Такъ кончилъ Пахтусовъ свою первую экспедицію, и вотъ ея результаты:

Осенью 1832 года, съ 14 августа по 19 сентября, описалъ онъ южную сторону Новой-Земли, отъ западнаго устья Пѣтуховскаго Шара до губы Каменки по вѣншию сторону Кусовой Земли; опредѣлилъ восточное устье Никольскаго Шара, устье губы Логиновой и Каменки. Все это пространство составило около 30-ти италіанскихъ миль. Описъ, болѣею частью, дѣлана съ бота на переходѣ, но нѣкоторыя мѣста связаны посредствомъ измѣренныхъ по берегу разстояній астрономическими наблюденіями опредѣлены тутъ четыре мѣста: западное устье Пѣтуховскаго Шара, островъ Большой-Олений, островокъ при устьѣ губы Логиновой и мѣсто зимовья.

Весною 1833 года, геодезическія работы производились съ 8 апрѣля по 4 мая, по льду, къ западу отъ зимовья, по сѣверную сторону Кусовой Земли, чрезъ Никольскій Шаръ, которое было опредѣлено астрономически въ 1832 году; тутъ описаны губы: Логинова и Каменка, Никольскій Шаръ и заливы, сѣвернѣе его лежащіе. Однако въ той части берега остались неосмотрѣнными южныя стороны острововъ Оленьихъ Большаго и Малаго, и не опредѣлены протяженія заливовъ Рейнеке и возлѣ него лежащаго. Осталось еще рѣшить, соединяются ли оба эти рукава, образуя островъ изъ мыса, разделяющаго ихъ устья, или каждый изъ нихъ есть отдѣльный заливъ; наконецъ, не приходилъ ли этотъ заливъ въ губу Саханну, которая также осталась неосмотрѣнною. Потомъ, съ 29 мая по 2 іюня, описанъ берегъ по льду, къ сѣверу отъ зимовья, до рѣки Кумжи, лежащей въ 35 верстахъ отъ зимовья.

Съ 24 іюня по 6 іюля производили описъ къ сѣверу, на лодкѣ, и прошли нѣсколько далѣе рѣки Савинной на 110 верстѣ отъ зимовья. Іюля 11 экспедиція оставила губу Каменку, и оставалась на ботѣ около восточнаго берега Новой-Земли. На этомъ пути повторили описъ, сдѣланную на лодкѣ, продолжали опредѣленіе берега далѣе къ сѣверу, и изслѣдовали всѣ заливы и рѣки, сколько позволяли льды и состояніе погоды. Они-то помѣшали осмотрѣть заливы Бранта и Клокова. Августа 13 вошли въ Маточкинъ Шаръ и чрезъ 4 дня пустились въ обратный путь. По восточ-

ному берегу, на разстояніи 200 итал. миль, астрономически опредѣлены: зимовье, заливъ Литке, восточное устье Маточкина Шара и широты нѣсколькихъ рѣкъ и мысовъ. Всѣ долготы выведены по хронометру и связаны съ рѣкою Маточкою, которая опредѣлена капитаномъ Литке въ 1832 году. Наблюденія надъ магнитною стрѣлкою, по неизмѣнно инструментомъ, ограничили опредѣленіемъ склоненія компаса. Приливъ наблюдали при всякой возможности; метеорологическія наблюденія дѣланы тщательно, во все время, каждые два часа. Выводы всѣхъ этихъ наблюденій показаны въ особомъ журналѣ.

Во время путешествія Пахтусовъ потерялъ изъ команды трехъ человекъ: двое умерло въ зимовьѣ, одинъ на возвратномъ пути; остальные восемь человекъ, включая самого Пахтусова и Крапивина, были здоровы, сколько можно ожидать при тѣхъ трудахъ, которые они перенесли.

«Описанный нами берегъ Новой-Земли, говоритъ Пахтусовъ, состоитъ болѣею частью изъ горъ шифера или сланца чернаго и сѣраго цвѣтовъ; основаніе нѣкоторыхъ прибрежныхъ утесовъ около зимовья, кажется, гнейсовое. Высота горъ южнаго берега не превышаетъ 250 футовъ; онѣ лежатъ довольно далеко отъ берега, а прибрежные утесы рѣдко попадаютъ выше 5 или 6 сажень. На покатоствахъ горъ и на низменныхъ ихъ подошвахъ растутъ мохъ (ягель), трава осока и разнаго рода мелкіе цвѣты, болѣе незабудки; есть также мѣстами мелкій березнякъ (сланка), стелющійся по землѣ. Мнѣ не случилось видѣть здѣсь сланки толще одного дюйма. Отъ мыса Меншикова до рѣки Казакова берегъ склоняется къ водѣ низменною покатоствію, состоящею изъ мелкаго насыпнаго аспида (шифера), куски коего, обтираясь отъ буруновъ, принимаютъ видъ эллипсоидныхъ пластинокъ. Далѣе отъ воды, на высотѣ 9 футовъ, покатоствѣ покрыта травою и множествомъ выкиднаго лѣса. Хребетъ отдаленныхъ горъ на этомъ пространствѣ незначительной высоты и ровный, безъ отличительныхъ вершинъ; однако, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, прибрежные утесы на отличительныхъ мысахъ имѣютъ высоту до 10 сажень. Отъ рѣки Казакова прибрежныя горы становятся выше и круче; основаніе ихъ каменное, мѣстами гнейсъ, но болѣе шиферъ; покатоствіи и обрывы горъ, болѣею частью, глинистые; низменныя мѣста покрыты осокою и незабудками. Около мыса Гессенъ горы возвышаются уже до 500 футовъ

онѣ также шиферныя и, мѣстами, имѣютъ глинистыя осыпи. Около залива Литке горы высотой до 800 футовъ и восходятъ нѣсколькими уступами, подобно амфитеатру, что наши промышленники называютъ «базарами»; эти уступы покрыты густою травою. Вершины горъ и разсѣлины удерживаютъ снѣгъ во все лѣто. Далѣе къ сѣверу, горы той же высоты, но болѣе мрачнаго вида. Здѣсь замѣчу также, что на восточномъ берегу находили выкиднаго лѣсу, плавнику или плавничнаго, какъ называютъ промышленники, гораздо болѣе чѣмъ на южномъ и онѣ были тутъ крупнѣе; на восточномъ берегу плавникъ болѣе изъ сосновыхъ и лиственничныхъ деревъ, а на южномъ сосновый слывый, береза, ива и можжевельникъ.

«Архипелагъ острововъ на юговосточной сторонѣ Новой-Земли и заливы южнаго ея берега, представляютъ множество гаваней или становищъ для малыхъ судовъ.

«Изъ травъ, употребляемыхъ въ пищу, находили мы шавель, ложечную траву (кохлеарія), и изредка дикій лукъ и зарю. Въ ложбинахъ и приложныхъ сторонахъ подошвъ горъ встрѣчаются морошка и черника; на днѣ моря, около береговъ, находили множество морской капусты (лапуга), похожей на ремни, и морскаго гороху (тура).

«Минералогическое собраніе наше ограничилось нѣсколькими плитками шифера или сланца, разныхъ цвѣтовъ. На одномъ изъ островковъ, лежащихъ къ СЗ. отъ избы нашего зимовья, нашли мы множество оселковъ или мягкаго шифера, темно-зеленоватаго цвѣта, и нѣсколько камней, похожихъ на сѣрый булыжникъ, или, точнѣе, на дресвяникъ, который свободно разбивали, и находили, что онѣ состоятъ изъ мельчайшихъ разнаго рода ракушекъ, связанныхъ затвердѣвшею глиною. Близъ мыса Быкъ, въ восточномъ устьѣ Маточкина Шара, нашли мы кусокъ известковаго камня, черноватаго цвѣта, и нѣсколько кусковъ глинистаго сланца.

«Изъ птицъ, видѣли мы въ лѣтніе мѣсяцы лебедей и гусей, которые стали прилетать стадами около половины мая, отъ востока чрезъ Вайгачъ, и пролетали далѣе внутрь острова, гдѣ, вѣроятно, знаютъ хорошія мѣста; они улетаютъ къ половинѣ октября, принимая полетъ къ ССЗ. т. е. прямо къ Русскому-Завороту около рѣки Печоры. Гагары обыкновеннаго вида. Изъ рода утокъ: турпаны, гага или гавки (извѣстныя по

превосходному своему пуху), сауки или савкаулы. Изъ рода чаекъ: доводчики или повара, также разбойниками называемые, средней величины, черновато-сѣраго цвѣта, быстрые на лету и смѣлые: они отнимаютъ добычу и у большихъ чаекъ; тулупаны или глупыши, самый большой родъ чаекъ, — ихъ называютъ также клушами; моекка бѣлая, похожая на голубя, съ красными ногами; пирушка, того же вида, только съ черными ногами; шеголиха или нордкапская чайка; чирокъ или кривецъ, мелкій родъ чаекъ, похожій на ласточку, также съ раздвоеннымъ хвостомъ и большими крыльями; ихъ особенно много около южнаго берега Новой-Земли; видѣли также разнаго рода куличковъ. Всѣ эти породы птицъ появлялись весною, когда снѣгъ начиналъ таять, а къ осени всѣ, кромѣ чаекъ, улетали. Намъ не случалось находить яицъ или птенцовъ ихъ. Береговыхъ птицъ, прилетныхъ, не видали. Въ зимніе мѣсяцы показывались бѣлыя совы, которые питаются мышами, песцами и птицами; бѣлыя большія чайки, гагарки или нырки и чистики, похожіе на гагаръ, только меньше ихъ и чернаго цвѣта, питаются рыбкою; пѣтушки или маленькіе кулички, питаются червями, во мху и по прибрежью, въ выкидной турѣ и лопуѣ.

«Изъ рода наѣтковыхъ видѣли мы разныхъ мухъ, мошекъ и комаровъ. Первую муху замѣтили 13 іюня.

«Изъ четвероногихъ животныхъ замѣчены нами на берегу: ошкуй или бѣлый медвѣдь, волкъ, лисица красная, песцы бѣлые и голубые, т. е. дымчатые, олени и полевые мыши, называемыя пеструшками и песцовками.

«Китъ показывался только около западнаго берега Новой-Земли, миляхъ въ 20 отъ берега. Бѣлугъ видѣли множество въ рѣкѣ Савиной, въ заливѣ Литке, и около всего восточнаго берега. Моржей встрѣтили только трехъ, около южнаго края Новой-Земли. Морскихъ зайцевъ и нерпъ показывалось довольно много. Всѣ эти животныя питаются рыбкою и морскою травою.

«Всѣ старанія наши поймать рыбы въ озерахъ и заливахъ, на разстояніи 10 верстъ отъ зимовья, остались напрасными. Быть можетъ, въ заливы, на этотъ только разъ, рыба не приходила; но въ озерахъ точно ея не было, потому-что мы видѣли все дно ихъ, когда они покрылись тонкимъ прозрачнымъ льдомъ. Промышленники говорятъ, что здѣсь водится много рыбы, сайкою называемой, похожей на селдя, и очень жирной; ея питаются всѣ морскіе звѣри. Мы сами имѣли

случай удостовѣриться въ этомъ собственными глазами, но поймать ни одной рыбы этой породы не могли. Извѣстно также, что въ рѣки и озера западнаго берега Новой-Земли входятъ гольцы (родъ форели), рѣчные и морскіе; первые, величиною до 4 дюймовъ, входятъ постоянно въ озера, несообщающіяся съ моремъ; вторые, въ порожистыя рѣки, для выпуска икры; они бываютъ вѣсомъ отъ 10 до 15 фунтовъ. Треска показывается около западнаго берега; омуль иногда попадаетъ въ южныхъ рѣкахъ Новой-Земли. Все это говорю я теперь со словъ промышленниковъ, и хотя я самъ охотникъ до рыбной ловли, но не могъ поймать ни одной рыбки.

«Около южнаго берега и въ Маточкиномъ Шарѣ намъ попадались мелкія морскія животныя, какъ то: морскія звѣзды, четырехрогія и пятирогія, розоваго цвѣта, морскіе ежи или рѣпки, морское сало и множество родовъ ракушекъ.

«Во время пребыванія нашего на Новой-Землѣ, промыслили мы: двухъ бѣлыхъ медвѣдей, 3 оленей, до 40 песцовъ, въ числѣ ихъ одного голубаго, одного морскаго зайца, двухъ нерпъ, 18 гусей, до 20 утокъ, 10 чаекъ, нѣсколько куличковъ, гагарокъ и чистиковъ».

Статья.

ОТЗЫВЪ ЗАГРАНИЧНАГО КРИТИКА О НОВОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ГАЗЕТѢ, ИЗДАВАЕМОЙ ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ. Съ начала нынѣшняго года врачи наши, Г. Гейне, Кребель и Тильманъ основали періодическое изданіе, на нѣмецкомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: *Medizinische Zeitung Russlands* (Медицинская Газета Россіи). Главная цѣль этого изданія знакомить Европу съ успѣхами и состояніемъ медицины въ нашемъ отечествѣ. Недавно въ Прусской Государственной Газетѣ напечатанъ критическій отзывъ, въ которомъ оцѣнено, по достоинству, это полезное, во многихъ отношеніяхъ, предпріятіе. Сообщаемъ этотъ отзывъ въ переводѣ. Вотъ что пишетъ заграничный критикъ, котораго нельзя подозрѣвать въ пристрастіи.

«При нынѣшнемъ ученостомъ направленіи Россіи, когда всѣ отрасли наукъ находятъ въ ней неутомимыхъ воз-

лѣбывателей, — журналистика этого государства приобрѣла такую дѣятельность, что не только каждое министерство, но даже ихъ департаменты, какъ напр. мануфактурный, горный, лѣснаго корпуса и проч. издають свои ежемѣсячныя журналы. Въ началѣ нынѣшняго года образовалось еще новое періодическое изданіе: Петербургскіе доктора Г. Гейне, Кребель и Тильманъ издають медицинскую газету на нѣмецкомъ языкѣ; она выходитъ еженедѣльно и носитъ названіе *Медицинской Газеты Россіи* (*Medizinische Zeitung Russlands*). Цѣль этой газеты состоитъ въ томъ, чтобы доставить всѣмъ нѣмецкимъ врачамъ, занимающимся практикою въ Россіи, возможность взаимно сообщаться о своихъ ученыхъ наблюденіяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ показать иностраннымъ державамъ ходъ и успѣхи медицинскіхъ наукъ въ Россіи. Передъ нами лежатъ листы этой газеты за первую четверть нынѣшняго года, и мы должны сказать, что это юное періодическое изданіе вполне заслуживаетъ тотъ радушный приемъ, который оно нашло въ классѣ врачей, слѣдящихъ за успѣхами ихъ науки. Краткая перечень покажетъ намъ занимательность какъ главныхъ статей, такъ и фельетона этой газеты. — № 1. «Скорбучическое воспаленіе глазъ», д-ра Тильмана. Тутъ мы находимъ очень много новаго, потому-что болѣзнь эта, рѣдко встрѣчающаяся въ Германіи, обнаруживается весьма часто въ большихъ морскихъ госпиталяхъ Россіи. — Нѣсколько словъ о врачахъ и о врачебныхъ средствахъ въ Хивѣ.» Статья Базинера. Сочинитель провелъ три мѣсяца 1842-го года въ Хивѣ и сообщаетъ много любопытнаго объ этомъ, мало извѣстномъ краѣ. — «О гриппѣ, существовавшемъ эпидемически въ сѣверной Сибири подъ 71° 31'» д-ра Миддендорфа. Фельетонъ. — «Петръ Великій какъ врачъ» д-ра Гейне. Эта статья вмѣщаетъ въ себѣ много занимательнаго какъ для врача, такъ и для челоука, несвѣдущаго въ медицину. № 2. Окончаніе статей Тильмана и Базинера, критическій разборъ сочиненія Гимпельштирна — «о скорбучѣ» — статья д-ра Кребеля. Фельетонъ: «Сергіевскіе и Златоустовскіе минеральные источники»; «о новой госпитали въ С. Петербургѣ» и т. д. № 3. «Наблюденія надъ употребленіемъ бараньей травы (*Arnica montana*) особенно въ наружныхъ поврежденіяхъ — лейбъ-хирурга Гаурбвица. — «Всеобщая водяная болѣзнь кожи въ соединеніи съ водяною брюха, болѣзнь, замѣчательная неоднократнымъ изверженіемъ серозной жидкости чрезъ расширенныя поры въ покровы груди и верхняго плеча» ординатора Петро-Павловской больницы д-ра Виткофа. Этотъ чрезвычайно любопытный случай окончился выздоровленіемъ. Критическій разборъ сочиненія д-ра Блянке» *Topographia medica Novi-Archangelcensis* «д-ра Финсера» № 4. «Военно-медицинское искусство въ Россіи» д-ра Максимилиана Гейне. Статья эта заключаетъ въ себѣ чрезвычайно много матеріаловъ и можетъ служить лучшимъ руководствомъ для всякаго, желающаго имѣть основательныя

понятія объ этомъ предметѣ. Фельетонъ: «Городская больница въ Москвѣ» № 5. «Два случая изцѣленія Pseudarthrosis, вознагражденіемъ матеріаловъ, необходимыхъ при образованіи костей, т. е. извести и фосфорной кислоты» д-ра Тильмана. — «Медицинскіе очерки, собранные въ сѣверо-западной Америкѣ» д-ра Фишера. Въ этой статьѣ находимъ извѣстія о томъ, какъ поступаютъ Алеуты при разныхъ ранахъ, жабѣ, воспаленіи легкихъ и т. д. — «Мшеччатая опухоль мозга (Tumor cysticus cerebri) д-ра Кребеля. Фельетонъ: «Медицинская статистика Одессы» д-ра Гейне. — «Медицинская статистика Москвы.» «Борковскіе желѣзные и сѣрные источники въ Витебской губерніи.» «О самоубійствахъ въ Россіи и т. д. № 6. «Описаніе проказы, свирѣпствующей въ Камчаткѣ.» — Статья г-на Иноземцова, городского врача Петро-Павловскаго Порта въ Камчаткѣ, объясняющая многое относительно болѣзни Lepa borealis. Извлеченія изъ путевыхъ писемъ д-ра Коха. «Замѣчательный случай истуканно-преждевременныхъ родовъ» д-ра Йеше въ Минскѣ.» Фельетонъ: «Медицинская журналистика въ Россіи» д-ра Гейне. № 7 «Краткій обзоръ глазныхъ болѣзней у казенныхъ крестьянъ Вятской губерніи, особенно же у Вотковъ и Черемисовъ; — ихъ образъ жизни и нравы, какъ причины, располагающія къ этимъ болѣзнямъ» д-ра Зенгбуша, въ Петербургѣ; — статья, заслуживающая полнаго вниманія врачей. — «О смертныхъ случаяхъ въ Россіи, происшедшихъ отъ неосторожности въ теченіе 1842-го года» д-ра Мейера. Фельетонъ: «Крестьянинъ Иванъ Шемака — врачъ и операторъ; окостенѣніе матки — случай, наблюдаемый докторомъ Шклярскимъ. «Умышленное введеніе булавокъ въ желудокъ дитяти, собственно его кормилицею — сообщено медико-хирургомъ Пржемыцкимъ. «Нѣчто о Кавказскомъ клеверномъ маслѣ» и т. д. № 8. «Ущемленіе правой паховой грыжи» д-ра Кребеля; этотъ случай имѣлъ счастливый исходъ. — «Спинальная невралгія» наблюденіе д-ра Самсонъ-Гиммельштерна въ Брестѣ-Литовскомъ. — «Обзоръ болѣзней въ войскахъ дѣйствующей арміи Россіи въ теченіе 1842-го года» д-ра Гейне. Фельетонъ: Краткій обзоръ дѣйствій въ московской дѣтской больницѣ; — сообщено старшимъ врачомъ этой больницы Кроненбергомъ; Замѣчательные случаи неправильныхъ родовъ въ губерніяхъ Пермской, Подольской и Эстляндской и т. д. № 9. «Краткое замѣчаніе о дѣйствіи желѣзистыхъ и соляныхъ окисловъ въ Pomburg von der Höhe» д-ра Траппа. Эта статья сообщена изъ Германіи, и редакція газеты потому случаю объявляетъ, что хотя она положила принимать матеріалы только отъ врачей, живущихъ въ Россіи, однако же всѣ важныя наблюденія заграничныхъ врачей найдутъ у нея всегда радушный приемъ. — «Нѣчто о медицинской статистикѣ и медицинскій полициіи — профессора Блосфельда въ Казани. «Новый способъ производства операціи Trichiasis и Distichiasis» д-ра Йеше въ Мин-

скѣ — статья, заслуживающая полнаго вниманія врачей. Фельетонъ: Калгинская больница въ С. Петербургѣ и т. д. № 10. «Легкій и вѣрный способъ леченія перемежающейся лихорадки — статья Вермана.» — Вырѣзаніе мяснана пароста (Ergulis) верхней челюсти» профессора д-ра Буальскаго. Въ описаніи этой операціи, произведенной чрезвычайно скоро и съ благополучнымъ успѣхомъ по методу, совершенно противоположной той, которую предлагалъ, бывший въ то время въ Петербургѣ, профессоръ Дифенбахъ, мы находимъ нѣкоторыя замѣчанія, не слишкомъ лестныя для знаменитаго берлинскаго оператора. — «Radix Euphorbiae villosae et palustris какъ средство отъ водобоязни,» д-ра Кребеля. Фельетонъ: желѣзные источники въ Олонекской губерніи, д-ра Гейне и т. д. № 11. «Наблюденія надъ эпидемическою оспою между жителями сѣверо-западныхъ береговъ Америки» д-ра Фишера. — Эта эпидемія наиболее свирѣпствовала между Индѣйскими племенами Калифорніи. Извлеченіе изъ отчета министра внутреннихъ дѣлъ за 1842-ой годъ. «Фельетонъ: изцѣленіе шести-фунтовой саркомы на головѣ 15-ти лѣтнаго крестьянскаго мальчика, — профессора Нарановича въ Харьковѣ» и т. д. № 12. «Объ употребленіи хлористаго цинка (Zincum muraticum) при леченіи сифилитической болѣзни въ кронштадтской морской госпитали» втораго старшаго врача этой госпитали д-ра Ланга. Это средство было употреблено въ 200 случаяхъ съ желаемымъ успѣхомъ. — «О дѣйствіи холодныхъ желѣзистыхъ источниковъ въ С. Петербургѣ» д-ра Кана. — «Перемежающіяся страданія отъ иголки введенной внутрь человеческого тѣла» медико-хирурга Ержесмыцкаго. «Заворотъ кишекъ у десяти-лѣснаго ребенка» д-ра Кребеля. Фельетонъ: горько-соленая вода въ Рѣпномъ озерѣ Харьковской губерніи (около города Славянска) и т. д. — Вотъ перечень статей; ихъ занимательность — лучшая рекомендація газеты, и намъ остается только желать всевозможнаго успѣха этому полезному періодическому изданію.»

ДВУХДНЕВНОЕ ПРЕВЫВАНІЕ АНГЛІЙСКАГО ПОСЛАНИКА, ЛОРДА ВИТМОРЪ, ВЪ ЗНАМЕНИТѢЙШЕМЪ ГОРОДѢ КИТАЙСКОЙ ИМПЕРІИ, САНЬ-ЧУ-ФУ. Если бы люди знали о существованіи очаровательнаго города Сань-чу-фу, тогда всѣ бросили бы свои родныя земли и посѣщали бы переселиться въ этотъ эдемъ Китайской имперіи. Серединное государство не имѣетъ ничего подобнаго Сань-чу-фу, и въ цѣломъ свѣтѣ не найдете ничего болѣе чуднаго и восхитительнаго, какъ Сань-чу-фу. Къ несчастію, ни одинъ Европеецъ не проникалъ туда, кромѣ лорда Макартнея, миссионера Леконта и лорда Амгурста.

Отставные мандарины, колаосы или министры, уволенные на покой, негодяи, разбогатѣвшіе до-нельзя, переселяются на житье въ роскошный Сань-чу-фу. Окрестныя поля Сань-чу-фу ходятъ на чудесный китайскій коверъ; горы какъ-будто вышиты лучшими

швейми императорскаго дворца; на нихъ уступахъ, окаймленныхъ дерномъ, возвышаются пагоды, міаосы, монастыри ламъ, дачи, отбѣенныя рощами пальмъ и алоэ. Гранитные мосты, перекинутые черезъ излучистыя рѣчки, поддерживаютъ, на своихъ аркахъ, фантастическихъ львовъ, которые, съ какою-то человѣческой улыбкою, выказываютъ свои изящно-разчесанныя гривы. Въ предмѣстіи города, видите прелестныя маленькія домики, кучу кіосковъ, соединенныхъ между собою галереями съ золотыми рѣшетками, или бамбуковыми мостиками. Подстриженные китайскимъ садовникомъ деревья умильно смотрятся въ зеркало небольшихъ озеръ и своею тѣнью защищаютъ хозяевъ отъ лучей полуденнаго солнца. Эти пріятныя убѣжища оглашаются лишь пронзительнымъ крикомъ птицы-рыболова, который бьетъ своимъ крыломъ о кристальную поверхность прудовъ и высматриваетъ свою добычу подъ пловучимъ ковромъ нууфара.

Послѣ этого пріятнаго обзора, перейдемъ къ печальной исторіи, случившейся двадцать-втораго сентября 182. года. Въ этотъ день народъ толпами собирался у храма Цинь-да-гуань-минь, истинно великаго и ослепительнаго свѣта. На всѣхъ часахъ знаменитаго Кокса музыка заиграла полдень; плясуны на канатахъ, фигляры и скоморохи цѣлый часъ оглашали воздухъ своимъ рѣзкимъ крикомъ, вторя перевозочу часовъ; во всю мочь гремѣла національная музыка; съ трескомъ взвивались ракеты, пущенныя среди бѣлаго дня; наконецъ, всѣ жители Сань-чу-фу какъ-будто сошли съ ума. Въ это время, лордъ Витморъ прибылъ въ китайскій эдемъ. Онъ вышелъ изъ своего судна передъ дворцомъ *коло Цинь*.

Лордъ Витморъ, человекъ лѣтъ пятидесяти-двухъ, слылъ самымъ искуснымъ дипломатомъ. Какъ дипломатъ, онъ явился въ Китай съ двойною цѣлю: повидному, чтобы принести поздравленіе счастливому преемнику Цинь-лона, а въ самомъ дѣлѣ, чтобы изслѣдовать это безмѣрное озеро, гдѣ кишатъ три-ста миліоновъ Китайцевъ. Новый императоръ слышалъ еще изъ устъ самаго Цинь-лона, что Небесная Имперія не слишкомъ много выиграла отъ посѣщеній лорда Макартнея и лорда Амгурста. По этому, прибытіе Витмора встревожило его; но онъ былъ слишкомъ благодаразуменъ, чтобы насильно загородить дорогу английскому агенту; напротивъ, онъ придумалъ одну хитрость, которая имѣла удивительный успѣхъ, какъ всѣ хитрые планы Китайцевъ. Китайцы не прибѣгаютъ къ насильственнымъ средствамъ; законы Ли-ки и Мену предписываютъ имъ чтить человѣческую жизнь и запрещаютъ проливать кровь. Лордъ Витморъ былъ совершенно спокоенъ съ этой стороны; онъ твердо зналъ и Ли-ки и Мену и читалъ Конфузды въ оригиналѣ. Онъ безъ ма-

лѣйшаго сомнѣнія былъ всѣмъ изысканнымъ кушаньямъ, которыми подчивали его добрые Китайцы. Прибывъ въ Сань-чу-фу, онъ думалъ расположиться какъ дома, какъ въ родномъ Лондонѣ. Дворецъ колао Цинь былъ къ его услугамъ.

Лордъ Витморъ на силу дождался первой спокойной ночи. Отъ самаго устья *Вань-хо* или рѣки Желтой, онъ не спалъ на мягкой постели; онъ не останавливался ни въ провинціи *Шань-цзюнь*, ни на берегахъ озера *Эмингъ*, окруженнаго синими горами, ни въ прелестной долинѣ *Пань-пингъ-Шенъ*, живописно раскидывающейся на лѣвомъ берегу императорскаго канала. Колао, принявшій его въ своемъ дворцѣ со всѣмъ радушіемъ, проговорилъ ему четыре стиха изъ поэта Канъ-хи. Удерживая красоту подлинника, это четверостишіе слѣдуетъ перевести такъ: Первая, сонъ, свѣтъ, солнце. Но въ переводѣ, недостойномъ генія китайскаго языка, это значитъ: вотъ вапа первая ночь; наслаждайтесь спокойнымъ сномъ до завтра.

Лордъ Витморъ проглотилъ чашку чаю и бросился въ постель, съ сладкою мечтою, что проспигъ десять часовъ самымъ спокойнымъ образомъ. Но только-что сладкій сонъ спустился на его рѣспицы, какъ у воротъ гостепріимнаго дворца послышалась прелюдія какой-то серенады. По китайскимъ обыкновеніямъ, знатный человекъ, въ честь котораго дается серенада, долженъ выйти на балконъ и, черезъ каждую четверть часа, аплодировать, поднявъ свои указательные пальцы наравнѣ съ ушами, и покачивая головою справа налѣво. Какъ искусный дипломатъ, лордъ Витморъ долженъ былъ покоряться всѣмъ китайскимъ обыкновеніямъ. Онъ всталъ съ постели, одѣлся и вышелъ на балконъ. Китайскій оркестръ гремѣлъ отчаяннымъ образомъ; визгъ, вон, мяуканье сопровождался адскимъ взрывомъ волкана пронзительныхъ звуковъ, и безчеловѣчно терзали европейское ухо лорда Витмора. Но лордъ Витморъ помнилъ слова лорда Батурста: «Другъ мой, въ Китаѣ не удивляйтесь ничему, принимайте все за самыя обыкновенныя вещи; слушайте все и не жалуйтесь ни на что.» Вѣрный этому наставленію, онъ выслушалъ серенаду до послѣдней ноты. Когда онъ вздумалъ-было удалиться въ комнату, передъ балкономъ взвились пятьдесятъ ракетъ.

— Рѣшительно, подумалъ лордъ Витморъ, зная принимаютъ какъ посланника; для чего жаловаться на эти почести, оказываемыя моею особѣ? Правда, мнѣ было бы пріятнѣе видѣть этотъ лестный приемъ, если бы прежде удалось хорошенько отдохнуть.

Фейерверкъ продолжался два часа и былъ заключенъ великолѣпною картиною, изображавшею затмѣніе

луны, на которую нападает синий драконъ. Побѣда луны надъ ея вѣчнымъ врагомъ была ознаменована букетомъ тысячи ракетъ. Послѣ этого, на улицѣ воцарилось молчаніе. Лордъ Витморъ легъ въ постель, чтобы снова излечить свои истерзанные уши и успокоить волненіе крови. Но ни тутъ-то было.

Въ Китаѣ нѣтъ ни одного богатаго дома, въ которомъ бы не было часовъ Кокса. Китаецъ готовъ отдать всѣхъ своихъ женъ за это сокровище. По волю злой судьбы, часы Кокса были и въ комнатѣ лорда Витмора и, какъ нарочно, начали бить полночь. Коксъ не только диковинный механикъ, но вмѣстѣ поэтъ, философъ, мыслитель. Онъ умѣлъ придать особое выраженіе музыкѣ каждаго часа; ничто не можетъ сравниться съ веселою, торжественною симфоніею полдня, когда мелодическіе звуки привѣтствуютъ солнце, достигшее зенита; но для полночи создана совсѣмъ другая музыка. Лордъ Витморъ узналъ это на опытъ. Сначала, простонали двѣнадцать продолжительныхъ, похоронныхъ ударовъ, сопровождаемыхъ какими-то вздохами и предсмертнымъ хрипѣемъ; съ каждымъ ударомъ, часы, подобно живому существу, какъ-будто разставались съ душою; за тѣмъ слѣдовалъ ударъ еще печальнѣе, еще заунывнѣе, и это продолжалось цѣлый часъ. Лордъ Витморъ двѣнадцать разъ вставалъ съ своей постели съ твердою рѣшимостью разбить въ дребезги проклятое изобрѣтеніе Кокса; но каждый разъ слова лорда Батурста останавливали его кулакъ, занесенный надъ неспособными часами. Наконецъ я могу уснуть, сказала лордъ Витморъ, когда прозвучалъ послѣдній ударъ.

Но въ часахъ Кокса эти жалобные стоны были только увертюрой большой лирической драмы. Лордъ Витморъ долженъ былъ убедиться, что Коксъ необыкновенный часовщикъ. Послѣ ударовъ, загудѣлъ гимнъ Лютера: «Великій Боже! что я вижу и слышу!» Лордъ Витморъ несколько спрыгнулъ съ своей постели, при первомъ раздающемся звукѣ этого гимна. Страшный стихъ повторяется шесть разъ, и каждый разъ звуки становятся печальнѣе, жалобнѣе. Лордъ Витморъ стиснулъ зубы и занесъ кулакъ надъ часами; на этотъ разъ произведеніе Кокса едва было не погибло; но опасеніе огорчить лорда Батурста удержало лорда Витмора, и онъ спрятался подъ одеяло. Часы все еще продолжали свою печальную музыку; то, казалось, звучалъ погребальный концертъ, то однообразные звуки мало-по-малу пробуждались изъ своей летаргіи и вдругъ начинали гремѣть мѣдными трубами, какъ-будто возвѣщая преставленіе свѣта. Было уже три часа утра, когда машина Кокса отзвонила полночь. Но часы тогда начали привѣтствіе загорающей зарѣ. Теперь зазвучала пастушеская арія, въ которой сливались звуки флейты, пѣніе птицъ, крикъ пѣтуховъ, пѣсни работниковъ, журчаніе ручейка, шелестъ древес-

ныхъ листьевъ, блѣяніе овецъ, словомъ, всѣ земныя и небесныя гармоніи, предшествующія восхожденію солнца.

Эта музыка совершенно гармонируетъ съ нравами трудолюбивыхъ Китайцевъ, которые встаютъ на зарѣ. Самъ китайскій императоръ принимаетъ къ себѣ съ докладами при блѣдномъ свѣтѣ утренняго сумрака. Министры, мандарины высшихъ классовъ и посланники обыкновенно проводятъ ночь въ садахъ императора, ожидая минуты своего утренняго представленія. И лордъ Макартней часто покорялся этому закону, разсуждая съ Стаутономъ цѣлую ночь объ важномъ предметѣ: правое или лѣвое колено преклонить передъ Сыномъ Неба, или, для чести Англии, вовсе не преклонять ни одного. Подражая императору, министры принимаютъ посѣтителей, въ своихъ садахъ тоже рано утромъ. Потому, когда часы окончили свой утренній гимнъ, лордъ Витморъ услышалъ, подъ окнами дворца, раскаты національнаго барабана. Это значило, что Колао Цинъ ожидалъ его въ саду.

Лордъ Витморъ проворно одѣлся и вышелъ въ садъ. Звѣзды еще блистали, бросая потухающіе лучи на землю, и при этомъ слабымъ мерцаніемъ можно было отличить блуждающія фигуры просителей на берегу небольшого пруда, и группу деревьевъ и статуй на террасѣ. Лордъ Витморъ взомель на эту террасу и представился министру, который посадилъ его возлѣ себя. Такъ-какъ они не находили никакого предмета для разговора, то какой-то мандаринъ высшей литературы раскрылъ творенія знаменитаго Кинъ-Цзынь-Дзы-Чинъ, и медленнымъ голосомъ началъ читать девятнадцатую книгу удивительной поэмы о землѣдѣліи. Лордъ Витморъ пытался спать съ открытыми глазами, но ему не удалось: при окончаніи каждаго стиха поэмы, колао выражалъ свое удивленіе такимъ произвѣщеніемъ и рѣзкимъ крикомъ, что лордъ несколько вздрагивалъ и выходилъ изъ забытія, прежде чѣмъ успѣвалъ заснуть. Послѣ двухъ часовъ чтенія, онъ получилъ позволеніе удалиться. Министръ отложилъ пріемъ другихъ лицъ до слѣдующаго дня; онъ не хотѣлъ, чтобы кто-нибудь занялъ мѣсто благороднаго представителя Англии. Эту неслыханную милость тотчасъ прославилъ хоръ мандариновъ, окружавшихъ Витмора, которые пропѣли ему, съ аккомпаниментомъ барабана, національный гимнъ предкамъ. Тринадцать разъ они повторили припѣвъ гимна: «Когда я подумаю объ всѣхъ, мои мудрые предки, я чувствую, что возвышаюсь до небесъ.» Лордъ Витморъ уснулъ при третьемъ припѣвѣ, оставивъ, впрочемъ, изъ учтивости, одинъ глазъ открытымъ. По окончаніи національнаго гимна, одинъ мандаринъ разбудилъ его со стороны заснуваго глаза и доложилъ, что министръ ожидаетъ его къ завтраку. Этотъ полусонъ освѣжилъ нѣсколько лорда и позволилъ ему вспомнить объ голодномъ желудкѣ. Столовая зала министра очаровала взоръ посѣтителя; запахъ корицы раздражалъ его вкусъ; на коврѣ были вышиты прекрасныя птицы; столъ, уставленный раз-

ными блюдами, отличался особенно опрятностію. Витморъ съѣлъ противъ колао и вознилъ жадный взоръ въ блюда.

Но колао, жаркій послѣдователь Фо, изгналъ изъ своего стола мясо всѣхъ животныхъ, и въ особенности мясо быка, потому-что въ Китаѣ, какъ и въ Египтѣ, быкъ считается священнымъ животнымъ. Это произвело непріятное впечатлѣніе на англійскій апетитъ. Первое блюдо состояло изъ китайскія капуста съ бѣлыми, тонкими и нѣжными листьями, и изъ капустнаго сока. Витморъ съ самоотверженіемъ принялся за это кушанье, но его плотоядное горло съ замѣтнымъ неудовольствіемъ пропускало овощи въ бунтующій желудокъ. Потомъ были поданы грибы, прославленные китайскимъ императоромъ Канъ-хи. Витморъ не терпѣлъ рѣшительно никакихъ грибовъ и искусно уклонился отъ бѣды отвѣдать это кушанье. Въ слѣдъ за тѣмъ, принесли огромное фарфоровое блюдо съ ююбами, обсыпанными перцомъ. Зубы Витмора защекали какъ-будто отъ мороза; этого безвкуснаго кушанья не могли приправить всѣ фарфоровыя блюда Небесной Имперіи. Для полноты несчастія, по какому-то случаю, взоръ гостя упалъ на прекрасную перспективу, видѣвшуюся изъ окна столовой залы: тучные быки бродили по зеленѣющимъ холмамъ и беззаботно щипали сочную траву. Лордъ Витморъ, умирая отъ голода за столомъ китайскаго министра, съ апетитомъ смотрѣлъ на эту живую, движущуюся коллекцію сытныхъ блюдъ. Въ минуту такой мечтательности, колао подаль ему чашку чернаго чаю, въ видѣ десерта. На лицѣ министра играла улыбка самодовольства отъ внутренняго сознанія, что онъ исполнилъ священный долгъ гостеприимства. Странное сомнѣніе, какъ молнія, зажгло мозгъ дипломата; ему показалось, что надъ нимъ смѣются. Но двѣ причины тотчасъ заставили его отвергнуть эту идею: во-первыхъ, британская гордость не позволяла вѣрять, чтобы глупый Китаецъ могъ мистифицировать европейскаго дипломата; во-вторыхъ, на лицѣ Китайца выражалась такая наивная простота, что невозможно было и подозрѣвать кокой-нибудь злой умыселъ.

— А! еслибы лордъ Батурстъ былъ здѣсь, говорилъ про себя лордъ Витморъ, я допросилъ бы его измѣнить свою инструкцію; я чувствую, что погибну въ этомъ дѣлѣ.

— Милордъ, вы всегда кушаете у меня, произнесъ Китаецъ съ отеческою привѣтливостію.

Итакъ, лордъ Витморъ постоянно долженъ присутствовать за голоднымъ столомъ китайскаго министра; отказаться было не ловко, потому-что отказъ обидѣлъ бы гостеприимнаго хозяина; кромѣ-того, это значило бы нарушить наставленіе лорда Батурста.

Въ эту минуту, нѣсколько слугъ вошли въ комнату и поставили передъ Витморомъ грубо высѣченный обломокъ скалы, который имѣлъ притязаніе изображать собою китайскаго Нептуна. Это былъ подарокъ со стороны

колао. Дипломатъ пришелъ въ замѣшательство, но потомъ прошелся нѣсколько разъ кругомъ драгоценнаго подарка и приказалъ отнести его въ свои камнаты. Только-что было исполнено это приказаніе, какъ доложили о депутаціи китайскихъ ученыхъ, *Цзинъ-та-куанъ-мыкъ*, свѣтильниговъ историческихъ наукъ. Это славное общество принадлежало къ древнѣйшей и знаменитѣйшей академіи во вселенной, гдѣ знали плугъ прежде Транто-леша, компасъ прежде Флавіо-ди-Джюя, и порохъ прежде Бертольда Шварца. Это общество владѣетъ могуществомъ прекращать затмѣніе солнца, если находило его вреднымъ для спокойствія народа. Лордъ Витморъ не могъ не принять знаменитыхъ ученыхъ; онъ спросилъ о пріемномъ церемоніалѣ, и ему сказали, что ораторъ обыкновенно говоритъ сидя, а слушатель долженъ стоять. Витморъ лучше выбралъ бы совсѣмъ противное, потому-что, отъ бессонницы и голода, онъ чувствовалъ неодолимое желаніе отдохнуть на мягкомъ диванѣ.

Гордость испанскаго хидальго или какого-нибудь татарскаго принца показалась бы смиреніемъ въ сравненіи съ гордostí президента знаменитаго общества ученыхъ. Онъ носилъ оранжевую шапочку, бѣлое перо и безконечную косу, — три вещи, на которыя съ завистью смотритъ Китаецъ. Онъ не поклонился лорду Витмору; съѣлъ на самую мягкую подушку, позволилъ сѣсть и своимъ товарищамъ и, развернулъ огромный манускриптъ, началъ торжественное чтеніе исторіи Китая.

Предметъ чтенія составляла исторія Китая. Ораторъ разсказывалъ о рожденіи Пуанъ-гу, перваго человѣка, о небесной династіи императоровъ Тьханъ-хуанъ, о земной династіи Ди-хуанъ, и о человѣческой — Жинъ-хуанъ. Потомъ онъ читалъ о династіяхъ пяти братьевъ Лунъ и шестидесяти-четырехъ Ше-ти; о трехъ Хо-ю, за которыми слѣдовали шесть императоровъ Линъ-дунъ, четыре Су-мынь, двадцать Санъ-фэй, тринадцать Ю-ди, и осмнадцать Шанъ-дунъ; за тѣмъ, по хронологическому порядку, слѣдовали императоры Ли-цзинъ-тхъ, Гай-югъ-ше, Янъ-ше, Дай-и-ше, авторъ натуральной исторіи, Гуиъ-санъ-ше, И-ди-ше и Хунъ-дунъ-ше, — все славыя императоры; далѣе ораторъ читалъ о семидесяти-двухъ еще знаменитѣйшихъ императорахъ, и о Цзи, славнѣйшемъ музыкантѣ и изобрѣтателѣ китайской политики. Послѣ этого дошло дѣло до Фу-хи; при имени Фи-хи, ораторъ поклонился, и всѣ ученые заплѣли гимнъ въ честь этого великаго человѣка, который считается истиннымъ основателемъ Китайской имперіи и знаменитѣйшимъ въ ряду семидесяти-шести послѣдующихъ династій. Ораторъ добросовѣстно изложилъ біографію всѣхъ императоровъ этихъ семидесяти-шести династій и особенно старался указать всѣ открытія, сдѣланныя въ царствованіе каждаго. Это чтеніе продолжалось двѣнадцать часовъ; не могло и быть иначе, потому что манускриптъ

заклучалъ въ себѣ сжатый и быстрый очеркъ исторіи Китая, самой длинной изъ всѣхъ возможныхъ исторіи. Лордъ Витморъ едва держался на ногахъ: китайскіе одно-сложные звуки повергли его въ лихорадочный бредъ. Прошло четверть часа, какъ ораторъ замолкъ, но въ ушахъ Витмора все еще раздавались странные звуки. Президентъ общества съ торжествующимъ видомъ ожидалъ отвѣта англійскаго путешественника, но несчастный дипломатъ забылъ китайскій языкъ, который немного зналъ прежде, забылъ даже и языкъ англійскій, онъ не чувствовалъ въ себѣ ни одной искры жизни. Въ этомъ болѣзненномъ состояніи онъ едва могъ вспомнить, что у него есть правая рука; онъ медленно поднялъ эту руку и положилъ ее на сердце, — пантомима, означающая глубокую благодарность, которой не можетъ высказать языкъ. Ученые удалились по два въ рядъ.

Оставшись одинъ, Витморъ упалъ на грудь подушекъ и заснулъ. Но его сонъ продолжавшійся не болѣе часа, только усилилъ въ немъ лихорадочный бредъ. Китайскія грезы, глубѣйшія изъ всѣхъ грезъ человѣческихъ, заронились въ головѣ несчастнаго путешественника. Сначала ему снилось, что передъ нимъ запрыгали всѣ семьдесятъ-шесть династій китайскихъ императоровъ; потомъ, будто онъ вилась переправлялся черезъ рѣку одностолбныхъ словъ, и безсмертный Фу-хи, о которомъ много читалъ ораторъ, спасъ его за волосы въ ту минуту, какъ онъ начиналъ тонуть; потомъ онъ сидѣлъ за столомъ въ Ричмондѣ и лордъ Батуретъ подчинялъ его филейною частію быка Аписа и стаканомъ пунша. Вдругъ раздалась пушечные выстрѣлы и пробудили лорда Витмора. Съ чрезвычайнымъ усиліемъ онъ собралъ свои члены, разбросанные въ подушкахъ и подъялся на ноги. Передъ нимъ стоялъ колао, съ одною изъ тѣхъ добродушныхъ физиономій, которыя ученый Панъ-хо-пей сравниваетъ съ полною луною, восходящею надъ горюю Ни-кью. Лордъ Витморъ, не имѣя силъ говорить, знаками спросилъ у министра, что значили эти выстрѣлы. Министръ отвѣчалъ, что граждане Санъ-чу-фу празднуютъ полнодніе, и что это торжество будетъ совершаться передъ его домою. Физиономія министра выражала внутреннее самодовольство, что онъ могъ найдти новый случай доставить приятное развлеченіе своему гостю. Они вышли въ садъ. Въ это время лордъ Витморъ украдкою сорвалъ два померанца для своего обѣда, потому-что въ день полноднія Китайцы не обѣдаютъ.

Передъ дворцомъ министра, на огромной площади, къ которой примыкали десять каналовъ, собрались всѣ жители Сан-чу-фу. Солдаты безъ милосердія разсыпали удары бамбуковыми тростями, чтобы водворить порядокъ въ шумной толпѣ. Эскадронъ *тигровъ* императорской гвардіи защищалъ отъ любопытства глупой толпы двѣнадцати-пушечную батарею. Женщины сколазили среди мужчинъ, расточая имъ свои улыбки. Вдругъ воз-

духъ огласился пронзительными криками, какихъ никогда не слышитъ ни одно европейское ухо, и всѣ устремили взоры на луно, показавшуюся надъ горюю Минъ-танъ. Пушечные выстрѣлы и оглушительная музыка, въ то же время, привѣтствовала явленіе этого солнца Китайцевъ, тысячи ракетъ взвились на воздухъ и освѣтили позолоченныя кровли дворцовъ и пагодъ и фэр-форовыя башни. При этомъ освѣщеніи, молодыя дѣвушки танцевали, гремя своими побрякушками; балансеры прыгали по канатамъ; комедіанты разыгрывали пантомимы; ламы пѣли гимны луи, и при каждомъ залпѣ пушекъ повторялся неистовый, пронзительный крикъ; тысячи фонарей бороздили улицу во всѣхъ направленіяхъ, какъ снопы падухичъ звѣздъ. Всѣ, поднявъ глаза къ небу, слѣдили медленное восхожденіе луны, которая, казалось, принимала эти почести съ блаженною улыбкою какого-нибудь китайскаго министра.

Чудное было зрѣлище! Наши европейскіе праздники-дрань, въ сравненіи съ этимъ праздникомъ полноднія, когда весь городъ, убранный разноцвѣтными кіосками и освѣщенный фонарями и ракетами, приветствуетъ спокойною парию ночи. Самъ лордъ Витморъ съ наслажденіемъ могъ въ полюбоваться на это зрѣлище, если бы былъ въ состояніи предаться энтузіазму. Но благородный лордъ приходилъ въ чувство только при громѣ артиллеріи; во всѣхъ другихъ случаяхъ, онъ былъ неподвиженъ и безчувственъ, какъ трупъ. Въ одну изъ минутъ нервнаго раздраженія, онъ собрался съ духомъ и спросилъ колао, долго ли будутъ праздновать это торжество?

— О! да отвѣчалъ Китаецъ, очень долго, до разсвѣта.

Круглое лице министра заблестало радостію, когда онъ сообщилъ эту счастливую новость англійскому дипломату. Лордъ Витморъ наконецъ потерялъ сознание; онъ не принадлежалъ ни жизни, ни смерти: его могли вывезти изъ этой летаргіи только миллионы пронзительныхъ голосовъ, прощавшихся съ луною при восхожденіи солнца. Лордъ Витморъ, поддерживаемый двумя сыновьями министра, кое-какъ добрался до своей спальни, на-силу могъ взобраться на кровать и тотчасъ погрузился въ глубокой сонъ. Нѣсколько часовъ отдыха освѣжили его. Онъ пробудился отъ страшной мечты; ему казалось, что онъ превратился въ тореадора, и какой-то быкъ готовъ былъ посадить его на рога. Въ эту минуту, въ его комнату вошелъ министръ и принесъ ему радостныя вѣсти, что получено письмо изъ Же-голы и что императоръ позволяетъ англійскому путешественнику прожить въ Санъ-чу-фу три мѣсяца. Благородный лордъ вздохнулъ изъ глубины сердца и знакомъ поблагодарилъ колао за эту вѣсть. Колао прибавилъ, что президентъ историческаго общества ожидаетъ визита лорда въ храмъ *истинно великаго свѣта*, и что для пріема сдѣланы пышныя приготовления.

— Я сдѣлаю визитъ президенту, произнесъ лордъ, потомъ, похожимъ на послѣдній вздохъ самопожертванія.

Колао улыбнулся съ самымъ добродушнымъ видомъ и принялъ физиономію человека, который дѣлаетъ себѣ насиліе, чтобы потребовать еще одной услуги. Витморъ открылъ въ половину свои покраснѣвшіе глаза и пристально смотрѣлъ на министра, согнувшись вопросительнымъ знакомъ. Тогда министръ сказалъ, что всѣ ученые города Санъ-чу-фу ожидаютъ, какъ отвѣта на чтеніе президента, полной исторіи Англии, переведенной на китайскій языкъ.

— Кто же долженъ перевести эту исторію на китайскій языкъ? спросилъ дипломатъ съ замѣтнымъ страхомъ.

— Вы, отвѣчалъ колао съ пріятною улыбкою.

— Но какъ вы хотите, чтобы я перевелъ вамъ десять томовъ исторіи! вскричалъ Витморъ.

— Вы проживете здѣсь три мѣсяца, отвѣчалъ колао съ очаровательнымъ добродушіемъ.

— А! произнесъ Витморъ, и опустил свою голову на грудь.

Китайскіе ученые назначили лорду Витмору три мѣсяца для перевода исторіи Юма.

— Скажите ученымъ, что я переведу эту исторію, проговорилъ англійскій путешественникъ.

— Чортъ побори всѣхъ этихъ Китайцевъ! закричалъ онъ, когда колао удалился изъ его комнаты! Прожить здѣсь три мѣсяца! Меня не будетъ здѣсь черезъ три часа! И лордъ Батуретъ, прибавилъ онъ послѣ минутнаго размышленія: присовѣтовалъ мнѣ изслѣдовать то бездѣльное болото, гдѣ кишатъ триста миллионъ узкоглазыхъ!!! О, пусть онъ самъ изслѣдуетъ, самъ лордъ Батуретъ!... Я все послѣдую мой желудокъ, и не найду въ немъ ничего.

Эта шутка развеселила дипломата; онъ прошелся нѣсколько разъ по комнатамъ и чувствовалъ въ себѣ еще довольно силы. Твердая рѣшимость всегда производить благоприятное дѣйствіе на слабое тѣло. Лордъ Витморъ думалъ о бѣгствѣ. Принявъ это намѣреніе, онъ хладнокровно подчинился всѣмъ случайностямъ послѣдняго дня своей неволи. Онъ отобладалъ вмѣстѣ съ министромъ и даже рѣшился проглотить нѣсколько грибовъ. Послѣ обѣда, онъ отправился въ храмъ *истинно великаго свѣта*, чтобы увидѣться съ учеными. Этотъ храмъ считается чудомъ во всемъ Китаѣ. На позолоченномъ жертвенникѣ поставленъ уродливый идолъ; толпа поклонниковъ всегда осаждаютъ ступени святилища, тогда-какъ въ другихъ отдѣленіяхъ храма Китайцы, цѣлыми семействами, собираются обѣдать, либо спать на циновкахъ; купцы заключаютъ свои условія: судовщики курятъ опиумъ; молодые дѣвушки ищутъ себѣ мужей; ламы играютъ въ шашки. Это микрокосмъ китайской жизни. Ученые сидѣли подъ открытымъ небомъ и, поднявъ вверхъ глаза, курили трубки. Посѣщеніе Витмора ограничива-

лось нѣсколькими минутами; онъ не произнесъ никакой рѣчи, но обѣщавъ перевести *Исторію Англии* на китайскій языкъ и представить ученымъ свой манускриптъ послѣ трехъ полнодній. Ученые, въ знакъ благодарности, закачали на своихъ скамьяхъ и пошевелили головами. Колао принялъ восторженный видъ; этотъ хитрый Китаецъ свернулъ бы въ своихъ длинныхъ ногтяхъ самого Талеярана. На его лицѣ никогда не обнаруживались черные замыслы; его румяныя, шаровидныя щеки были еозданы какъ-будто для одного добродушія. Это было лице добраго генія съ душою и тѣломъ орангъ-утанга.

Возвратившись во дворецъ колао, лордъ Витморъ старался поддержать беззаботный видъ и веселое расположеніе духа, чтобы обмануть своихъ шпионовъ и скрыть со всею европейскою тонкостію, планъ своего бѣгства. Онъ принималъ всѣ позы и всѣ тоны, отмѣченные въ словарѣ дипломатіи; оказывалъ вниманіе семейству колао, ласкалъ маленькихъ Китайцевъ, потребовалъ кипу пекинскія бумаги и стклянку жегольскихъ чернилъ, чтобы начать переводъ *Исторіи Англии*; даже выкурилъ двѣ трубки опиума, какъ человекъ, рѣшившійся сродниться съ правами Китайцевъ и долго прожить въ ихъ странѣ. Колао, съ своей стороны, казалось, со всей искренностью старался пріобрѣсти дружбу Европейца; онъ даже обѣщавъ благородному лорду чудесный гаремъ съ рынка Санъ-ча-фу. Китаецъ давно уже предвидѣлъ намѣреніе дипломата. Предложеніе гаремныхъ красавицъ было послѣднимъ, рѣшительнымъ ударомъ; лордъ трепеталъ каждую минуту увидѣть передъ собою этихъ уродцевъ съ маленькими ножками; принять ихъ или отказаться отъ нихъ — это было все равно; въ томъ и другомъ случаѣ, честь Великобританіи пострадала бы въ его лицѣ. Надо было убраться изъ города, какъ можно скорѣе.

Когда во дворцѣ колао всѣ предались сну, лордъ Витморъ тотчасъ оставилъ свою спальню и не безъ удивленія замѣтилъ, что всѣ двери были отворены. Онъ спокойно вышелъ на площадь; китайскій костюмъ, похищенный изъ гардероба колао, благопріятствовалъ его бѣгству. Бросая горсти золота лодочникамъ, онъ скоро достигъ до канала, соединяющагося съ рѣкою Желтою, а черезъ двѣ недѣли, плылъ уже по Желтому морю, на одномъ англійскомъ фрегатѣ. Въ часы досуга, лордъ Витморъ писалъ свои записки о характерѣ китайскаго народа. Эти записки не извѣстны читающему міру; между-тѣмъ англійскій дипломатъ показалъ въ нихъ весь свой наблюдательный геній. Вотъ портретъ Китайца, которымъ оканчивается произведеніе лорда Витмора:

«Китаецъ одаренъ самымъ ограниченнымъ умомъ; у него недостаетъ трехъ чувствъ, потому-что онъ имѣетъ только два; его такъ легко обмануть, что не стоитъ и хитрить передъ нимъ. Онъ работаетъ по истинкѣ; что дѣлалъ онъ вчера, то дѣлаетъ и нынѣ. Огните у

него эти болотныя убъжища, онъ умретъ какъ рыба безъ воды. Это племя бобровъ; ихъ страна — болото, пища — луковичныя корни; коса Китайца — хвостъ; его руки — лапы, его языкъ — крикъ.» Такъ глубоко лордъ Витморъ изучилъ характеръ Китайцевъ!

ОКАМЕНЬЛЫЯ ПАЛЬМЫ. Въ графствѣ Позей, въ области Соединенныхъ Штатовъ Индіанъ, открыто множество окаменѣлыхъ пальмъ. До двадцати-пяти окаменѣлыхъ кражей этихъ деревь, сгруппированные на небольшомъ пространствѣ, на берегу рѣки Бигъ-Крикъ, въ слоѣхъ сланцовой глины, стояли въ вертикальномъ положеніи. Всѣ они сохранили часть коры, обратившейся въ черное угольное вещество; а нѣкоторые изъ нихъ еще держались на своихъ первоначальныхъ корняхъ, видѣвшихихся въ почву земли. Футовъ на пятнадцать, ниже корней, найденъ каменно-угольный слой, толщиной отъ трехъ до четырехъ футовъ. Судя по положенію этихъ деревь, можно думать, что они были затоплены морскими водами и потомъ покрыты наносною землею.

НОВОИЗОБРЕТЕННАЯ МАШИНА ДЛЯ УТУШЕНІЯ ПОЖАРОВЪ. Въ Courrier beige сообщаютъ объ одномъ новоизобрѣтенномъ приборѣ для утушенія пожаровъ. Эта машина утверждена на подвижной оси, потому можно дѣйствовать ею во всѣхъ направленіяхъ; во время пожара, можно поставить ее посреди улицы и посредствомъ жоста привести въ сообщеніе съ загорѣвшимся домомъ; въ такомъ случаѣ, драгоценныя вещи, навѣрное, будутъ спасены, и лица, захваченныя пламенемъ во внутреннихъ комнатахъ, легко избавятся отъ опасности. Кроме того, употребленіе этого прибора устранить опасности, какими иногда подвергаются пожарные, взбираясь въ верхніе этажи по лѣстницамъ, обхвѣтымъ огнемъ.

РАЗМѢЩЕНІЕ ОРГАНИЧЕСКИХЪ СУЩЕСТВЪ ВЪ РАЗЛИЧНЫХЪ ГЛУБИНАХЪ МОРЯ. Послѣднія изслѣдованія господина Форбеса, произведенныя въ Ламанскомъ проливѣ и греческомъ архипелагѣ, привели его къ важнымъ геологическимъ и зоологическимъ результатамъ. Англійскій натуралистъ открылъ, что морскія растенія и животныя размѣщены, смотря по различію породъ, въ разныхъ глубинахъ воды, такъ-что каждое животное занимаетъ мѣсто, свойственное его породѣ. Число породъ уменьшается по мѣрѣ глубины. Познакомившись съ морскою глубиною известнаго мѣста, можно опредѣлить самую глубину этого мѣста. На глубинѣ шести-согъ-пятидесяти-шести футовъ не находятъ уже никакого растенія, а на тысячѣ-шести-стахъ-сорока футахъ ниже морскаго уровня, не встрѣчаютъ ни одного слѣда животнаго царства. Геологъ долженъ обращать вниманіе на послѣднее обстоятельство, когда объясняетъ происхожденіе известныхъ слоевъ, незаклочающихъ въ себѣ раковинъ. Свойство морскаго дна имѣетъ вліяніе на размѣщеніе органическихъ существъ въ песчаникѣ; на примѣръ, вообще не находятъ раковинъ. Такъ-какъ каждая порода животныхъ занимаетъ свойственное себѣ мѣсто, то, въ случаѣ какой-нибудь перемѣны

въ мѣстоположеніи, морскія животныя оставляютъ свое первоначальное жилище и уступаютъ его другой породѣ. Этотъ фактъ объясняетъ, почему въ одномъ и томъ же мѣстѣ встрѣчаются слои, наполненные раковинами и неимѣющие никакихъ раковинъ. Господинъ Форбесъ открылъ еще одинъ важный фактъ, именно *переселеніе моллюсковъ*. Переселеніе замѣчено даже въ такихъ породахъ, которыя, кажется, самую природою связаны съ грунтою земли. Оно совершается посредствомъ переноса личекъ, которыя, соединившись въ одну группу, плаваютъ въ волнахъ океаніи, пока не достигнутъ пункта, свойственнаго породѣ моллюсковъ.

УСПѢХИ ПРОСВѢЩЕНІЯ НА САНДВИЧЕВЫХЪ ОСТРОВАХЪ. На Сандвичевыхъ островахъ, въ настоящемъ году, издается одинъ журналъ, на туземномъ языкѣ. Первые четыре нумера уже получены въ Европѣ. Редакторъ этого журнала какой-то америкаискій миссіонеръ. Въ этомъ листкѣ помѣщаются статьи политическаго, религіознаго и литературнаго содержанія. По словамъ редактора, число его подписчиковъ простирается до трехъ тысячъ.

ОХОТА ЗА ЛЬВАМИ ВЪ ТЕКЕЛИ. Жители Текели, вообще отличающіеся воинственнымъ характеромъ, выказываютъ необыкновенную отвагу и въ охотѣ за львами. Вотъ какъ одинъ путешественникъ описываетъ смѣлые подвиги Текелійцевъ съ грознымъ властелиномъ африканскихъ степей.

«Охотникъ подмѣчаетъ то мѣсто, куда какой-нибудь левъ приходитъ, въ жаркіе часы дня, для отдыха. Съ ранняго утра, когда левъ еще не успѣетъ возвратиться съ своей ловли, охотникъ, съ хорошимъ запасомъ камней и съ шестью или семью острыми пиками, отправляется къ любимому пріюту своего страшнаго соперника и взбирается на какое-нибудь соседнее дерево. Въ десять или одиннадцать часовъ утра левъ приходитъ къ привычному убъжищу; случается, что онъ замѣчаетъ чело-вѣка, притаившагося подъ древесными вѣтвями, но это обстоятельство ни мало не тревожитъ его, и онъ спокойно ложится отдыхать въ ожиданіи вечерней прохлады. Человѣкъ, съ своей стороны, не трогается съ своего мѣста. Настаетъ полдень; ягучіе лучи солнца раскаляютъ песокъ, такъ-что левъ не можетъ сдѣлать шагу, не чувствуя боли; въ это время охотникъ пускаетъ ему въ голову два или три камня. Звѣрь реветъ отъ боли и ярости, но, не рѣшаясь оставить своего убъжища подъ прохладною тѣнью, ограничивается лишь тѣмъ, что, въ знакъ угрозы, бьетъ хвостомъ по своимъ бокамъ. Между-тѣмъ ударъ слѣдуетъ за ударомъ; наконецъ это приводитъ его въ ярость; онъ встаетъ и бросается на дерево, съ котораго сыплется этотъ дождь камней. Охотникъ поражаетъ его мѣткимъ ударомъ копыя. Эта рана, и еще боль, производимая ягучимъ пескомъ, исторгаютъ у него страшный ревъ, и онъ возвращается на прежнее мѣсто. Охотникъ даетъ ему минуту отдыха и потомъ снова начинаетъ свое нападеніе. Левъ опять кидается къ дереву и опять получаетъ силь-

ный ударъ копыемъ и возвращается на прежнее мѣсто. Это повторяется нѣсколько разъ. Левъ постепенно терять свои силы, вмѣстѣ съ истеченіемъ крови; измученный собственною яростію и истомленный бесполезными атаками, онъ удаляется на нѣкоторое разстояніе. Охотникъ слѣдитъ его глазами, и, черезъ нѣсколько времени, находитъ мертвымъ.»

ВЛІЯНІЕ ТЕМПЕРАТУРЫ НА ОБРАЗОВАНИЕ КОРАЛЛОВЫХЪ МЕЛЕЙ. По изслѣдованіямъ господина Дана (Dana), коралловые полипы могутъ существовать при температурѣ не ниже девятнадцатаго градуса, по стоградусному термометру. Это открытіе объясняетъ кажущіяся отклоненія отъ общаго закона, которыя замѣчаютъ въ размѣщеніи коралловыхъ мелей на Великомъ Океанѣ. Такъ на примѣръ, на островахъ Гальянаго, лежащихъ подъ экваторомъ, не находятъ никакихъ слѣдовъ коралловъ, между-тѣмъ-какъ коралловыя мели встрѣчаются на Бермудскихъ островахъ, подъ тридцать-пятью градусомъ сѣверной широты, слѣдовательно, четырьмя или пятью градусами далѣе настоящаго рубежа коралловъ. Эти не-правильности теперь объясняются очень легко. Теплыя воды Гольфа-Стрима сохраняютъ, близъ Бермудскихъ острововъ, температуру, необходимую для существованія коралловъ; но холодныя воды другаго теченія, которое идетъ отъ южнаго полюса вдоль западнаго берега Южной Америки, понижаютъ температуру океана близъ острововъ Гальянаго до пятнадцатаго градуса, тогда-какъ градусовъ на двадцать къ западу температура воды повышается до двадцати-деяти градусовъ. Теченія, которыя, подобно послѣднему, получаютъ свое начало за тропиками, имѣютъ направленіе вдоль западныхъ береговъ обоихъ материковъ, то къ сѣверу, то къ югу отъ экватора; но теченія, начинающіяся въ тропическихъ моряхъ, стремятся вдоль восточныхъ береговъ стараго и новаго свѣта. По этому, поясъ коралловыхъ мелей суживается у западныхъ береговъ и расширяется у восточныхъ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ И СТАТИСТИЧЕСКІЯ ЗАМѢЧАНІЯ О КОЛОКОЛАХЪ. Во французскомъ журналѣ L'Echo du Monde Savant, помѣщены любопытныя замѣтки аббата Барро (Barraud) о колоколахъ. По изслѣдованіямъ этого археолога, первыя историческія свидѣтельства объ употребленіи колоколовъ въ Западной Церкви встрѣчаются у писателей не ранѣе седьмаго и осьмаго столѣтіи; но на Востокѣ обыкновеніе сзывать христіанъ къ богослуженію звономъ колоколовъ было принято уже въ девятомъ вѣкѣ. Венеціанскіе историки пишутъ, что Урсусъ, дожъ Венеціанской республики, послалъ первые колокола греческому императору Михаилу; но до этого времени Греки употребляли, вмѣсто колоколовъ, деревянныя инструменты. Впрочемъ, не всѣ греческіе города усвоили это обыкновеніе; каноникъ Альбертъ, въ своей исторіи Іерусалима, пишетъ, что онъ никогда не видѣлъ колоколовъ въ этомъ городѣ, прежде чѣмъ Готфридъ Буилонскій сдѣлался его владѣтелемъ, въ 1099 году. Съ эпохи завое-

ванія Константинополя Магометомъ Вторымъ, то есть, съ 1452, употребленіе колоколовъ запрещено во всей Оттоманской имперіи, кромя мѣстъ, отдаленныхъ отъ жилищъ мусульманъ. Такъ, на примѣръ, въ монастыряхъ Афонской горы были оставлены и колокола и часы.

Первоначально колокола были не такъ велики; но съ теченіемъ времени они приняли колоссальныя размѣры. Гельгадъ, писатель одиннадцатаго вѣка, говоритъ, что король Робертъ приказалъ вылить для одной церкви пять колоколовъ; самый большой изъ этихъ колоколовъ, названный въ лѣтописи Удивительнымъ, вѣсомъ около ста пудъ. Съ пятнадцатаго столѣтія колокола дѣлаются болѣе и болѣе замѣчательными по своей громадности. Вотъ перечень самыхъ большихъ колоколовъ въ свѣтѣ, вѣсъ которыхъ представленъ во французскихъ фунтахъ. Колоколъ парижскаго собора Богоматери вѣситъ 32,000 фунтовъ; его діаметръ равняется 8 футамъ, вышина той же мѣры. Знаменитый руанскій колоколъ, перелитый, въ 1793 году, въ пушки, вѣсилъ 36,364 фунта. Колоколъ въ Реймсѣ 23,000 фунтовъ. Большой колоколъ на колокольнѣ Св. Іоанна, въ Москвѣ, вѣситъ 114,000 фунтовъ; а кремлевскій колоколъ, имѣющій 21 футъ въ вышину и 23 фута въ діаметръ, вѣситъ 492,200 фунтовъ (12,000 пудъ). Накинъ нѣкогда славился своими колоколами, но башня, на которой они были повѣшены, разрушилась отъ ихъ огромной тяжести и они теперь лежатъ въ горахъ щебня. По свидѣтельству нѣкоторыхъ путешественниковъ, одинъ изъ этихъ колоколовъ имѣлъ одиннадцать футовъ въ вышину и двадцать-два фута въ окружности. Пекинскій колоколъ, въ который звонятъ для означенія часовъ, имѣетъ двѣнадцать футовъ въ діаметръ, сорокъ въ окружности и двѣнадцать въ вышину, не считая ушей, которыя поднимаются по-крайней-мѣрѣ фута на три. Вѣсъ его равняется 120,000 фунтовъ.

КАЖДОДНЕВНЫЙ ИТОГЪ ЖУРНАЛОВЪ, ПЕЧАТАЕМЫХЪ ВЪ ПАРИЖѢ. Число журналовъ, которые каждый день выходятъ изъ парижскихъ типографій, простирается до девяноста-тысячъ-девяноста-сѣтъ экземпляровъ. Пятьдесятъ-двѣ-тысячи-шесть-сѣтъ экземпляровъ рассылаются по департаментамъ, а тридцать-восемь-тысячъ три-ста расходятся въ Парижѣ.

ВОЗДУШНЫЙ КОФЕЙНЫЙ ДОМЪ. Въ Авиньонѣ недавно устроили кофейный домъ на одномъ изъ столѣтнихъ вѣзловъ, обхвѣяющихъ площадь Крыльонъ. Этотъ бельведеръ, къ которому ведетъ лѣстница и деревянный мостикъ, представляетъ продолговатый четырехугольникъ, обведенный перилами и скамьями; въ его внутренности гдѣ поставлено семь столовъ, могутъ помѣститься до пятидесяти человекъ. Все зданіе поддерживается, на довольно значительной высотѣ, огромными вѣтвями колоссальнаго вяза. Съ этой прелестной террасы можно видѣть толпы гуляющихъ по берегамъ Роны.

РАЗРАБОТКА БИРЮЗОВЫХЪ РУДИКОВЪ ВЪ ХОРАСАНАХЪ. Въ утесистыхъ горахъ Хорасана, среди мрачныхъ, обгорѣлыхъ скалъ, лежатъ двѣ небольшія деревни, окруженныя бастіонами и зубчатыми стѣнами. Въ этомъ пустынномъ углу Персіи живутъ до ста-пятидесяти семействъ, которыя, въ царствованіе одного изъ послѣднихъ шаховъ, переселились сюда изъ Бадаххана, страны, знаменитой своими рубинами и другими драгоценными камнями. Персидское правительство предоставило этимъ колонистамъ разработку бирюзовыхъ рудниковъ. Бадахханскіе переселенцы не знакомы съ теоріей европейскихъ минералоговъ, но, руководствуясь долговременнымъ опытомъ, они съ успѣхомъ исполняютъ свою обязанность.

Рудокопы раздѣляютъ бирюзу на два рода: на каменистую и земляную. Первую обыкновенно находятъ въ каменистыхъ слояхъ земли и посредствомъ мотыгъ, или молотовъ, отдѣляютъ ее отъ камней. Послѣдняя добывается посредствомъ промыванія песку, въ которомъ, на известной глубинѣ, встрѣчаются бирюзовые камни, не смѣшанные ни съ какими посторонними веществами. Первая отличается темно-голубымъ цвѣтомъ и цѣнится гораздо выше послѣдней, которая имѣетъ блѣдный цвѣтъ и покрыта бѣловатыми пятнами. Мѣста, гдѣ добываютъ каменистую бирюзу, ограничиваются, слишкомъ незначительною группою утесовъ. Персидское правительство не заботится объ открытіи новыхъ рудниковъ; потому прекрасные бирюзовые камни, получаемые теперь изъ Хорасана, найдены въ тѣхъ же мѣстахъ, которыя разрабатывались въ прежніе годы, и въ которыхъ уже давно высѣчены безчисленныя галереи, тоннели и колодца. Здѣсь, въ глыбахъ каменистой или песчаной массы отколотыхъ отъ стѣнъ скалъ, вдругъ видите, въ одной грудѣ, отъ двадцати-пяти до тридцати бирюзовыхъ камней; каждый изъ этихъ драгоценныхъ камней покрытъ чрезвычайно тонкою известковою оболочкою, бѣлою внутри и темно-желтою съ наружной стороны.

Что касается до бирюзы, известной подъ именемъ земляной, ее находятъ въ одной долинѣ, гдѣ не видно ни одного утеса, но стелется глинистый слой хрища и сыпучихъ кремней. Работники наполняютъ этимъ хрищемъ сита, которыя потомъ погружаются нѣсколько разъ въ рѣку, извивающуюся у подошвы утесовъ. Вода уноситъ землянистыя и песчаныя частицы, и въ ситѣ разсыпятся передъ вами бирюзовые камни. Впрочемъ, эти камни, какъ мы замѣтили, слишкомъ блѣды и цѣнятся довольно низко. Рудокопы говорятъ, что, по отношенію къ цвѣту, бирюза походитъ на вишню, потому что, вмѣстѣ съ зрѣlostію, получаетъ болѣе яркій голубой отливъ; но, прибавляютъ они, вишня созрѣваетъ въ одну весну, а для бирюзы надо тысячу лѣтъ.

Бирюзовые камни, добываемые посредствомъ промыванія, достигаютъ иногда до необыкновенной величины. Фетъ-Али-Шахъ, предшественникъ нынѣ царствующаго шаха, имѣлъ чашу, сдѣланную изъ одного куска бирюзы. Въ Венеціи, между прочими рѣдкостями, хранится бирюзовый камень, вѣсомъ въ нѣсколько фунтовъ. Жители Хорасана украшаютъ этими драгоценными камнями сбруи своихъ лошадей.

НАВОДНЕНИЕ, ПРОИСШЕДШЕЕ ОТЪ ПРОРЫВА ПОДЗЕМНОЙ ВОДЫ. Въ Португаліи, въ округѣ Виссу, между небольшою рѣчкою Олейросъ и рѣчкою Дуро, на пространствѣ нѣсколькихъ верстъ, почва была взорвана напоромъ подземной воды съ такою силою, что земля и камни взлетѣли на воздухъ на довольно значительную высоту. Вода, стремительно разлившись по окрестностямъ, опустошила обработанныя поля и во многихъ мѣстахъ изрыла землю оврагами футовъ въ сорокъ глубиною и около ста-восьмидесяти футовъ въ ширину. Это наводнение разрушило до пятидесяти вѣтряныхъ и водяныхъ мельницъ и нанесло смерть девяти человѣкамъ. Рѣка Дуро покрылась безчисленными обломками. — Въ тотъ же самый день, въ томъ же округѣ, подобное явленіе произошло на горѣ Марселимъ; но въ этомъ мѣстѣ всѣ несчастія ограничились разрушеніемъ одной фермы и гибелью нѣсколькихъ головъ домашнего скота.

ЦЕРЕМОНИАЛЬНАЯ ВСТРѢЧА ДОНГОЛАСОВЪ. Донголасы, жители Нубіи, считаются самымъ учтивымъ, самымъ церемоннымъ народомъ на всемъ Востокѣ. Свиданіе двухъ пріятелей, долго невидѣвшихся другъ съ другомъ, представляетъ для Европейца довольно любопытную сцену, какія можно встрѣтить только въ Донголѣ. Послѣ обыкновеннаго поклова, друзья останавливаются, каждый кладетъ свою лѣвую руку на правое плечо пріятеля; потомъ раскланиваются нѣсколько разъ и при каждомъ поклонѣ пожимаютъ другъ другу правую руку, которую послѣ этого подносятъ къ сердцу, устамъ и къ челу. Начинаются разпросы о дѣтяхъ, о домѣ, о домашнемъ скотѣ и такъ далѣе, до самыхъ мелочныхъ предметовъ. Этотъ перечень продолжается иногда болѣе четверти часа; кажется, нѣтъ нужды замѣчать, что, по восточнымъ обыкновеніямъ, во время этихъ разпросовъ никогда не бываетъ рѣчи о женахъ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Въ книжномъ магазинѣ К. А. Полеваго, на Невскомъ Проспектѣ, противъ Городской Думы, въ домѣ Рогова, продаются слѣдующія книги:

О БѢЛОЙ ГОРЯЧКѢ. Соч. доктора Хр. Виттъ. Содержаніе книги: О сущности этой крайне безпokoйной и опасной болѣзни. О принадлежностяхъ постоянно сопровождающихъ эту болѣзнь, по которымъ только и можно ее отличить отъ воспаления въ мозгу, отъ обыкновеннаго сумасшествія и другихъ болѣзней. О причинахъ этой болѣзни. О крѣпкихъ спиртныхъ напиткахъ, какъ о предрасполагающей и случайной, но не единственной причинѣ бѣлой горячки. Объ особенномъ и нерѣдко врожденномъ расположеніи мозга къ пораженію особеннаго рода, свойственнаго бѣлой горячки. О самоубійствѣ, на которое иногда покушаются люди полнокровные, располо-

женные къ бѣлой горячкѣ. Объ употребившемъ новомъ леченіи этой болѣзни, взаменъ прежняго леченія оной прежнею методою съ напрасными мученіями для больнаго сопряженною, притомъ, болѣею частью безуспѣшною. О психическомъ леченіи одержимыхъ бѣлою горячкою. О бѣлой или френетической горячкѣ у женщинъ и у дѣтей. Наставленіе какимъ образомъ въ домахъ и въ больницахъ обращаться съ этими больными и оберегать ихъ во время сильнаго ихъ безспокойства и бреда, съ особенными призраками.

Цѣна этой книги 75 коп. сер.; а съ пересылкою въ другіе города Имперіи 1 р. сер.

ВЕРСТОЛЪФЪСКИН ПЕРВСТН

Этотъ журналъ выходитъ четыре раза въ мѣсяцъ. Подписная цѣна, серебромъ, за годъ 14 руб. 30 коп., за полгода — 8 руб. На почтовую пересылку за годъ 1 рубль 50 копѣекъ, за полгода 75 копѣекъ. За доставку въ С. Петербургѣ на домъ, въ теченіе года или полу-года, 70 копѣекъ.

Подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ К. А. Полеваго: 1) въ С. Петербургѣ, на Невскомъ-Проспектѣ, въ домѣ Рогова, противъ Думы; 2) въ Москвѣ, на Тверской, въ домѣ Матвеевой. Иногородные адресуются въ Газетную Экспедицію Санктпетербургскаго Почтамта.

Содержаніе: Современная Исторія и Политика. Внутреннія и заграничныя вѣ-
вѣстия. — Русская Словесность. Маіоръ Смагинъ, повесть. — Науки и
Художества. Флорида. — Смѣсь. Океанъ. — Предѣлы нашихъ ро-
зысканій въ морскихъ глубинахъ. — Общій очеркъ подводнаго міра. —
Растительное царство на днѣ океана. — Обитатели океана. — образо-
ваніе новыхъ земель среди моря. — Ученое общество и обсерваторія
въ Альтенъ. — Необыкновенный сборъ янтара на берегахъ Балтійскаго
моря. — Горящее море. — Замѣчательный обвалъ земли. — Слуга
честныхъ правилъ.
При этомъ номерѣ приложенъ портретъ Принца Алберта.

№ 11. май 1844.

A. 139 / 36 СЫНЪ

ОТЕЧЕСТВА.

СОДЕРЖАНІЕ.

Содержаніе: Современная Исторія и Политика. Внутреннія и заграничныя вѣ-
вѣстия. — Русская Словесность. Маіоръ Смагинъ, повесть. — Науки и
Художества. Флорида. — Смѣсь. Океанъ. — Предѣлы нашихъ ро-
зысканій въ морскихъ глубинахъ. — Общій очеркъ подводнаго міра. —
Растительное царство на днѣ океана. — Обитатели океана. — образо-
ваніе новыхъ земель среди моря. — Ученое общество и обсерваторія
въ Альтенъ. — Необыкновенный сборъ янтара на берегахъ Балтійскаго
моря. — Горящее море. — Замѣчательный обвалъ земли. — Слуга
честныхъ правилъ.
При этомъ номерѣ приложенъ портретъ Принца Алберта.

ГОДЪ ТРИЦАТЬ-ВТОРОЙ.